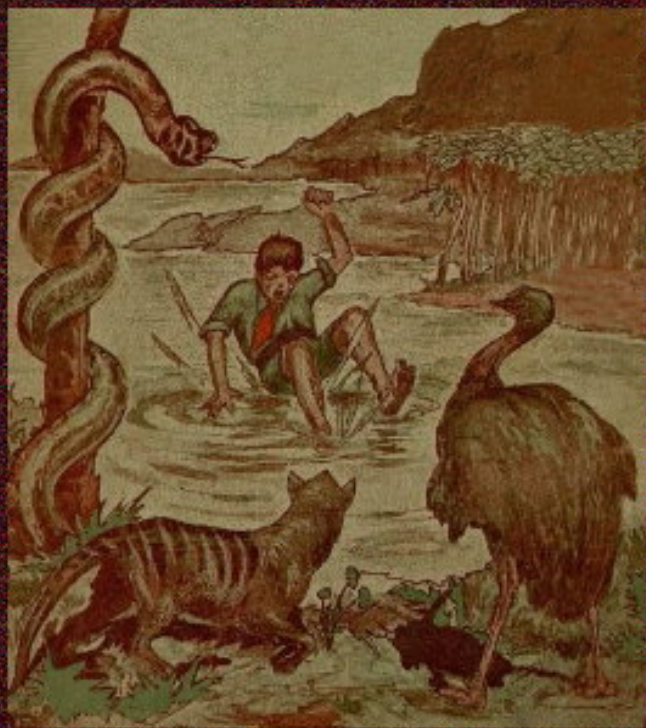

[Polaris]

ВИКТОР ГОНЧАРОВ

ПОД СОЛНЦЕМ
ТРОПИКОВ

Полное собрание сочинений

Том VI

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Salamandra P.V.V.

ВИКТОР ГОНЧАРОВ
ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

Том VI

**Виктор
ГОНЧАРОВ**

ПОД СОЛНЦЕМ ТРОПИКОВ

Почти сказочные приключения
пионера Петьки в Австралии

Salamandra P.V.V.

Гончаров В. А.

Под солнцем тропиков: Почти сказочные приключения пионера Петьки в Австралии. День Ромэна. Подг. текста и прим. А. Шермана. Рис. Е. Бургункера и С. Бигоса. – (Полное собрание сочинений в шести томах, т. VI). – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 292 с., илл. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика).

В заключительный том собрания сочинений В. Гончарова вошел роман «Под солнцем тропиков». В этом авантюрном повествовании, напоминающем «необыкновенные путешествия» Ж. Верна, рассказывается о похождениях пионера Петьки и химерического анархиста Бамбар-биу в джунглях Австралии. Как водится, автор сообщает множество полезных и ненужных сведений, помещает героев в самые немыслимые положения и... пародирует все каноны жанра.

В книгу включен также рассказ «День Ромэна» – последнее известное произведение писателя. В послесловии составителя собрания делается попытка разгадать загадку Виктора Гончарова.

ПОД СОЛНЦЕМ ТРОПИКОВ

Почти сказочные приключения
пионера Петьки в Австралии

В. ГОНЧАРОВ

ПОД
СОЛНЦЕМ
ТРОПИ
К
О
В

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

ПРИСКАЗКА

Надо вам сказать, честно сказать, что хоть эта повесть и названа «почти сказкой», ничего сказочного в ней вы не найдете. То есть никаких колдунов, волшебников, фей. Никаких великанов, карликов, духов и ведьм. Ни чертей и ни ангелов. А богов? — И богов, естественно.

— Почему? — спросите вы, может быть, разочарованно.

— Да потому, что их нету, — отвечу я.

А, признаться, я их искал. Очень усердно искал, и по всем местам. Когда мне вздумалось написать для ребят книгу, я первым делом вспомнил о бане. Баня у нас заброшена. Стоит она в самом дальнем конце сада, следовательно, — место, подходящее для нечистой силы. И сад заброшен. В нем растут лопухи, крапива, чертополох, бузина, дурман и одна корявая яблонька.

На яблоньке каждый год аккуратно появляются маленькие горьковато-кислые яблочки. Этими яблочками, к слову сказать, даже свиньи брезгают. Но Петька, про которого сказ впереди, уверяет, что если крепко зажмуриться, то

«яблочки эти даже очень вкусные». Честно скажу: не знаю, не пробовал, потому спорить не буду и перейду прямо к нечистой силе.

Темной-претемной летней ночью (я нарочно выбрал такую ночь) отправился я в баню. Над головой у меня была тьма, под ногами — тьма, и кругом — тьма. Но в лопухах ярко горели светлячки и где-то глухо тьякала жаба. Я тихо вошел в баню и в крошечной жути произнес страшное заклинание. Вот оно:

«В о г о б и й
е т р е ч — в т и р е,
В о т к е т — и к а р у д».

Разумеется, заклинанию меня научила бабушка. «Смотри, говорит, больше трех раз не произноси, однако. Не то худо будет»...

Подумаешь, запугала!.. Но, чтобы не портить дела, я ограничился тремя разами и стал ждать. Тихо было, как под землей. Пахло дохлой крысятиной и гниющим деревом...

От долгого ожидания меня закрепило в сон. Тогда, наплевав на бабушкино запрещение, я снова произнес заклинание, но уже не три раза, а тридцать три. Можно сказать, без счету...

Где-то, должно быть, под лавкой, вдруг захрустело что-то.

«Очень хорошо, — подумал я, — кажется, начинается».

Какое-то теплое, мягкое, как гигроскопическая вата, коснулось моего лица. Дунуло в глаза. Замахало вокруг головы. Под лавкой хруст перешел в чавканье.

«Или ведьма, или черт»... — соображал я, затаив дыхание.

Мягкая лапа легла мне на голову. Я невольно вздрогнул. Лапа принялась, и неизвестный болван заскрипел гвоздем по стеклу. Терпеть не могу этих противных звуков! Но нужно было терпеть, — так учила бабушка. Визг через минуту прекратился. Кто-то погладил меня по голове. Кто-то зашлепал по сырому полу навстречу...

Я зажег электрический фонарик. Громадная крыса шархнулась под лавку. Со стеклянным визгом заметалась в воздухе летучая мышь...

— Ладно. Здесь неудача, — сказал я себе, отнюдь не падая духом, и покинул баню. В ту же ночь я обшарил все погреба, сараи и чуланы. Даже в подполье слазил. И что же вы думаете? Кроме крыс, мышей и жаб, другой нечистой силы мне так и не попало. Вот поди ж ты, и страшное заклинание не подействовало.

Вернувшись к бабушке опечаленным, я рассказал ей все, как было. Бабушка ухмыльнулась мудро и попросила меня прочитать заклинание навыворот, с последней буквы. Я прочитал и оч-чень сконфузился...

Так же неудачно закончились мои поиски в отношении колдунов, волшебников, фей, богов, ведьм и ангелов. Вот почему сказка моя обошлась без всего этого элемента.

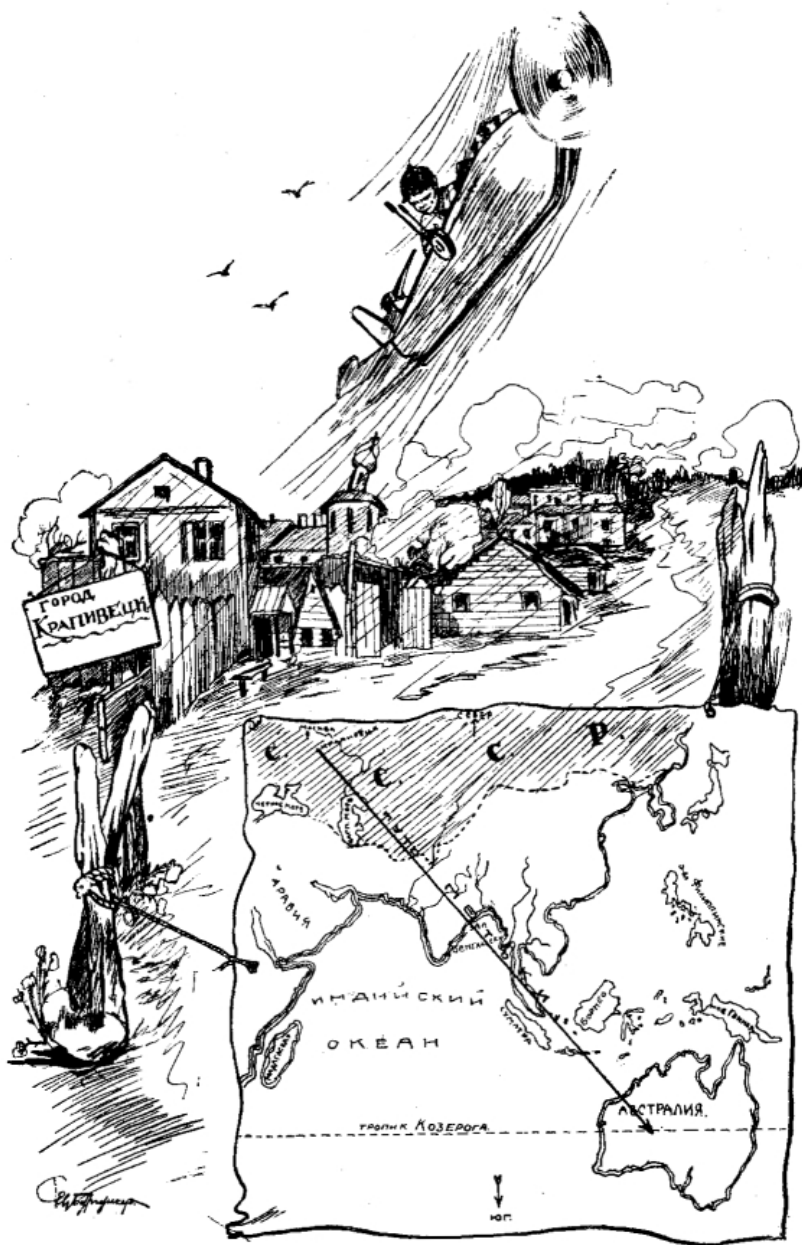
— Постой, постой... — заявит тут мне добросовестный читатель. — А вот, к примеру, у тебя одна глава названа так: «Бой Петьки с чертом». Петьку-то я знаю; это тот, который яблоки кислые ест, зажмурясь. Петьку я определенно знаю, а что же это за черт, разреши узнать? Разве это не «элемент»?

— Каюсь, — отвечу я, замигав левым глазом (правым я не умею мигать), — каюсь, одного черта мне пришлось-таки ввести в сказку, но, во-первых, он маленький и паршивенький, во-вторых, без копытц и хвоста и, в третьих, даже не черт, а просто...

Но кто он, я так и не скажу сейчас.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**ИЗ КРАПИВЕЦКА К ТРОПИКУ
КОЗЕРОГА**

1.

Человек, снимающий квартиру в бане, странный человек

Он появился рано утром, когда все еще спали. Бабушка, которая почти никогда не спит, столкнулась с ним у ворот, звякнув испуганно пустыми ведрами.

— Ах, ты, господи, нечистая сила! — воскликнула она. — Да вы ж меня напугали...

— Извините, бабушка, — сказал он. — Извините, что я вас напугал. Здравствуйте, прежде всего. — И затем: — Чей это миленький домик?

— Домик этот наш, — отвечала бабушка, оправившись, — и, кроме того, народный, как земля есть собственность трудящихся. Но кто вы такой? Я вас действительно не знаю.

На нем была кепка-механка, промасленная и сплюснутая, кожаная куртка, начищенная, как сапоги; брюки в полоску и сапоги — рыжие и в заплатках. Лицо его было брито и изрезано морщинами.

— Я есть техник-механик, — отрекомендовался он, — служу на заводе «Динамо». Зовут меня Аркадием Ивановичем, по фамилии — Лялюшкин.

— Очень хорошо, тов. Лялюшкин, — обрадовалась бабушка, — у меня два ведра, которые протекают. Почините мне их, я вам заплачу гривенник. Но прежде подождите, Лялюшкин, я схожу по воду.

— Я, собственно... — пробормотал Лялюшкин, — конечно, ежели и вообще...

— Очень хорошо, — перебила его бабушка, — ежели гривенника мало, семитку прибавлю. А пока обождите все-таки.

Заперев ворота на ключ, она быстро пошла вверх по улице.

Техник сел на завалинку, собрал в гармошку морщинистый лоб и задумался. Думал он усиленно, но о чем — неизвестно. Протекло пять минут — бабушки не было. Через десять минут визгнул болт в окне, техник подался с завалинки и увидел, как болт выскочил из щели, мотнулся в воздухе, громыхнул по стене и открылись ставни.

— Явление второе, — проворчал Лялюшкин, — а ведь мог и по голове.

— Мог, — согласился Петька, потому что это был Петька, — но ведь я не знал, что ты здесь сидишь. А где бабушка?

— Значит, ушла по воду.

— А кто ты?

— Техник-механик, гальванский скок.

— Хым!.. Корабль умеешь делать?

— Умею.

— И самолет?

— И самолет, и самокат, и паровоз. Все, что угодно.

— Это здорово, только мне на это наплевать, мне бы — радио... — Петька свесил ноги в окно и оказался мальчу-

ганом лет одиннадцати с красным галстуком на шее и хохолком на макушке.

— Можно к тебе? — спросил он.

— Никак нельзя, — мотнул головой техник.

Но Петька увидел в глазах его веселые огоньки и прыгнул на улицу.

— Ты чего ждешь? — спросил он.

— Значит, бабушку, — отвечал техник и, почесав переносицу, прибавил. — Ты бабушкин сын?

— Нет, мамкин. Мамка у меня померла и батька, живу с бабушкой. Конечно, у меня кролик есть живой...

Техник еще раз почесал переносицу.

— Кролик — невредная штука. А вот, скажи-ка, комната у вас сдается?

— Сдавалась. Теперь нет. Дядька приехал, занял. Дядька у нас книги пишет.

— Эх незадача! — техник сдвинул механку на лоб и насупил брови. — Дядька-то надолго приехал?

— На все лето. Он пишет что-то, а сейчас спит.

— Тогда, пожалуй, мне и ждать нечего.

Техник водворил кепку на место и уже собирался уходить, как Петьке пришла в голову блестящая мысль.

— Постой-ка, — сказал он плутовато и, приблизившись к технику, заставил его склониться к себе. Потом он зашептал ему что-то на ухо.

У техника просветлело лицо. В это время на перекрестке показалась бабушка с полными ведрами.

— Подсади меня, — попросил Петька, — бабушка все равно ничего не видит. Но смотри: про меня ни-ни.

— Ладно, ладно, голубь. — Сияя лицом, техник подсадил Петьку в окно, закрыл за ним ставни и всунул на место болт.

Бабушка застала его сидящим на завалинке все в той же задумчивой позе.

— Ну вот я и пришла, — заявила она. — Сейчас вам ведерки вынесу.

— Подождите-ка, бабушка, — техник встал с завалинки. — Ведерки я вам в крайности почию, но пришел-то я

сюда по другому делу. Мне сказали, что у вас комната сдается.

— Сдавалась, голубчик, сдавалась. Теперь нет. Родственник приехал, занял.

— Бабушка, а баню мне сдадите?

Бабушка вытаращила глаза и присела на завалинку.

— Это я вас, голубчик, не понимаю, — сказала она, — кто вам мог такое передать, ежели я только вчера вечером надумала это. Это даже очень странно. Ведь я хотела сначала отремонтировать ее...

Техник скорчил в ответ загадочную мину.

— Сами отремонтируем, бабушка, не извольте беспокоиться.

Он перебрался в пустую баню в тот же день. С ним прибыл воз самых диковинных вещей и другой воз, где были два стула, стол, две койки и большой ящик неизвестно с чем.

Петька вертелся юлой вокруг возов, помогал развязывать веревки, снимал вещи, держал лошадь, когда его никто об этом не просил, и попутно забрасывал техника сотнями вопросов. О каждом диковинном предмете, снятом с воза, техник давал объяснение.

— Это электрофорная машина, — говорил он, указывая на два стеклянных круга, обклеенных станиолью и вращающихся на подставках. — Будем добывать электричество, когда разберемся.

— Это мультипликатор, служит для определения силы электрического тока.

— Это тигеля для плавки металлов.

Но когда дело коснулось большого ящика, наглухо закрытого, техник от пояснения удержался. То есть, он сказал кое-что, но совсем непонятно.

— Это... гм... гм... вообще... всякое там, потом увидишь...

Ящик сняли последним. Петька помогал его тащить. Он был совсем легким, этот ящик, вопреки своим размерам: Петька и техник свободно несли его вдвоем. Когда его ста-

вили на пол в бане, из него вдруг послышался писк, так: пи-пии-пу-у...

— Попискивает,— подмигнул Петьке техник и в следующую секунду побледнел; ящик быстро-быстро поплыл от пола к потолку. Петька тоже побледнел.

Но, абсолютно в чертей не веря, он, несмотря на объявивший его ужас, в бане все-таки остался. Техник подпрыгнул козлом, уцепился за ящик обеими руками и притянул его к полу.

— Смотри, никому об этом не говори... — зашептал он возбужденно.

— Ладно, не маленький, — отвечал Петька басом, едва переводя дух от страха, любопытства и гордости.

2.

В полетах важно учитывать воздушные течения

Солнце уже село, и белобрысая луна, перекосившись, поглядывала на землю. От бани через пустырь шел грохот: это техник обстраивал свою новую квартиру.

Тоненький голосок под окном сорвал Петьку от стола, за которым он сидел, читая «Мир приключений», и заставил его высунуться на улицу. Под окном стояла девочка с двумя косичками и с брезентовым мешочком за плечами.

— Скажите, пионер, — дискантом запела она, увидя Петьку, — папа мой сюда переехал?

Петька только что проглотил «Черную смерть или дьявольское открытие профессора Чемберлена», и голова его не особенно ясно варила.

— Не знаю, — пробасил он, подражая мужественному ковбою, застрелившему профессора. — Не знаю... Что же касается меня, то адрес мой: Западная Канада, Чертово болото, Беннигфорд, 3-33. Милости просим, сыграем в поло и выпьем виски...

— Я спрашиваю про папу, — настойчиво повторила девочка, — я устала, и мне есть хочется...

В последнем ее «хочется» прозвучали слезы, как шум прибоя, стремящегося к близкому берегу.

Петька сбросил с себя книжную одурь и моментально сообразил: «Это — Верка, дочь техника, была в экскурсии, теперь вернулась, сейчас разревется».

— Тебя Верой звать? — строго спросил он, перевешиваясь через подоконник.

— Ну да-а... — протянула девочка, неожиданно всхлипнув.

— Ну и рева! — сказал Петька и решительно добавил.
— Ползи сюда.

— За-че-эм? — удивилась та.

— Бабушка ушла, ворота заперла, ход через окно, — выпалил он.

Девочка доверчиво вскарабкалась на завалинку, с завалинки — в окно. Петька провел ее через дом на пустырь и сдал на руки отцу.

— Вот ваша дочь, — сказал он холодно, как мужественный ковбой, застреливший профессора. — Возьмите, я спас ее от голодной смерти.

Техник открыл рот, чтобы задать вопрос, но Петька как сквозь землю провалился.

Утром они встретились на пустыре.

— А у меня пистолет есть... — начал Петька, имея в виду неосведомленность девочек в подобных вещах.

— Пи-и-сто-лет! — презрительно протянула Вера. — Скажи лучше: хлопущка.

— Нет, пистолет, — не сдавался Петька, — стреляет пулями, в лоб, промеж глаз.

— Покажи.

Петька вытянул из кармана пугач, взвел курок и щелкнул.

— Только пули у меня все вышли, — важно объяснил он, — а то бы ворону застрелил или буржуя...

Вера обиженно заморгала глазами, подумала с минутку и наконец произнесла, гордо раскачиваясь из стороны в сторону и помахивая косичками:

— А у меня велосипед есть, трехколесный, с лисорами, что?..

Пришла очередь Петьки моргать глазами. Он это проделал, мучительно вспоминая, чем бы еще похвастать. Кроме пугача, у него был еще известный всей улице кролик Сонька и пара лягушек в банке, но разве этим поразишь Верку, дочь техника? Конечно, нет. Тогда он вспомнил, как прошлый год ездил с бабушкой по Волге.

— Велика штука велоси-пе-эд, — начал он издалека, — кабы двухколесный, куда ни шло, а то о трех колесах. Да ты мне его сначала покажи. Может, еще поломанный...

— И покажу! И покажу!.. — запрыгала Верка. — Совсем новенький! Сейчас покажу... — Она рванулась к бане.

— Не надо, — остановил ее движением руки Петька. — Не надо. Не показывай. Верю... А вот ты скажи: на парооде каталась? Что?.. Факт, нет. А я катался. С бабушкой. И еще тыща человек. Разные там... Пароходище — угу — громадный, больше этого сада, труба с дом и капитан на мостике... Как гуднет — уши трещат...

Верка затаила дыхание и открыла рот.

— Капитан гуднет? — спросила она шопотом.

— Ка-пи-тан! — фыркнул Петька. — Ничего не понимаешь. Свисток такой, возле трубы...

Вера некоторое время стояла, как вкопанная, потом, упрямо тряхнув косичками, снова засмеялась.

— Па-ра-ход! Что пароход?! А вот я сегодня летать буду, ага...

— Ну, это ты врешь, — спокойно возразил Петька, чувствуя, что поле словесной битвы осталось за ним.

Вера горячо и возбужденно затараторила:

— Нет, не вру. Я никогда не вру. Сегодня вечером буду летать. Только об этом нельзя было говорить. Ты никому не скажешь?

— Никому, — машинально отвечал Петька, пораженный одной догадкой. — На чем летать будешь? На аэроплане?

— В лодке... — прошептала Вера.

— А лодка где?

— Не скажу. Нельзя.

— Ну, я и так знаю. Лодка в ящике, и она пищит.

Хотя поле битвы теперь перешло к девочке с косичками, Петька торжествовал, а та была подавлена.

— Тебе папа сказал?

— Нет.

— Подсмотрел?

Петька подумал, но и на этот вопрос ответил отрицательно.

— Я догадался, — сказал он.

С нескрываемым восхищением глянула Верка на своего проницательного собеседника.

— Ты волшебник, да?

Петька скривил рот и отвечал совсем несуразно:

— Вогобий етреч в тире воткет икаруд...

В семь часов вечера на пустыре длинной полосой колыхались лопухи. Движение это началось возле бабушкиного домика и кончилось за два шага до забора, которым техник окружил баню. В том месте, где замерло движение, показалась вдруг стриженная Петькина голова и опять спряталась. Лопухи закачались снова, но уже в направлении к одинокой яблоньке, пышно раскинувшей свою крону в пяти шагах от бани. Стриженная голова появилась теперь у подножия яблони, быстро осмотрелась и разрешила своим рукам и ногам втащить тело на дерево.

Петька сидел на дереве и зорко смотрел на дворик при бане.

Из бани вышел техник Лялюшкин, держа перед собой маленький ялик из белого легкого металла. За техником следовала Вера. Она прежде всего кинула хитренький взгляд на яблоньку, качавшуюся без ветра, и сделала рукой какой-то знак, который Петька понял как «начинается».

На середине двора техник опустил ялик на землю и, выпрямившись, посмотрел кругом и в небо. Потом до Петьки донеслись слова:

— Смотри, Верунька, делай только так, как я тебя учил.

— Хорошо, папа, — отвечала девочка, украдкой подмигивая дереву.

Отец поднял ее и посадил в лодочку.

— Покажи мне, — сказал он, — что ты будешь делать.

Точно отвечая скучный урок, девочка заговорила:

— Я, папа, сначала поверну вот этот рычажок, лодка тогда подыметесь на 10 метров. Потом вот этот, — подыметесь на 20 метров. Потом потихонечку буду крутить обратно первый и второй, — лодка станет опускаться...

— Важно, — одобрил техник. — Но я тебя все-таки привяжу, чтобы ты случайно не выпала.

— Хорошо, папа.

Она была очень спокойна, когда он застегивал на ней ремни, но у самого техника сильно дрожали руки и прыгали бритые губы.

— Начинай, — сказал он, делая в сторону несколько шагов.

Вера тронула первый рычажок. — Пи-пи-пуу... — проговорил аппаратик под рычажком. Ялик качнулся и как бы нехотя оторвался от земли.

— Так, так, важно, — говорил техник, напряженно следя за подъемом.

— Десять метров, папа, — радостно крикнула девочка и склонилась головой через борт ялика. В то же мгновение ялик перевернулся, и она повисла на ремнях вниз головой.

— Спускайся! Осторожно спускайся! — закричал побледневший техник.

Вера с трудом подтянулась к доске с рычажками, но, должно быть, повернула не тот рычажок: ялик стрелой взвился к небу, потом перевернулся, став в нормальное положение, и с громадной быстротой понесся на юго-восток. Техник завопил:

— Воздушное течение. Она попала в воздушное течение. Ах я, идиот...

Он скакнул через забор, бурей промчался мимо яблони, перескочил следующий забор и скрылся из поля зрения остолбеневшего Петьки.

3.

Странный человек-техник теряет голову

Техник, с горя потерявший голову, в день пропажи Верочки пробежал двадцать верст с лишком. Потом одумался и вернулся в город. Отсюда он телеграфировал и телефонировал, рассылал письма, заявления и заметки во все концы страны, во все газеты, преимущественно южной полосы Союза. Просил, молил, заклинал, но... ему мало кто верил, и многие смеялись. Убитый горем, он вернулся в свою осиротевшую баню и просидел в ней запершись 48 часов подряд. В начале третьих суток Петька стукнулся к нему в дверь. Это он делал и раньше часто и безуспешно, но на сей раз, к великому его изумлению, дверь открылась.

— Мальчик, — строго сказал встретивший его техник, — тебя зовут?..

— Петька, — отвечал оробевший Петька, — но я, право, дяденька, ни в чем не виноват...

— Знаю, но ты видел, как улетела моя девочка?

— Видел, — отвечал Петька и боязливо взглянул вверх на склонившееся к нему морщинистое лицо. Техник три дня не брился и зарос колючей щетиной.

— Значит, ты видел, как улетела моя девочка? — снова повторил тот.

— Я уже сказал, — беспокойно отозвался Петька.

— Мне Верочка говорила, — продолжал техник, — что ты будешь сидеть на дереве... Не удивляйся, — добавил он, когда Петька вскинул вверх негодующие глаза. — У нас нет с ней секретов, т. е. не было, хочу я сказать. — С последним словом голос его дрогнул.

— Сейчас зареву, — предупредил Петька, шмыгнув носом, но техник, поглощенный своей заботой, предупреждения его не слышал, и Петька решил, что реветь пока не стоит.

— Слушай, что я тебе сообщу, — говорил техник. — Слушай внимательно.

И вот что узнал Петька. Аркадий Лялюшкин давно работал в области воздухоплавания. Он сделал в нем большое открытие: добыл газ в 100 раз легче водорода. «Водород в 8 раз легче воздуха, — говорил он, — им наполняют те разноцветные резиновые шарики, что продаются на улицах. Мой же газ в сто раз легче водорода и, следовательно, в восемьсот раз легче воздуха. Его требуется совсем немного, чтобы поднять человека». Для этой цели он построил ялик с полыми стенками. Особый аппарат, помещающийся на носу ялика и соединенный трубопроводом с полостью ялика, мог регулировать в этой полости количество газа. Когда аппарат всасывал в себя газ и обращал его в жидкое состояние, ялик делался тяжелее и опускался. Выпуская жидкость обратно в полость стенок и обращая ее снова в газ, аппарат делал ялик легче и заставлял его подниматься. По окончании предварительных работ технику потребовалось найти уединенное место, где бы он мог испытать ялик в полете. Его квартира, находившаяся в центре города, не годилась для этого. И вот он стал искать и нашел баню. Здесь ничто не мешало его опытам. Он их произвел в ночь после переезда. Опыты показали, что сам он слишком тяжел для ялика: не хватало газа. Тогда вызвалась Верочка подняться на ялике.

— Результаты ты знаешь, мальчик... — закончил техник глухим голосом.

Следующая минута протекла в тяжелом безмолвии. Только горестные вздохи осиротевшего отца да сосредоточенное сопенье размышляющего Петьки нарушали его.

— Идем сюда, — сказал наконец техник.

Они прошли в главное отделение бани. Петька увидал здесь второй ялик, отличавшийся от первого, унесшего Веру, несколько большими размерами и двигательной установкой на носу.

— Этот аппарат, — начал техник, — я строил для самого себя. Но после того, как были поставлены аккумуляторы и мотор с пропеллером, его подъемная сила оказалась

для меня недостаточной... Проклятие!.. Но что поделаешь? Если я сниму двигательную установку, он будет такой же жалкой игрушкой в руках ветра, как и первый.

Он сел в ялик, повернул оба рычажка, ялик запищал, пошатнулся и поднялся на аршин от пола.

— Выше он не пойдет со мной, — грустно сказал техник. — Я слишком тяжел.

Он снизил аппарат и глянул на Петьку умоляющими глазами.

Петька был парень наблюдательный и сообразительный, но здесь он подумал, что его сообразительность основывается на неверном наблюдении... Не хочет же Лялюшкин предоставить машину в его собственное, Петькино, распоряжение?.. Если хочет, то пускай говорит прямо.

Техник кинул на Петьку еще несколько умоляющих взглядов, потом вздохнул печально и отвернулся.

— Смотри, — сказал он жалобно и убеждающе, — теперь им можно управлять. И кроме того, в его киле заложена толстая железная полоса, отчего он значительно более устойчив, чем первый. В первом киль был недостаточно тяжел. Затем, здесь (он указал на корму, обшитую досками) имеется запас провизии и воды на неделю... Опять-таки для меня бы этого хватило только на два дня. Ты сколько вешишь, мальчик?

— 30 килограммов, — отвечал Петька, не задумываясь.

— Ну вот, — вздохнул техник с завистью, — а во мне целых 80...

— Вы хотите, чтоб я поехал? — брякнул Петька, не выдержав.

Да. Именно этого техник и хотел, мальчик не ошибается. Он бурно принялся убеждать и уговаривать Петьку на воздушное путешествие.

— Ты понимаешь, я хотел бы сам ехать. Я должен сам ехать, но — проклятие! — у меня нет того вещества, из которого добывается газ... Я три дня подряд ничего не ел, чтобы меньше весить. Но я потерял всего два с половиной килограмма, — ялик не признал такого облегчения... Если бы у меня был газ... О! Тогда бы я никого не стал просить.

Я увеличил бы размеры лодки и полетел бы сам... Я давно бы улетел... Может быть, теперь я был бы вместе со своей дочуркой. Я разыскал бы ее, куда бы ни занесло ее это отвратительное воздушное течение. Я...

— Я полечу, — спокойно и твердо прервал Петька разгорячившегося техника. — Я найду вам Верку. Когда нужно ехать?

4.

Пионер Петька кроет по воздушному океану

Чуть мазнула заря по краю небосвода розовым перламутром, Петька в драном пальтишке и с мешком за плечами уже спешил по росистому пустырю к бане. Он бесшумно улизнул от бабки через оконную форточку, а на столе, на видном месте оставил записку:

«Бабушка. Уплыл в дальнюю экскурсию. Может, вернусь через три часа, может, через три дня, а то и через месяц. Смотри, пожалуйста, за моим кроликом, чтобы не сдох. Также в банке у меня лягушка, лови ей мух и давай три раза в день по пяти штук. Тараканов не ест, не суй, пожалуйста. Меняй воду один раз в три дня.

Остаюсь с внуковским приветом твой Петух».

Техник встретил его за двадцать шагов от бани. Страх и сомнение, сквозившие в напряженной его фигуре, моментально исчезли при виде дорожного снаряжения Петьки.

Ялик стоял на дворике наготове, — вычищенным и смазанным. Вздрагивая от утренней прохлады, Петька влез в него, дал завязать себя ремнями и молчаливо выслушал напутственные указания.

Техник говорил с красными пятнами на щеках:

— Останови подъем на той высоте, где тебя подхватит воздушное течение. Если оно будет достаточно сильно, мотор не пускай. Лети до тех пор, пока течение не остановится или не подойдет к земле. Там ищи Верочку.

Это указание Петька выслушивал в четвертый раз. Он знал за взрослыми странность: долбить об одном и том же до тошноты. «Сейчас Лялюшкин опять заговорит об управлении машиной», — с тоской подумал он.

— Ну-ка, — сказал техник, — повтори, как рычагами ты будешь действовать?

— Ладно, — отрезал Петька, не склонный поощрять пороки взрослых. — Нечего там валандаться, еду.

— Подожди, подожди, — техник склонился к нему и проговорил предостерегающе:

— Игрушкой, которую я тебе дал, смотри не балуйся. И не одалживай ее никому, особенно человеку неуравновешенному.

— Слышал и об этом, — отвечал Петька с горделивым чувством, машинально ощупывая через пальто «игрушку», подвешанную к поясу.

Техник обнял его, поцеловал. Вымочил лоб чем-то теплым. Петька рукавом вытерся и нажал первый рычаг. — Пипи-пуу... — проворковала машина, рывком снимаясь с земли и сразу попадая в яркий, но не греющий солнечный душ.

Далеко внизу, коротконогий и смешной, махал платком техник. Городок Крапивецк раскинулся среди зеленых садов, как игрушечный. Церковь «Всех святых», что на горе, высокой колокольной своей стала в уровень с машиной. Но юный летчик поднимался выше, пока не почувствовал, как ялик рванулся вперед, подхваченный мощной воздушной струей. Тогда он остановил подъем и, вынув из кармана компас, справился о направлении¹. Аппарат мчался на

¹ Как определить по компасу направление движения? Черное острие стрелки компаса всегда указывает на север, белое — на юг. Поверни компас так, чтобы буква «С» (север) стала под черным острием, а буква «Ю» (юг) — под белым. К о м п а с у с т а н о в л е н п р а в и л ь н о. Мысленно начерти линию, по которой совершается твоё движение, от центра компаса (то есть от оси стрелки) вперед. Если линия эта пройдет через одну из букв («С», «Ю», «В», «З»), значит, ты движешься в направлении, обозначенном этой буквой. Но направление твоего движения может и не совпасть с буквой компаса. Оно может пройти в промежутке между двумя буквами, например, между «Ю» и «З» или между «С» и «З», между «С» и «В», между «Ю» и «В»; последовательно это будет значить: ты движешься или на юго-запад, или на северо-запад, или на северо-восток, или на юго-восток. В случае, если линия твоего движения проходит между буквами, например, между «Ю» и «В», но не точно по середине, а ближе к одной из букв,

юго-восток... Его покачивало с носа на корму, булькала, перекачиваясь, вода в бочонке, других звуков абсолютно не существовало в солнечной синеве воздушного океана.

Колокольня с девятисотпудовым колоколом, сверкнув облупившейся позолотой, пробежала вниз резвой дылдой. С кладбища кинулись в догонку за ней кресты и часовенки. Потом открылась яркая панорама желтых полей, черного пара, зеленых лесов и пестрых деревушек. С каждой минутой панорама разворачивалась вдаль. Петька узнавал знакомые места: Рогожская водокачка, где они зимой катались на лыжах; Гастеевка с прудом — уйма карасей и лягушек; кирпичный завод.

Пролетая над селом Басовым, где прошлым летом стоял их пионерский лагерь, он взглянул на карманные часы. Было без 26 минут шесть. Время вылета своего он тоже заметил. Составилась простая арифметическая задача: от города до Басова — 6 километров, это расстояние аппарат покрыл в четыре минуты; какова его скорость? Петька считал, не прибегая к карандашу: 90 километров в час.

— Маловато, — сказал он себе. — Самолеты делают по 150, а в Америке так и до 300. — И он пустил в действие мотор.

От Басова до следующего знакомого Петьке села, до Оборвановки, считалось по телеграфным столбам 20 километров. Это расстояние аппарат прошел в шесть минут...

— Двести километров в час... — высчитал Петька и, довольный скоростью, принялся отмечать по карте путь своего следования. Изредка он останавливал мотор, чтобы проверить, не вышел ли аппарат из полосы воздушного течения, но течение с геометрической точностью шло на юго-восток, не ослабевая в силе.

Через два с половиной часа показалась Волга. Он узнал ее по ширине и по оживленному пароходному движению. Вспомнилось прошлогоднее путешествие с бабушкой. Вспом-

например, ближе к «Ю», чем к «В», значит, ты движешься на юго-юго-восток (сокращенно «ЮЮВ») и т. д. (Здесь и далее прим. авт.).

нилось, с какой гордостью называла бабушка встречные пристани и города, — она родилась и выросла на Поволжье, — и с каким благоговением сам он взирал на широкие воды, местами мутные, местами прозрачные, на бакены — красные и белые, отмечавшие глубину плеса, на быстролетных чаек и рыболовов, хватавших на лету куски хлеба, на важного капитана, на разбитных матросов, на машинное отделение парохода, сверкавшей изумительной чистотой и гудевшее словно рой гигантских шмелей... Ему захотелось выкинуть штуку: опуститься на капитанский мостик проходившего под ним парохода и посмотреть, что из этого выйдет. Вот переполох-то поднимется, и-ги-ги-ги!.. Но он справился с приступом проказливости, вспомнив о своем ответственном задании.

— Благоразумие, товарищ Петух, — сказал он себе, — баловство отложите на обратную дорогу.

Пересекая Волгу в ее многочисленных изгибах, он следовал по ее течению вплоть до самой Астрахани. От начала полета протекло пять часов, когда в лучах солнца мутно заблестали зеленые воды Каспийского моря. Каспийское море! Какое оно невзрачное, какое тусклое и мелководное!.. Вот уж не ожидал, представьте себе! Сквозь зеленоватые воды всюду просвечивало дно...

Он пересек Каспийское море в северной его части, где обычная глубина не превышает 5-6 метров, а 10 метров является редкостью. Северная часть Каспийского моря по своему мелководью доступна лишь для судов с очень малой осадкой и для плоскодонных лодок. В сильные ветры, в особенности в северные и северо-западные, здесь обнажается дно.

За морем развернулся унылый ландшафт Усть-Уртского плоскогорья, изредка оживляемый деревушками с белыми минаретами и шумливыми базарами. Тут, признаться, Петька сильно проголодался и пока насыщался вареным мясом, которое суетливый техник забыл посолить, под ним пробежала большая половина Кара-Кумской пустыни. Впрочем, он ничего не потерял, так как по другой половине успел составить себе мнение об этом крае. Мнение не

было лестным: пески с чахлым кустарником; песчаные холмы да растрескавшиеся голые скалы омрачали Петькин взор в течение доброго часа.

Потом местность резко изменилась. Роскошная зелень, окаймлявшая реку, широкой полосой уходила вдаль. То была «жизнь дающая» река Аму-Дарья, одна из главных рек Туркестанской республики. Вскоре Аму-Дарья, истончившись, ушла вправо, в горы. Начался Афганистан.

Со всех сторон полезли горы. Слева — Памирский массив уходил седыми вершинами в облака. Прошло полчаса, и перед аппаратом вздыбился горный кряж, теряющийся в облачной выси. Он загораживал путь. Петька выключил мотор и отдался течению. Тут его обеспокоило несоответствие во времени между карманными часами и небесными. Первые показывали семь вечера, вторые — все 10: солнце касалось горизонта. Зная безупречную точность своих часов, Петька сообразил, что, забрав далеко на восток, он достиг местности, где солнце раньше всходит, а следовательно, и раньше садится. Помирившись с этим, он стал следить за течением. Почти подойдя вплотную к отвесным скалам, течение бросило аппарат вверх и понесло его по кривой линии через снега и ледяные громады, все выше и выше в студеные просторы, где мерзли руки и не хватало воздуха для легких. Солнце, скрывшееся за горами, вновь брызнуло светом. Отраженный от снега и льдов свет был ярким до боли в глазах.

Запахнув пальтишко и накрывшись брезентом, Петька углубился в карту. Несомненно, он переваливал через хребет Гиндукуша. Из густо-коричневого цвета его на карте явствовало, что здесь высота колебалась между 4 и 6 тысячами метров. Чтобы ускорить безрадостный перелет, Петька снова включил мотор. Аппарат понесся стрелой. Спирало дыхание, раскаленными иголками кололо лицо и руки, темнело в глазах...

Минут через двадцать превращенный в сосульку летчик облегченно вздохнул: перевал кончился, воздушное течение швырнуло аппарат вниз, стужа осталась позади, и легкие задышали свободно. Вместе со стужей исчезло, однако,

и солнце. Вокруг нависла тьма. Но Петька знал, что скоро покажется луна, так как он видел ее, когда был выше.

Когда луна показалась наконец, зацепившись красной рожей за изломы гор, Петька ориентировался, справляясь с картой. Слева, на расстоянии около 150 километров от него, возвышался Гималайский хребет, справа внизу тянулась низменность, впереди по ходу воздушного течения препятствий не было. Петька завернулся в брезент и сладко заснул. Во сне он воевал с бабушкой, которая забыла накормить лягушку и испортила пищеварение кролику, окормив его мухами.

5.

Встреча с представителями Великой Британии

Ночью юный летчик сильно замерз. Лишь с восходом солнца, когда потеплело в воздухе и под брезентом стало более чем тепло, удалось ему заснуть по-настоящему: без бабушек, без кроликов и лягушек, без сновидений.

Проснулся он сразу от трех причин: перестал тарахтеть мотор — раз, загрохотало что-то более мощное — два, и адский пронизывающий холод охватил все его тело — три. Трясаясь, как в лихорадке, он открыл глаза. Молочный туман, отдающий свинцовой синью, окружал его, зигзаги молнии плясали со всех сторон, электрические разряды чуть-чуть не рвали барабанные перепонки. При блеске молнии видно было, как клубились, сталкивались, бесились свинцовые глыбы туч, словно крутил кто в гигантском месиве гигантской ложкой, но ложки видно не было.

— Гроза! — смекнул Петька. — Куда меня нелегкая занесла, соню?

Он с силой нажал второй рычаг, машина поддала вверх, чуть не расплющив его собой. Какофония звуков, сырость и сумрак исчезли внезапно. Потоки солнца залили воздух. Внизу рокотала гроза, kloкочущей пеленой застилая землю.

— Рокочи себе, а мне не страшно... — засмеялся Петька.

Он развязал на себе ремни и осмотрел мотор. Тот перестал работать, потому что разрядились аккумуляторы. Беда была поправимой: техник поставил в запас еще две пары. Сменив аккумуляторы, Петька внимательно осмотрелся.

Слева по-прежнему тянулись гряды Гималайских гор. Их сверкающие вершины торчали сахарными шишаками над синью взбудораженных туч. Они стояли одна за одной, уходя в далекой перспективе на восток. Среди них высился

мировой гигант Эверест, как столб, буравящий небо. Его высота немногим не достигала девяти тысяч метров.

Солнце, видимо, встало намного раньше Петьки. Решительно передвинув стрелки часов с 4 на 9, Петька стал закусывать сосисками, которые заботливый техник посолил два раза, украв один раз у вареного мяса. К концу завтрака гроза рассеялась. Внизу заиграла свежими красками зелень лугов, покрытая паутиной мутных от недавнего дождя речушек.

Петька спустился вниз, чтобы отыскать течение. Оно подхватило его с большой готовностью, будто устало ждать, и понесло на юго-юго-восток. Усилив скорость полета включением мотора, Петька вынул карту и занялся топографией местности. Паутина речушек, постепенно слившаяся в один ствол, оказалась притоками трех больших рек: Джамны, Чамбаля и Ганга. Последний, объединив в себе все воды, мощным потоком повернул на восток.

Под Петькой поплыли белокаменные города и серые деревни. Потом благодатные луга оборвались плоскогорьем, изрезанным глубокими ущельями в направлении с северо-запада на юго-восток. В ущельях играли солнечными бликами болтливые горные реки.

До сих пор (Петька этому безмерно удивлялся) люди как-то не обращали внимания на странный ялик, с рокотом пронесившийся над их головами. Редко, очень редко кто-нибудь поднимал лицо кверху, смотрел неодобрительно и рассеянно две-три секунды в лазурную высь и, не проявляя какой-либо заинтересованности, отворачивался. Петька поражался и негодовал. «Разве это пустяк, — говорил он себе, — что лодка, вместо того, чтобы плыть по воде, плывет по воздуху? Разве это пустяк, недостойный внимания?»

Его недоумение мог бы разрешить техник Лялюшкин, так удачно подобравший сплав для своего ялика, что на синем небе цвет этого сплава с трудом можно было различить.

Протекло часов пять после вынужденной остановки ялика, и вот тогда-то Петьку заметили наконец. Впрочем, это событие не вышло особенно радостным.

Он пролетел плоскогорье и снова попал на цветущие заливные луга. Слева и сзади, километрах в 20 от него, по дельте Ганга раскинулся большой город — Калькутта. Впереди блистала водяная ширь Бенгальского залива... И-гиги. Индийский океан. Вон куда занесло его течение... Он давно пересек тропик Рака и скоро, пожалуй, попадет на экватор... Петька почти забыл о цели своего путешествия, его радовали и восторгали теперь заманчивые перспективы полета сами по себе...

Навстречу ялику от изумрудной воды поднялся вверх обшитый металлом воздушный колосс-дирижабль. Он ворочался в воздухе и пыхтел, как грузное животное мезозойских времен¹. Завидя его, Петька струсил. В три пропеллера взревел гигант, с гондолы из-под него замахали флажками. Как истый пионер, Петька понимал международный язык флагов. Требовали, чтобы он обнаружил свою национальность... На носу дирижабля развевался гордый стяг Британской империи.

У Петьки флага не было, — техник-изобретатель не предусмотрел такого случая, — но был красный галстук. Петька снял его и отсалютовал им, как полагалось среди доб-

¹ История развития земли и ее обитателей делится на четыре главных периода, на так называемые эры. Таким путем достигается более легкое обозрение ее.

1) Первобытная эра, или А р х е й с к а я. Тогда жизни на земле не было. Только что начали образовываться океаны и земная кора.

2) Древняя эра, или П а л е о з о й с к а я. Жизнь появилась. В недрах океанов живут самые простейшие животные и на суше — споровые растения (вроде папоротников).

3) Средняя эра, или М е з о з о й с к а я. Жизнь достигает изумительного развития. Особенно поражают размеры животных: плезиозавр имеет в длину 20 футов, ихтиозавр — 30 футов, атлантозавр — 100 футов. К концу эры эти животные (пресмыкающиеся) вымирают, уступая место невзрачным, но более совершенным млекопитающим.

4) Новая эра, или К а й н о з о й с к а я. Млекопитающие достигают наивысшего развития. К концу эры из них выделяются обезьяны и человек.

рых знакомых. Между тем расстояние между ними сокращалось и сокращалось. На дирижабле замолкли вдруг моторы. Петька остановил и свой. Вначале его искренним желанием было удрать, но, сообразив, что течение неминуемо проходит мимо дирижабля и что дочь техника, Вера, тоже должна была лететь этим путем, он изменил первоначальное намерение. Требовалось узнать: не попала ли Вера в плен к англичанам.

С расстояния тридцати метров на дирижабле заговорили в рупор. Слова были отчетливы, но непонятны. Петька так и крикнул в ответ:

— Не понимаю.

Тогда к нему долетели другие слова. В них крылся аромат европейской дипломатии:

— Русська крясна сволось, лети сюда...

Петька понял их не сразу, а поняв, усмехнулся и в долгу не остался.

— Высокородные джентльмены, — сказал он, — мне нужно знать, не у вас ли маленькая русская девочка?

— Никакая русська девчонка нет, — ответили ему, и затем — новое приглашение:

— Лети сюда, скверный большевик, а то застреляем.

Течение уже пронесло ялик мимо дирижабля. Вполне удовлетворенный ответом, Петька собирался улизнуть, положив руку на рычаг. В это время от англичан затакал пулемет. Пули провизжали над головой... Петька дернул рычаг, ялик скакнул вверх. Тотчас и дирижабль начал подниматься.

Тогда Петька вспомнил об «игрушке». Он вынул из кобуры странного вида револьвер: с дулом, тонким, как спичка, и с массивным барабаном. В барабане сидело тридцать патронов: пятнадцать с красными головками, пятнадцать с синими. Петька повернул барабан на красные головки. Дуло он направил в тучное брюхо дирижабля. Спустил курок... Раздался треск, будто зеркальное стекло выдавили. Блеснула молния из дула, еле видимая на солнце. И навстречу ей из брюха гиганта острыми языками вырвался огонь. Страшнейшие взрывы, один за другим, бросили ялик

метров на сто в сторону, а разорванный гигант, изрыгая в пламени шпангоуты и стрингеры, кувырком полетел в воду... Последнее слово техники — электрический револьвер изобретателя Лялюшкина — уничтожило слово предпоследнее...

Электрический револьвер техника Лялюшкина действует превосходно

Петька не был подготовлен к столь грандиозному эффекту, произведенному электрической «игрушкой». Мало того, что его контузило и оглушило рядом взрывов, он был сильно угнетен гибелью человеческих жизней. В его цели входило лишь продырявить шкуру воздушного кита, чтобы лишить его возможности подниматься выше.

Кривя губы в сильнейшей растерянности и от неожиданной тоски, подступавшей к горлу, он свесился через борт ялика. Внизу засасывались зеленой бездной горящие остатки гордого царя воздуха. Отдельно плавали в воде лягушками две человеческих фигуры. Океан был спокоен. Поверхность его сверкала и переливалась на солнце мелкой серебряной чешуей.

— Я их должен спасти, — прошептал Петька, — все-таки — человеки...

И он привел бы в исполнение свой рискованный план, если бы над ним не появились вдруг три гидроплана-истребителя. Они вынырнули из туч, как привидения, и гулом своих моторов сразу наполнили воздух. Петька слышал и раньше этот гул, глухой и далекий, но не осознал его своей смятенной головой.

Перед лицом нового неприятеля Петька резко взмыл кверху и на пути был осыпан градом пуль. Все пули благополучно пронесли мимо, но одна пронизала бочонок с водой и устроила наводнение в ялике. Гидропланы продолжали сеять пули часто и непрерывно, ничуть не смущаясь тем, что находились под врагом в каких-нибудь 200 метрах.

Петька взял еще выше. Тогда и противник его крутой спиралью стал ввинчиваться в небо. Скорость полета гид-

ропланов была значительно выше скорости воздушного ялика. Это познал юный летчик, когда пустил свой мотор в действие, надеясь спастись в бегстве.

Избегая пуль, он принужден был подниматься все выше и выше, пока недостаток воздуха не положил этому предела. Вынужденный к защите, он взялся наконец за револьвер. Первый гидроплан, особенно надоедливый в преследовании, получил монию в хвост. Как фейерверк сгорел руль глубины. Гидроплан клюнул носом, с трудом выровнялся, опять клюнул и, продолжая нырять, пошел вниз. Петька не удержал радостного хохота, довольный и тем, что вывел из строя одного противника, и тем, что оставил пилота в живых...

Не желая ждать нападения со стороны оставшихся двух, он заставил ялик из поднебесья камнем упасть вниз. Здесь он быстро нащупал свое попутное течение и пустил мотор во всю силу. Но преследователи не хотели отставать. Урок, полученный первым гидропланом, на них не подействовал. Снова завизжали пули.

— А вот как,—сказал Петька, сжав губы, и верной рукой сжег у противников нижние крыльные плоскости. После этого гидропланы решительно заложили вниз.

Неожиданное нападение сделало Петьку более бдительным и осторожным. С этого момента он перестал считать себя в полнейшей безопасности на волнах воздушной стихии и научился принимать, где требовали обстоятельства, некоторые меры предосторожности.

Бенгальский залив, над которым он держал свой путь, кишмя кишел торговыми, пассажирскими и военными судами, рыбацкими лодками, увеселительными яхтами и катерами. Воздушная катастрофа и бой произошли в стороне от них, и так как ялик при наблюдении снизу окраской своей сливался с лазурью неба, тот, кто видел и слышал стрельбу из пулеметов, счел ее за какое-то чудовищное недоразумение между дирижаблем и гидропланами, между пилотами одного и того же флага.

Далекий от мысли разочаровывать невольных свидетелей своих подвигов в их заблуждении, Петька выключил мотор и спрятал голову, когда пролетал над «заливной кашей», как он окрестил скопление судов в заливе.

Через полчаса «каша» осталась далеко позади. Безмолвие величественного океана, словно уснувшего в знойных лучах тропического светила, всколыхнулось снова от рокота петькиного мотора.

Океан поблескивал мелкой утомительной рябью синих волн. Оскоминное однообразие его изредка нарушалось игривою жизнью, выпархивающей из таинственных глубин. То кувыркающиеся дельфины выбрасывались вдруг из воды и снова исчезали, чтобы завертеться полукругом где-нибудь вдали, то стайки летучих рыб проносились в воздухе, трепыхая крылышками-плавниками и роняя с них алмазные капли. Однако все это быстро приелось Петьке. Затем он почувствовал жажду, а воды не было, кроме той, в которой он сидел с мокрыми штанами. И все же он принужден был утолить свою жажду именно этой водой. Он опустился на поверхность океана, превратив воздушный ялик в простой, и черпнул заманчивую влагу полной пригоршней. Вслед за тем его желудок изрыгнул обратно не только эту влагу, но и часть Лялюшкиных сосисок: вода Индийского океана, как и всякого океана, имела отвратительный горько-соленый вкус.

— Конечно, я это знал... — пробормотал Петька, довольный тем, что никто не видел его неудачи, и недовольный самим экспериментом, но ведь все необходимо проверить... И подумать только: так много воды и вся испорчена.

Еще от одного искушения не удержался Петька — от купанья.

Привязав себя к концу длинной веревки (другой конец — к ялику), он прыгнул в воду. И вот под экваториальным жарким солнцем за несколько тысяч километров от своей родины, посреди безграничной шири — куда ни взглянь, подпирает небо — плескался в лазоревых водах загорелый мальчишка с конопатым носиком и с задорными серыми

глазами. Мальчишка фыркал в воде, как тюлень, и вертелся дельфином.

(Пусть читатель не ждет, что героя моего слопают сейчас акула или кровожадный спрут-осьминог увлечет в мрачные пучины; ни того, ни другого с ним не случилось, хотя случиться могло).

Он накупался вволю, подивившись своей необычайной легкости в воде, высох на солнце, покрывшись соляными кристалликами, и, веселый, бодрый, продолжал прерванное путешествие.

Солнце клонилось к закату. Океан встрепенулся от дневного измора. Сморщился в горах-волнах, словно собираясь чихнуть. Волны тянулись к небу, силились взброситься к ялику, но мешали друг другу, сталкивались в грузном шипении и, бессильные, рассыпались пенными гребнями.

Темной полоской впереди показалась земля. Остров за островом выплывал навстречу ялику из золоченых солнцем далей. Эти кусочки земли, атакуемые со всех сторон рассердившимся океаном, утопали в зелени пальм, миртовых деревьев и эвкалиптов. Среди густой зелени крикливо выступали яркие пятна цветов. Прибрежные скалы и утесы, рдея в закатных лучах, брызгались кровью под ударами волн.

Петька смотрел на все осовело.

— Хочу все знать, — пробормотал он, одолевая дрему, и, склонившись носом в географическую карту, отыскивал соответствующие острова: Андаманские, Никобарские и Зондские. Впрочем, до Зондских, лежавших дальше к югу, оставалось еще не менее 1.000 километров — пять часов полета, если воздушное течение будет идти с той же силой.

Чтобы не заснуть, он задался целью узнать, куда приведет его течение, если не изменится направление. Прямая линия от Бенгальского залива вела через цепь островов, пересекала Австралию, заходила за Южный Полярный Круг и лезла на полюс. Все это было очень интересно: и Австралия, и Полярный Круг, и полюс, но этой занимательностью вопрос «где искать Верку?» отнюдь не разре-

шался. Земля была так громадна и такой маленькой-маленькой представлялась затерявшаяся в ней Верка...

Петька задумался, и впервые ему пришло в голову, что техник, пожалуй, был не особенно здоров, когда снаряжал его в это путешествие...

В Австралии водятся утконосы

Следующий день начался поздно. Виноват был Петькин хронометр, снова отставший на 3 часа. И снова пришлось переставлять стрелки его на время, соответствующее солнечному. Короче говоря, из-за небесной неразберихи Петька изволил проснуться в одиннадцать часов утра.

Под ним пробегала земля — материк. Океан скрылся из глаз без следа. Огромные пространства суши стлались грязно-коричневым кустарником. Тонкие, жалкие речушки — куда им до Ганга, Джамны или Чамбаля! — извивались по бесплодным равнинам. Ни зверей, ни птиц, ни человека. Тихо и недвижно. Лишь вихри кружились в резвых вальсах с желтой пылью и прошлогодней листвой, истлевшей в солнечном пекле. Пустыня, пустыня, пустыня. Смерть и уныние.

— Тощица... — вымолвил Петька, отряхивая пот с носа, бровей и подбородка. Пот выступал непрерывно, и бороться с ним иначе не имело смысла.

Его мучила жажда, так как вода из ялика испарилась начисто еще прошлым днем. И когда напоззли на пустыню горы и заблистали в горах зеркальные озерца, — ожилилась местность, оживился Петька. Вокруг озер, по ущельям и по склонам гор могучие леса из пальм и эвкалиптов чередовались с зарослями двухсаженных папоротников, с гущей бамбука или с настоящими тропическими джунглями. В джунглях цвели диковинные цветы — с гигантскими чашечками, махровые, невероятных форм, как в страшной сказке.

Петька выбирал место для спуска, но тут пришел вдруг конец его путешествию.

Ялик плыл к югу. Воздушное течение, словно уставшее от длинного пути, двигалось лениво — медленно и низко — над лесами и горами. Местами оно проносило пилота в

двух-трех метрах от верхушек лесных великанов или почти касалось лысой поверхности скал. Петька давно остановил мотор, выбирая хорошее место с хорошей водой, не спеша, кропотливо, так как выбор был богат. Внимание его задержалось на черной, как от огня, скалистой громадине, у подножия своего приютившей небольшое кристалльно-прозрачное озерцо и чащу древовидных папоротников.

— Вот здесь я напьюсь, — сказал себе Петька, — выкупаюсь и запасусь водой. А может, поохочусь, кроме того.

Он хотел опуститься на озеро, тем более что и течение прямоком направлялось к нему, но какая-то гнусная сила рванула ялик в сторону, когда он уже был над водой. Рывок был резок и силен: Петька очутился в воздухе без всякой поддержки, а ялик по косой линии шлепнулся на лысину черной горы и там остался, как бы прилипшим. Разумеется, летчик брякнулся в воду без лишних разговоров.

Озерцо было отменно глубоким. Не достав дна, Петька поплыл вверх. Исключительная прозрачность воды позволила ему открыть глаза без боязни засорить их. И вот, выплывая на поверхность, он увидал рядом с собой в неверном зеленоватом свете странного зверя, напуганного до полусмерти, величиной с кошку, с четырьмя перепончатыми лапами, с толстым коротким хвостом и с широким... утиным клювом. По этому зверю, сидя в воде, Петька узнал название страны, куда его занесло воздушное течение.

— И-ги-ги. Я в Австралии! — крикнул он, вылезая на каменистый берег.

Странное животное — полужверь, полуптица — называлось утконосом. Нигде, кроме Австралии, утконосы не водятся. Этот зверек весьма замечателен: он кладет яйца, как птица, кормит детенышей молоком, как млекопитающее, имеет лапы с перепонками, как у лягушки, и мягкую густую шерсть бобра. Живет он в сухих норах на берегах рек и озер.

Не успев прийти в себя от изумительного открытия, даже не успев вытряхнуть воду из ботинок, Петька изумился еще один раз. Здорово изумился. На скале, где прилип ялик,

в двух шагах от него в таком же состоянии висел второй ялик...

Петька вытряхнул воду из одного ботинка, из другого не стал и кинулся, сломя голову, к черному утесу, боясь найти во втором ялике труп несчастной Верки. Лишь с большим напряжением, пустив в ход всю свою обезьянью ловкость и цепкость, он осилил почти отвесный и гладкий утес. Но ялик был пуст. Ни живой, ни мертвой девочки не нашел там Петька.

Ну-те-ка, уважаемый Петя-пионер, поразмыслите-ка об изумительной загадке, об исчезновении дочери техника Верочки, а также о неведомой силе, заставившей оба ялика покинуть солнечные высоты ради мрачного утеса, на котором вы теперь стоите, ковыряя в носу...

Смущенный, Петька оставил нос в покое и попробовал сдвинуть ялик с места. Не тут-то было. Ялик прирос, вроде как корни пустил. Петька залез в него и нажал подъемный рычаг. Никакого впечатления. Петька — сильней. До отказа крутнул рычагом. Ялик не шелохнулся даже. У ошарашенного летчика с натуги и от возбуждения пот выступил на лбу. «Ну-к еще!» Он схватился за второй рычаг и потихонечку-потихонечку, опасаясь сюрприза, закрутил его на подъем. Однако рычаг отвернулся до последнего деления, а подъема ни на сантиметр не вышло. Тогда Петька качнул ялик, сидя в нем, и вдруг — словно лопнуло что-то. Сейчас же, в то же мгновение, как из пушки, метнулся ялик в небо. Засвистел, заревел ветер. Задохнулся Петька и очнулся на отчаянной высоте, в ледяной атмосфере, откуда земля смотрела скверной географической картой.

— Здо-ро-во... — пропыхтел он, кое-что понимая, и добавил:

— Эт-то называется... — А как называется, не сказал.

Стал спускаться.

Над утесом замедлил спуск до минимума. В двух метрах от черной поверхности ялик без разрешения резко дернулся книзу.

— Шалишь, брат, — обратился Петька к утесу и, нажав подъемный рычажок, противопоставил силе притяжения силу подъема.

Ялик застыл в воздухе неподвижным.

— По-ни-ма-ю, — подмигнул Петька кому-то. — Магнитная гора, вроде уральской «Благодати», состоит из магнитного железняка, а в киле ялика — железо, вот и притягивает.

Отпуская рычажок понемногу, он заставил ялик снизиться плавно, без толчков.

Одну загадку Петька разгадал. Вторая была потруднее.

С вершины утеса, возвышавшегося метров на 300 над окрестностью, открывался далекий вид: с одной стороны, с западной, на дикую пустыню; с другой, восточной — на высокоствольный лиственный лес, перемежающийся с соснами и тропическими джунглями. Этот же лес подходил и с северной стороны утеса. На юге тянулась невысокая цепь гор.

Одинокая фигура юного пионера стояла в раздумьи на краю обрыва. Пар от быстро сохнувшей одежды окружал ее зыблущимся ореолом.

Петька думал: «Пойдет ли дочь техника в выжженную солнцем пустыню? Очевидно, что нет, потому что ничего привлекательного там не имеется. Кроме того, пустыня отсюда далеко видна, но присутствия жилья человеческого в ней не видно. Итак, западное направление побоку. Дальше. На севере — лес, на востоке — лес, на юге — пустяк лесу, много гор. Всюду вид достаточно заманчив, по крайней мере, для меня. Я бы, например, будь я свободен, отправился вон в те джунгли, что на востоке. Больно красивы там цветы. Девочки особенно любят цветы, но девочка Вера едва ли интересовалась здесь красотой. Она должна быть зверски голодной: папаша-изобретатель не догадался снабдить ее в дорогу ни пищей, ни водой. Ба! Вода... Конечно, она умерла от жажды и прежде всего накинута на воду. Где же она могла спуститься к озеру? Там, где я лез, она не спустится. Посмотрим. Ага! Она пошла в обход».

Петька медленно двинулся со своего наблюдательного пункта по единственному отлогому месту на утесе, ведущему окружной дорогой вниз, к озеру. Он пристально всматривался в черную каменистую почву и вскоре заворчал сочувственно и озабоченно:

— Она ползла на четвереньках... Она страшно ослабла, эта бедная девчонка...

Там, где поверхность утеса под действием солнца и дождей превратилась в мелкий черный песок, он увидел следы детских рук и колен.

Еще в одном месте обнаружили те же следы — на топком краю озера, подле самой воды. Тут же виднелись углубления от каблучков ее ботинок.

— Напившись, она встала на ноги, — констатировал Петька более бодро. — Она, значит, окрепла... Однако, у меня башка... — В виде поощрения и награды он треснул себя легонько кулаком по макушке.

Каблучки шли вправо от воды и исчезали там, где почва вновь становилась каменистой. Здесь Петька сделал стойку, как хорошая собака-ищейка, и опять взялся размышлять, более чем уверенный в своих следопытских способностях:

«Напившись, она вспомнила о том, что необходимо покушать. Вполне естественное воспоминание у человека, 2-3 дня ничего не евшего... Куда же она пошла отсюда? Направо, налево или вперед? Будь я на ее месте и будь я столь же голодным, я бы долго думать не стал. Тронулся бы прямиком вон к той опушке леса. Там могут быть ягоды или еще что».

Петька так и сделал, но прежде снял рычаги с обоих яликов и спрятал их в песке у озера.

На опушке леса он ни ягод и ничего съедобного не нашел, зато нашел сломанный кустик неизвестного ему растения. В пяти шагах, дальше к лесу, стоял второй такой же кустик с надломанной верхушкой. И дальше, вплоть до самого леса, через каждые 5-6 шагов маячили такие же вехи. Последний кустик, уже в лесу, был перевязан красной ленточкой. Ленточку эту Петька видел когда-то в волосах у

Веры. Впрочем, она могла быть и синей. Да, конечно, синей, но ведь у девочек всегда имеется с собой большой запас всяких украшений... Очевидно, маленькая путешественница надеялась вернуться к ялику и для этого замечала дорогу, но что-то ей помешало вернуться. Одинокая красная ленточка среди дикой австралийской природы видом своим окрылила юного следопыта и еще более заострила зоркий его глаз.

— Молодец, Петух, ты выглядишь сейчас Ястребиным Оком из славного племени краснокожих команчей! — похвалил сам себя Петька, надул губы и выпятил грудь.

В лесу, где громадины-эвкалипты стояли редко, но мощно, достигая в высоту 120-130 метров и 5-6 метров в обхвате, на него напала внезапная жуть. Жалкой букашкой почувствовал он себя перед этими великанами. Но и здесь, несмотря на жуть, он не потерял следов Веры. То тут, то там, но, в общем, в одном направлении, на древесных стволах на уровне его роста находились глубокие и свежие отметины, сделанные не то ножом, не то острым камнем. Немного спустя Петька до того ушел в свое увлекательное дело, что к исполину-лесу потерял всякое уважение, шныряя в нем совсем как у себя на пустыре среди лопухов и чертополоха.

Вдруг метки оборвались. Петька напрасно осматривал все недалекие деревья вокруг последней отметины. Меток не было. Тогда он стал изучать землю и вскоре открыл на смятой траве следы, оставленные большим скоплением людей.

Предстояло новое и очень трудное размышление на тему: куда девалась Верка и что это было за скопление. По обыкновению своему, Петька остановился, чтобы собраться с мыслями. Необходимо было напрячь все свои мыслительные способности. В это время сзади него хрустнул сучок на земле. Он проворно обернулся и увидел летящее в воздухе копьё. Копьё было пущено верной, но, видимо, слабой рукой, почему и летело недостаточно быстро. Не желая служить мишенью для какого бы то ни было стрелка, Петька ловко уклонился от копья и обнаружил самого стрелка в нескольких шагах от себя. Обнаружил того самого чертенка, про которого я говорил в присказке.

Бой Петьки с чертом

Он был черен, как низшего сорта шоколад, кудряв, как шматок пакли, широконос, курнос, толстогуб, худ и гол. И, кроме всего, смотрел пронзительным звериным взглядом из-под крутого, выпирающего углом лба. Петьки он ничуть не боялся, но и Петька, подумаешь, испугался, что ль?

Размеренным, нарочито ленивым шагом он подошел вплотную к лохматому чертенку и, стараясь глядеть на него сверху вниз, хотя роста они были одинакового, предложил, прищурясь:

— А ну вдарь!..

Петька думал, что прежде чем прольются первые капли крови, ему придется несколько раз повторить свое «А ну вдарь!», на что противник неизменно будет отзываться: «И вдарю!», но ни тот, ни другой до времени кулака в ход не пустят. За это время (Петька знал хорошо) можно основательно изучить слабые места врага, чтобы потом сразу нанести сокрушительный удар. Так обыкновенно начинали драку на Пироговой улице, возле церкви «Всех святых», и совсем не так началась она под южным солнцем Австралии.

Чертенок не заставил себя долго просить. После первого же предложения размахнулся и саданул Петьку под лопатку. Это был дикий некультурный удар, за такой удар у пионеров презирают. Петька охнул и присел с остановившимся дыханием, выпучив в пространство презрительные глаза. Не обращая ровно ни капельки внимания на этот взгляд, чертенок вскочил к Петьке на спину, придавил его к земле, ногами стал душить шею, а руками молотить спину...

Так начался знаменитый бой в Чертовом Лесу под тропиком Козерога...

Дальше события развивались в следующем порядке. Отдышавшись, Петька сообразил, что враг его не настолько силен, насколько пренебрегает всеми правилами благородной драки, и что ему, Петьке, надлежит во что бы то ни стало и как бы то ни было выбраться наверх, иначе будет крышка. Руки его были свободны, он схватил чертенка за ноги (прием недозволенный, но что поделаешь), приподнялся немного и втянул его к себе под живот. Это было сравнительно легко проделать, гораздо трудней представлялось — удерживать врага под собой. И Петька не справился с этой задачей, так как не знал еще всех средств, каковыми располагал его шоколадный враг. А тот просто-напросто вцепился острыми зубами в Петькино плечо и прокусил его до кости. Петька взвыл басом, огрел чертенка оплеухой по голове и, потеряв равновесие, покатился на землю. Поднявшись на ноги, он был изумлен, не найдя чертенка ни у себя на плечах, ни перед собой, ни сзади себя. Только черные пятки сверкали в стороне за деревьями.

— Тю-тю-тю... — пустил Петька вдогонку и от души рассмеялся. Но еще рано было смеяться: бой мог повернуть в крайне опасную для него сторону.

Из-за ближайшего дерева выглянула вдруг черная рожица с раскаленными угольками глаз. Она принадлежала тому же чертенку, только вооруженному теперь копьём с каменным наконечником. В ответ на копьё Петька поднял револьвер, потом раздумал, сунул револьвер в кобуру и сам спрятался за дерево. Так простояли они минут с пяток, каждый за своим прикрытием. Петька пробовал начать мирные переговоры, чертенок отвечал на них свирепым визгом и рычанием...

Величественные эвкалипты предостерегающе поскрипывали, взирая неодобрительно на разодравшихся букашек-двуногих. Светозарное солнце меркло, застенчиво прикрываясь ажурным облачком.

Нарушил перемирие чертенок. Он выскочил из-за дерева и отбежал в сторону, чтобы дать лучшую мишень для своего копья, но «мишень» тоже умела двигаться, и опять из-за дерева торчала одна голова. Подойти ближе чертенок

боялся, зато он устроил бешеную гонку вокруг дерева. За время гонки Петька успел убедиться, что напрасно он своего врага зовет чертенком: ни копыт, ни хвоста, ни рожек у него и в помине не было. Не чертенок, а просто — дикарь, австралийский мальчишка, да к тому же неорганизованный еще, беспризорный, по-видимому. Но кем бы он ни был, надо было кончать игру с ним. От этой игры Петька исходил потом и дышал хрипло. Улучив время, когда дикарь гонял его с меньшим азартом, он сорвал с себя брезентовый мешок и выставил его в сторону. В мгновение ока мешок был пробит насквозь вместе с вареным мясом и сосисками техника Лялюшкина. И столь же мгновенно возле мешка очутился дикарь. Из его черной глотки рвался иступленный победный крик. Бедный, он принял мешок за часть Петькиного тела. Не давая ему разочаровываться, Петька сшиб его с ног и закончил бой, приставив к груди опрокинутого врага его же копьё.

— Ну, говори: будешь?! Нет, ты говори: будешь?! Будешь драться еще, голая обезьяна?! — орал Петька, не отпуская копыя.

Враг, разбитый по всем направлениям, закрыв глаза, тихонько стонал и готовился к мученической смерти...

И напрасно стонал, и напрасно готовился к смерти. Через пару минут у Петьки во рту стало кисло от неприятной роли кровожадного победителя.

— Садись, пошамаем, что ль! — устало предложил он, опускаясь подле врага на землю и развязывая проколотый мешок. Копье он положил рядом с собой.

Дикарь вскочил на ноги и прыснул в бегство, но, пойманный за ногу, растянулся и снова завыл. Тогда Петька сунул ему в нос увесистый кусок вареного мяса. Это произвело магическое действие. Дикарь смахнул слезы с черных щек, растянул блином рожицу и разделался с мясом в два энергичных глотка. Он был голоден, этот малыш, как выгнанный из берлоги медведь.

Когда продуктовый мешок в полном бессилии растянулся на земле, между недавними врагами завязался дружественный разговор.

(Са. Бутуфоскер)

— Пэтька. Я — Петька... — ткнул себе в грудь победитель.

— Пэть-ика... — повторил дикарь, расплываясь в черномазой улыбке, и в свою очередь отрекомендовался:

— Дой-на. Ма — Дой-на...

Так к обоюдному удовольствию они узнали имена друг друга.

Затем Петька, как примерный пионер, поинтересовался: организованы ли австралийские ребяташки в пионеротрядах, но на этот вопрос получил столь уклончивый, хоть и многоречивый ответ, что ничего не понял.

— Ладно, сам увижу, — ничуть не смутился он этим и перешел к тому, что касалось цели его путешествия в эту страну.

— Дэвочка, маленький дэвочка... — начал он, помогая себе мимикой и жестами. — Маленький дэвочка прилетал... фффф... по воздуху... Россия — там, сюда — здесь.

Он был горд, что умел так хорошо объясниться, но Дойна, выслушав его с блестящими глазами, откровенно и весело рассмеялся. Потом смешно передразнил все его телодвижения и мимику.

Петька обиделся.

— Оч-чень хорошо, — сказал он, надув губы. — Хочешь — вздую... Если, дурак, ничего не понимаешь, то и не косороться...

Это наставление произвело на дикаря некоторое впечатление, он сделался серьезней и внимательней. Но как только Петька опять приступил к своим расспросам, он зафыркал еще несдержанней и, справедливо опасаясь взбучки за это, удрал за дерево.

Петька вызвал его оттуда ласковой улыбкой. В его расчеты не входило терять друга, приобретенного с таким трудом. «Как мне к нему подойти?» — бегала Петькина мысль по закоулкам мозга и наконец нашла исход. Усадив фыркающего дикаря рядом с собой, он достал записную книжку и карандаш и перевел свои расспросы из области разговорной в область начертательную. Рисовал он недурно, и по-

сле первых же движений его искусного карандаша Дой-на, напряженный и серьезный, начал смекать что-то.

В несколько штрихов Петька нарисовал баню, возле бани — себя самого с галстуком на шее. Галстук для придания ему большего сходства с оригиналом он зачертил красным карандашом.

— Пэть-ика, — воскликнул изумленный дикарь, размазав рисунок грязным пальцем.

Петька стукнул его карандашом по носу за небрежное отношение к предметам высокой художественности и рядом с собой нарисовал девочку с двумя косичками. На этот рисунок Дой-на ничего не сказал, хотя и напыжился, как индюк на кошку.

На втором рисунке девочка с косичками села в лодочку. На третьем — лодочка поднялась в воздух, встречный ветер раздувал платье маленькой пассажирки, и косички ее торчали палочками, параллельными земле. — Дой-на запыхтел, что-то соображая.

На четвертом рисунке появился черный утес, под ним — озерцо. В воздухе над утесом — лодка с девочкой... У Дой-ны вырвался крик, знаменующий собой сильнейшую степень возбуждения. — Пятый рисунок показал, как девочка брела от утеса к лесу.

Здесь Петька отложил карандаш и подвел австралийца-мальчишку к последнему эвкалипту, где была метка Веры. Дикарю более ничего не требовалось, он все понял. Мало того, он знал эту белую девочку.

— Бамбар! Бамбар! — закричал он, танцуя на месте, как застоявшийся конь, и хлопая себя руками по бедрам. Читателю, незнакомому с австралийским языком, я объясню: «бамбар» значит «белый».

Петька очень обрадовался, — не тому, что Дой-на сказал «бамбар», а тому, что при этом слове он поднял белый камень и приложил его к своему шоколадному лицу. Понимай, мол: у девочки было белое лицо.

Дикарь отбежал в сторону от дерена с меткой и наглядно показал, что произошло затем в том месте, где были массовые следы.

Сначала он сделал из своих паклеобразных волос подобие двух косичек, потом, взяв в руку острый камень, шатаясь поплелся от дерева к дереву. За каждым деревом здесь сидело по такому же чернокожему, как он, — это он и показал, бросив на время первую свою роль и поочередно посидев с свирепым лицом за целым рядом деревьев... Девочка с косичками между тем шла и шла, ничего не подозревая. Вдруг на нее набросились чернокожие. Дой-на изобразил короткую схватку. Они подняли свою пленницу, отчаянно кусавшуюся, и понесли ее. Продолжая изображать многочисленную процессию, Дой-на двинулся вглубь леса. Петька за ним. Пройдя шагов сто, дикарь изобразил новую массовую сцену. Оказывается, похитителей караулили другие чернокожие. Новая схватка длилась с четверть часа, — Дой-на честно провозился сам с собой в течение этого времени. В результате ее первые чернокожие все же вышли победителями. Они устремились дальше в лес, в южную сторону, со своей ношей, а вторые, понутив головы, повернули на север...

Идти дальше за победителями Дой-на отказался, выразив на лице своем невыразимый ужас. Побежденным он явно сочувствовал, и из этого нетрудно было вывести заключение, что они приходились ему родственниками.

Петька попытался при помощи того же карандаша узнать что-нибудь о дальнейшей участи белой пленницы. Дикарь понял его и начертил на песке костер и над костром, в облаках дыма, шестиногого жука. Жук этот при детальном рассмотрении оказался сильно упрощенной фигурой девочки с двумя косичками... Впрочем, Дой-на сумел и успокоить разволновавшегося пионера, показав на руках, что сожжение или поджаривание белой пленницы произойдет не скоро — через шесть пригоршней или, иначе, через тридцать солнечных дуг, когда наступит какое-то «корробори».

«Смеющийся Джек» и капуста пальма

Время шло. От могучих эвкалиптов легли на землю длинные тени. От теней почва пестрила, точно спина гигантской зебры. Две юркие фигурки, как муравьи во ржи, резали лес сложными зигзагами: через упавшие стволы, в обход пням и живым великанам, через ребристые корни, распластавшиеся по земле, подобно щупальцам осьминога. Дой-на трусил впереди звериной рысцой. Петька — гимнастическим маршем. Подружившиеся враги держали путь на север.

Поборов минутную растерянность, вызванную страшным сообщением дикаря, Петька так рассудил. Австралия велика. Если сравнить, так, пожалуй, намного больше европейской части Советского Союза. Искать похитителей Веры на воздушном ялике, мыкаясь над пространством в 7½ миллионов квадратных километров — задача не из легких. Задача, трезво рассуждая, едва ли разрешимая. Тем более, что дикаре нок — вообще говоря, не трус — в частности, ни за что не согласится сесть со мной в ялик. А если согласится, то в дороге умрет от страха. Лететь одному — бессмыслица. Но и пешим порядком следовать за похитителями Дой-на отказывается. Он даже смотреть не хочет в сторону гор. Розыски в одиночку никуда не годятся. Итак, выход? Выход: следовать за Дой-ной в местожительство его племени и там завербовать себе в путеводители взрослого человека.

С такими мыслями Петька и трусил теперь, убегая вслед за дикарем от надвигавшейся на землю ночи.

Верхушки эвкалиптов перестали отливать багрянцем, — где-то там на западе солнце опустилось для подземного пути. Дикарь бежал, часто вскидывая глаза кверху, к синим бездонным провалам в потускневшей зелени крыши. Черная шапка ночи его пугала.

Совсем помрачнело вокруг, когда строгий лес остался сзади и буйная чаща тропических джунглей окружила двух беглецов. Здесь все сливалось в непроходимые, непролазные дебри, перепутанные лианами: мангровые деревья, на ходулях-корнях, фикусы-смоковницы с решетчатыми корневищами, пальмы — саговые, капустные и вьющиеся, древовидные папоротники, гигантские орхидеи и бамбуковая щетина с кронами в ферме индусских опахал. Но юный Дой-на так знал дорогу, как знал ее на своем пустыре Петька. Он смело нырял в темные норы сплошной зеленой стены, перепрыгивал или переходил вброд или переплывал многочисленные ручьи и речонки, балансировал с ловкостью канатного плясуна по зыбким трясинам болот, переходил большие озера без колебаний напрямик, по одному ему известным мелям, и при всем том скорость своей звериной рыси увеличивал прямо пропорционально наседавшей тьме.

Петька напрягал все свои силы и всю свою гордость, чтобы не отстать, и наконец взмолился. На его стенания Дой-на обернулся раз и молча продолжал путь с той же скоростью. Возмущенный таким отношением, Петька решил прибегнуть к радикальному средству. Он догнал дикаря, выбившись из последних сил, протянул руку к единственной части его туалета, к травяной веревочке на бедрах, и затормозил звериную рысь его на полном ходу.

— Побегали и хватит, — мотивировал он свой поступок.

Дикарь горячо запротестовал, пальцами тыча на сумрачное небо, на густую тьму под перистыми крыльями папоротников и на свой собственный желудок, наконец.

— Хватит! Хватит! — упрямо бубнил Петька, воображая, что и на австралийском языке существует такое слово. — Темноты я не боюсь, не маленький, а про желудок нечего говорить, когда слопали четыре фунта мяса. Довольно бегать. Спать. Будем спать, понимаешь? — он приложил ладонь к щеке и закрыл глаза.

Дикарь не давал своего согласия. Ночевка под открытым небом, вне человеческого жилья, его угнетала более, чем страх перед белокожим победителем. Желая настоять на своем, он вел себя, как капризный мальчишка: мотал го-

ловой, топал ногами, орал и брызгал слюной. Но и Петька был не из податливых...

Вдруг над спорщиками зашуршали листья, и сатанинский язвительный хохот потряс напряженную тьму джунглей. Хохот умолкал на короткие периоды и снова взрывался оглушительными пачками. Оба мальчугана, несмотря на разницу свою в окраске кожи, побледнели почти одинаково, только Дой-на лицом стал походить на молочный шоколад фабрики «Красный Октябрь», Петька же — на серую оберточную бумагу. Ожидая внезапного нападения, он инстинктивно сжал рукоятку револьвера. Спор прекратился сам собой.

— Орунча... орунча... — лепетал дикарь, ужасом поверженный наземь. От его желания продолжать путь не осталось и следа. (Вы не знаете австралийского языка, так я вам переведу: орунчей у австралийцев называется злой дух, бродящий по ночам и уничтожающий смельчаков, застигнутых ночью в лесу).

Что же мог предположить Петька, не верящий ни в чертей, ни в богов? Или это было неведомое страшное животное, думал он, или сошедший с ума человек. И в том и в другом случае опасность была одинаковой. Он направил револьвер в сторону дьявольского хохота и ждал только удобного момента. И «оно», неизвестное, показалось наконец. На фоне почерневшего неба, над узорно-стрельчатой верхушкой двухсаженной пальмы обрисовался силуэт уродливой головы с крючковатым носом и с хохлом на макушке. «Если это животное, — похолодел Петька, — то оно должно походить на ископаемого ящера, если человек, то он залез на пальму».

От последней догадки теплота вновь разлилась по Петькиным венам и артериям. Со стрельбой можно было ждать.

После минутной передышки урод над пальмой разразился новыми взрывами хохота. Петька не спускал глаз с него.

— Ладно, ладно, издевайся... — шептал он, кривя губы. — Думаешь, боюсь? А вот ни чуточки...

Дикарь, уткнувшись лицом в землю, лежал вздрагивая. На Петьку он действовал самым разлагающим образом, — деморализующим, как принято теперь говорить.

Похохотав в волю, страшное существо вдруг покинуло пальму совершенно бесшумно и... полетело...

Да, это была птица. Ростом с ворону, с мощным клювом и с головой, развитой непомерно телу. Позднее Петька не раз видел эту чудную хохлатую птицу, известную в ученом мире под названием гигантского зимородка или «смеющегося Джека», а у туземцев Австралии — в качестве непримиримого истребителя опасных змей.

— Ну, — сурово кинул он дикарю, — вставай, трусуна. Я его прогнал, этого чудака хохлатого.

На бодрую речь неустрашимого товарища Дой-на поднял от земли посеревшее лицо и залопотал, горячо оправдываясь.

В эту ночь больше никто их не беспокоил, кроме холода, которого Петька не мог прогнать, так как спички его отсырели.

Утром с первыми проблесками света приятели двинулись дальше. «Смеющийся Джек», ночевавший где-то поблизости, опять приветствовал их раскатистым хохотом, забравшись на капустную пальму. Но в этот раз он ни на кого не нагнал страха. Даже Дой-на хохотал в ответ, а Петька запустил в «Джека» комом земли.

По дороге дикарь то и дело нагибался, срывая цветки и зеленые початки или выдергивая из земли все растение, ради его корня. И цветки, и початки, и корни стремглав летели в его бездонный желудок. Петька, давно прислушивавшийся к унылой музыке внутри себя, пытался во всем подражать дикарю. Но цветки казались ему приторно сладкими, початки — вяжуще-кислыми, корни — горькими. Есть их он не мог, несмотря на откровенный голод.

Когда их тропинка проходила мимо капустной пальмы, дикарь, выразительно улыбнувшись Петьке, остановился. Он повел взглядом по длине всего дерева и задержался на зеленых кистях под самой кроной.

— Неужели полезет? — испугался Петька. Пальма была около 40 метров высоты и до самой верхушки не имела ни одного сучка. Ее ствол — в объёме два хороших телеграфных столба — был покрыт в нижних двух третях серой шероховатой корой и гладкой зеленой — в верхней трети.

Неприступность дерева не смущала Дой-ну. Он снял с себя травяной пояс, который после некоторых манипуляций с ним оказался веревочкой длиной больше двух метров. Этой веревочкой Дой-на опоясал дерево, захватив концы в руки. Высоко подбросив руки вместе с пояском, он уперся подошвами ног в кору дерева и, быстро перебирая ногами, полез по стволу вверх, туловищем висая в воздухе: Когда туловище приняло почти горизонтальное положение, он осторожно передвинул пояс выше и снова заработал ногами. Так, попеременно, то взбрасывая пояс, то переступая ногами, он подобрался к верхней трети пальмы, имевшей нежную зеленую кору. Здесь веревочка-пояс могла соскользнуть, не задерживаясь на гладкой коре, и Дой-на легко обошелся без нее. Отсюда ствол значительно утончался. Обхватив его ногами и повесив веревочку на шею, он пополз вверх самым обыкновенным способом, каким пользуются все ребята в мире, карабкаясь на тонкие березы или на гимнастические шесты. Пальма гнулась в дугу под его тяжестью. У Петьки вчуже замирало дыхание.

Скоро на землю полетели сочные зеленые кисти. То были цветочные почки капустной пальмы. Вслед за ними соскользнул вниз ликующий Дой-на. Он нисколько не хотел удерживаться от хвастовства, — излишняя скромность была ему чужда. К сожалению, Петька не понимал его хвастливых речей, что не мешало ему ответить на них парой теплых слов.

— Ах ты, крокодилище-крокодил! — воскликнул он тоном похвалы и изумления.

— Лёкодил... — повторил Дой-на и удовлетворенно закивал головой.

С последними словами он выплюнул изо рта двух жирных розовых гусениц и самоотверженно передал их Петьке

для съедения. Петька взял гусениц и, недолго думая, раздавил их ногой. Это был варварский поступок, совершенный в оторопелости. Дикарь вытянул лицо, засверкал глазами и обнаружил желание крупно разругаться. Но Петька пресек это желание в корне, торжественно заявив, что крокодилам не следует выходить из себя, так как раздражение портит пищеварение.

— Лёкодиль... пищрение... — подумав, согласился Дойна. Затем, отделив половину капустных гроздей для себя, другую половину он отдал Петьке.

Этот сорт пищи пионеру более пришелся по душе. Грозди вкусом своим напоминали ему те самые яблочки с далекого пустыря, от которых, когда их ешь, невольно зажмуриваешься.

Подкрепившись, приятели тронулись далее.

Попугаи и люди — Ковровые Змеи

Где эвкалипты из великой семьи своей выдаются яркой, сметанного цвета корой и непролазно, непроходимо стоят заросли австралийского «чайного дерева», где благородный мирт со снежно-восковыми цветками распространяет кругом пряный аромат, где по белому речному песку растыканы редко гигантские деревья-бутылки, — там, в маловодной Австралии, ищи воду, ибо где нет ее, где подпочва лишена влаги, эти диковинные и чудесные деревья не растут.

И вот — такая местность. Широкое и глубокое русло некогда многоводной реки. Ныне, вместо реки, игривая речушка змеится в ярких зеленях. Но почва кругом пропитана влагой — память о бурном весеннем половодьи, когда вместо змеистой речушки мчался грозный поток.

Теперь на белом искристом песке спокойно красуются мирты, торчат там и здесь деревья-бутылки и зеленым сплошным барьером заполняют все промежутки «чайные деревья». Это в русле. А по высоким берегам расположились каймой красавцы-эвкалипты, с белой кожей и голубовато-серой листвой. Их трех обхватные стволы с далекого расстояния сливаются вместе и кажутся богатырским частоколом, замыкающим русло с обеих сторон. Вверху же, в знойном небе, перпендикуляром к земле, колдует ослепительным огнем тропическое австралийское солнце.

Таков растительный мир в этом сказочном уголке, в этом веселом оазисе, зеленой лентой упавшем на необозримую гладь унылых пустынь. А мир животных? Королевские тигры, ягуары и леопарды, таящиеся в зарослях у реки; вертлявые обезьяны на ветках деревьев; быть может, слоны, антилопы и зубры возникли уже в виде заманчивых образов в воображении читателя. Его разочарую я. Хищников нет в Австралии, за исключением одичавшей собаки

динго. Нет обезьян, слонов, антилоп и зубров. Австралийская фауна оригинальна, но очень бедна. Здесь водятся животные, давным-давно вымершие в других частях света. Самым крупным из них является кенгуру, рост которой в сидячем положении достигает роста человека. Самым оригинальным — утконос, с которым нашему приятелю Петке уже довелось столкнуться. Еще замечательны: ехидна или колючий муравьед, несущий яйца, как птица, и вынашивающий их в кожной сумке на животе; австралийский медведь — безобидный тупой карапузик, живущий на деревьях; летучие лисицы и мыши; кенгуру-крыса — настоящий карлик. Все это — животные сумчатые, животные, оставившиеся в своем развитии в те незапамятные времена, когда человек в образе человекоподобной обезьяны лазил по деревьям, в трудных местах помогая себе хвостом.

Но и этих животных не видно в благодатном фусле реки, не видно потому, что образ жизни их — преимущественно ночной. Лишь мир пернатых, которыми славится Австралия, представлен здесь достаточно полно.

Высоко над землей в дымчатой кроне эвкалиптов пестрят яркие пятна. Одни из них белые, как снег, другие красные, как кровь, третьи — бледно-розового цвета, цвета утренней зари. Тут же пятна, синие, желтые, зеленые и голубые — всевозможных оттенков, фантастических сочетаний. Пятна многочисленны, вертлявы, крикливы. Резкие, неприятные голоса, гомон ужасный... Читатель догадался, что я говорю о попугаях.

Да, Австралия — страна попугаев. Из шестисот видов, существующих во всем мире, их здесь насчитывается до двухсот пятидесяти. Величина их колеблется от крупной вороны до воробья. И наш уголок не обижен ими. Можно подумать, что они являются полными хозяевами леса: столь шумно и непринужденно выражается ими радость жизни.

Вот два белых какаду с хохолками цвета спелой ржи не поделили чего-то. С пронзительным криком сцепились они клювами и, опрокинувшись на сучке вверх ногами, начали тузить друг друга, пуская в воздух перья-снежинки. А над ними четыре розеллы, чванливо усевшись в круг, затеяли

концерт. У них необыкновенное оперение и — не в укор другим попугаям — приятный мелодичный голос, напоминающий свист скрипичной квинты. В палитру красок розеллы входят ярко-багряные цвета и черно-бурые, бледно-желтые и желто-серые, светло-зеленые и желто-зеленые, темно-синие и сине-фиолетовые. Но еще ярче и богаче красками многоцветный лори. Он сидит сейчас на цветущей ветке эвкалипта и насыщается сладким соком цветка. У многоцветного лори в оперении — все переходы от бледно-красного цвета через лимонно-желтый, изумрудно-зеленый и темно-синий к сине-фиолетовому. Глаза у лори — оранжевого цвета, клюв — кроваво-красный, ноги — бледно-бурые. В полете, залитый солнцем, он кажется порхающим спектром и слепит глаза.

Ни в одной семье птиц нет столь разительного многообразия, как в великой семье попугаев. На засохшей ветке сидит пара черных ара-какаду. Они отдыхают и наблюдают, и заняты размышлением. У ара — голые красные щеки, острые хохлы и вид довольно противный. Это самый крупный попугай в мире. А рядом с ним, на той же ветке, притулилась стайка резвых зеленых попугайчиков — луговых. Их обычное местожительство, как указывает название, — луга, но весной, во время гнездовья, они живут на кронах высоких деревьев. Ара-какаду — громадные, важны и непривлекательны, луговые попугайчики — невелики ростом, изящны, красивы. Тут же порхают, резвясь, прелестные белые нимфы с кремовой головкой и кремовым хохолком, и тяжело режет воздух вороной какаду с красной полосой на хвосте. Он приятнее своего родственника араны, но все же достаточно мрачен в сравнении с легкокрылыми резвушками-нимфами.

Не без основания сравнивают попугаев с обезьянками. В их манере двигаться, ползать по коре деревьев, отвечать на раздражения внешнего мира много сходства с четверорукими обитателями леса. Посмотрите на белого какаду. Его толкнул невежливо великан ара. Какаду скривил го-

лову набок, две-три секунды разглядывал молча невежу и вдруг, распутив крылья и нахохлившись, заорал пронзительно, угрожающе. Когда возмущенный его смелостью араара сделал вид, что хочет проучить смельчака, какаду, как отступающая мартышка, задом ускакал вниз по суку, продолжая неистово орать. Или красавица розелла. Ковыряя клювом кору, она наткнулась на странную гусеницу. В коре эвкалиптов обыкновенны гусеницы-древоточицы, но эта нисколько на них не походила. Розелла долго сидела перед находкой, разглядывая ее то правым, то левым глазом. Чтобы лучше видеть, она даже склонялась осторожно вперед, готовая каждую секунду и к нападению и к бегству. Наконец решилась. Быстрым хватком зажала гусеницу в лапке, поднесла к глазам, к носу. Из гусеницы потекла зеленоватая жидкость. Розелла глубоко задумалась над этим явлением и что-то смекнула. Вытянув лапку перед собой, она разжала пальцы и, перегнувшись через сук, до самой земли проводила недоумевающим взглядом свою необычайную находку...

Но нет, должно быть, на всей земле уголка, где бы попугаи чувствовали себя хозяевами положения.

Две шоколадного цвета фигуры незаметно подкрались к подножию невысокого эвкалипта, на котором особенно многочисленны были попугаи. Метнулись в воздухе мускулистые руки, вооруженные круто изогнутыми ножами из твердого и тяжелого дерева — бумерангами. Вращаясь с быстротой, за которой глазу не уследить, это первобытное оружие врзалось в самую гущу веток, усеянных птицами. Разом вспыхнул на дереве невообразимый гам. Бумеранги били растерявшихся попугаев обоими концами, ломали позвоночники, отрывали головы, перерезали пополам. Полетели вниз тела, обгаренные кровью, зареяли в воздухе радужноцветные перышки и листочки эвкалипта. Гам прокатился волной по всему лесу, перекинулся тысячеголосым эхом на противоположную сторону русла и вдруг покрылся трепетом судорожно расправлявшихся крыльев. Вторая

пара бумерангов завертелась уже в воздухе, настигая улетающую птицу. Она сняла еще более обильную жатву. На землю упало тридцать штук попугаев, из которых больше половины были мертвы, остальные скакали по земле, волоча за собой перешибленные крылья. Охотники безжалостно прикончили раненых ударами деревянных палиц и, подобрав добычу, бесшумно заскользили в обратный путь. Долго не смолкал вдали многоголосый крик взбудораженной птицы.

Оставим осиротевший лес и последуем за счастливыми охотниками. Их умение владеть бумерангами, этим загадочным для европейцев оружием, показывает, что они — далеко не мальчики. И в самом деле, оба они — статные рослые парни с начинающими пробиваться черными кудрявыми баками, усами и бородой. Головы их украшены естественными шапками из спутанных волос; темные, голые тела — поясками на бедрах. Длинные рубцы на коже вдоль ребер спереди и сзади говорят о том, что они прошли страшные испытания, посвятившие их в степень полноправных членов своего общества.

Десятком деревьев лес прыгнул вниз с огромной кручи. Под самым обрывом одинокие эвкалипты протягивали руки к корням верхних братьев, а дальше — низкорослая зелень раскинулась вплоть до другого берега. Охотники сбросили с обрыва убитую птицу и звериными прыжками оседлали могучие ветви нижних эвкалиптов. С ловкостью своих прародителей, имевших хвосты, они добрались по ветвям к стволу и отсюда скользнули по сметанной коре на песок.

Снова птица в руках. Снова бесшумная быстрая поступь. Ни сучок, ни камешек не шелохнется под упругим шагом. На песке остаются следы — одного человека. Это задний темнокожий, не глядя, но точно до миллиметра, попадает в следы переднего.

Над головами густой зеленой кровлей закрылось небо. Сюда, сквозь колтун из листьев и веток, скудно проходят солнечные лучи. Нога ощущает влажность песка, тело — сырую прохладу. Благоухание мирт насыщает воздух. Кру-

гом — густая зелень и частокол стволов. Не видно ни тропинок, ни вех, но охотники идут так, словно сквозь чащу видят конечную цель.

Блеснул впереди легкий просвет, исчез в повороте и снова явился, увеличенный вдвое. Потом сразу поредели деревья и заиграла вода солнечными зайками.

Речушка. Если б не мангровые кусты по берегам, — перепрыгнуть с разбега. Охотники повернули на звериную тропку — глубокую, узкую и длинную канавку, протоптанную, быть может, в течение тысячелетий. Тропка-канавка пошла по изгибам реки под висячими арками корней, над самой водой.

У лысой излучины они остановились напиться. Но лишь первый из них прильнул губами к воде, по мускулам его пробежала дрожь: с водой неслись голоса.

— Послушай, Умбурча: люди плывут по реке! — поделился он шепотом со своим товарищем. Тот склонился к воде. Прислушался и отвечал спокойно на том же языке — на одном из австралийских наречий:

— Их двое, Илатирна. Один говорит, как люди — Ковровые Змеи, другой... Кто другой?..

Напившись, они стали ждать. Скоро из-за поворота речонки показались два коротких сухих ствола, связанные вместе лианами. На стволах восседали: впереди — Дой-на, сзади — Петька. Оба держали в руках зеленые ветви мира.

Дой-на при виде охотников радостно крикнул:

— Ковровые Змеи, мир вам. Я еду с белым приятелем — гостем. Он упал с неба...

Но Ковровые Змеи от приветливых слов затрепетали, как от укуса гадюки.

— Ты нарушил закон! — хрипло крикнул один из них.

Дой-на изменился в лице. Хотел возразить, но охотники скрылись.

11.

Волшебный тоннель, исполинский змей и Петька в плену

— Что случилось, Дой-на? — спросил Петька, дружелюбно возлагая руку на шоколадное плечо. Он ждал, что дикарь доверчиво поделится с ним своим горем, упавшим столь внезапно, сколь внезапен бывает снег среди ясного и жаркого лета.

Но Дой-на вывернул плечо из-под руки и, ни слова не говоря, прыгнул с плота на берег. За прыжком немедленно последовала катастрофа.

В странном своем отупении юный австралиец забыл, что маленький несуразный плот, как нечто подвижное и неустойчивое, трамплином для прыжков служить не может. Плот перевернулся. Дой-на шлепнулся в воду в двух шагах от берега, Петька — на середине реки. Сверху, из зеленых ветвей колючей акации, на них глянула потешная мордочка древолаза или медведеобразного кенгуру, понюхала воздух и чихнула. И пока мальчишки бултыхались в воде, древолаз — сумчатое животное величиной с крупную кошку, с длинным шерстистым хвостом — перескочил через речонку на другой берег и там скрылся.

К тому времени, когда пионер, хлебнувший основательно, с трудом оседлал ненадежное свое суденышко, от дикаренка, успевшего выбраться на берег, простыл всякий след... Недоумевающий и обиженный, чихающий и кашляющий, поплыл Петька в грустном одиночестве вниз по течению.

«Вот и пойми их, этих детей природы, — рассуждал он “по-взрослому”: без злобы и пристрастия, — то они тебе клянутся в верности, то устраивают мокрые гадости. К тому ж бросают на произвол австралийских стихий...»

О причине вероломства своего друга он долго не ломал голову. «Наверное, один из молодцов приходился отцом Дой-не, — рассудил он и поставил на этом точку, но после точки фыркнул и проворчал: — Небось, уроков не выучил, шельмец, вот его и потянули к ответу...»

Больше всего его смущало то обстоятельство, что обратной дороги к черному утесу, к воздушным яликам без путеводителя «ему ни в жизнь не найти». Ведь они путали-путали — и по лесам, и по джунглям, и по болотам, и среди гор — и, дойдя наконец до этой речонки, всецело предоставили себя ее капризным извивам. Где ж тут было запоминать дорогу!?

Капризная речонка вильнула вправо, и от поворота сразу сократилась в ширине до двух метров. На длине вытянутой руки повис над водою диковинный свод: это мангровые деревья перекинули свои ходульные корни через говорливый поток, погружая их на другом берегу в сочную землю. Местами они росли прямо из воды, и перед плотом тогда возникала непроходимая решетка. Петька ахал, но находил в реше тке проходы, устроенные рукой человека.

С каждым шагом вперед гуще и гуще переплетались корни. Над ними вторым этажом шли пятилистные зонтики веток, сквозь буйную гущу которых солнечный свет проходил в виде чахлах зеленых лучей. Волшебным тоном протекала река. И по зеленой реке, осиянный солнечной зеленью, Петька плыл на плоту, сам зеленый, как огурец. Было прохладно, очень прохладно и душно. Мокрая одежда липла к охлажденному телу и заставляла челюсти выбивать кастаньетную трель.

Чтобы не застрять где-нибудь в фантастическом узоре корней, Петьке приходилось напрягать все свое внимание и всю изворотливость. С головой уйдя в эту работу, подавленный, почти оглушенный немолчным журчанием струй, он не расслышал грузного плеска впереди, совсем недалеко от себя.

Крутой излучиной поток повернул влево. Сгустился зеленый сумрак под низким потолком. Петька раскрыл глаза во всю их ширь, склонился вперед и вдруг судорожно

ухватился за ближайший корень. В узком проходе, хвостом оббив мангровый ствол, висел над водой исполинский змей, играя холодным блеском чешуйчатой кожи. Он шумно купался, разбрасывая зеленые брызги вокруг, и шипел от восторга. Середина его почти трехсаженного тела толщиной походила на бедро взрослого человека, черная плоская голова с желтыми пятнами — на могучий кулак премированного боксера. То был виднейший представитель исполинских змей — австралийский питон.

Под плотом булькнул пузырь. Эх, и надо ему было булькнуть не вовремя. Похолодевший от мокрой одежды, зачочневший при виде гада-чудовища, Петька едва не умер от страха, когда плоская голова с красными горошинами глаз обратилась в его сторону. Питон разом оставил купанье. Длинный раздвоенный язык затрепетал в направлении к плоту, словно играл в «кызю» с грудным младенцем, словно выщупывал пространство. Расцветенное тело после минутной неподвижности снова замерцало блестками на арках корней. Питон еще не видел своей жертвы, но чувствовал ее в двух человеческих шагах от себя и приближался к ней незаметными переливами...

Большие змеи обладают робким характером. От шума и оглушительного крика они ретируются с позором. Кричи же, Петух, во всю глотку. Вспени ногами воду. Сотвори вокруг себя «столпотворение вавилонское» — так всегда поступают дикари — мудрые дети природы, если не ощущают в сердцах большого прилива храбрости...

Внимание. Петька вспомнил о своей игрушке, подвешенной к поясу. Кричать он не собирается, но и погибать без славы не имеет желания. Что ж, что трусит; немножко разве не струсил бы всякий, будь он на его месте?.. Щелкнул барабан два раза, поставленный на синие пистоны, — красные нельзя, красные зажгут деревья, вспыхнет пожар, да и трофей не останется от славного подвига. Синие — другое дело. Только вот, забыл Петька, что говорил техник Лялюшкин на эту тему. Ну да увидим.

Курок раздавил пистон патрона. Никакого грохота, никакой вспышки. Слабо цокнул выстрел. Промазать Петька

не мог: изблизи стрелял в питонью голову. Свисла змея размякшим телом вниз, закрылись глаза. Заструилась чешуйчатая кожа с корней в воду. Вспомнил теперь Петька о наставлении техника.

— Слушай, мальчик, — говорил техник («Как тебя зовут, мальчик?» спрашивал то и дело). — Патроны с красными головками содержат сильно конденсированный, сжатый, что ль, заряд электрической энергии, они убивают, они сжигают. В остальных патронах, синеголовых, заряд этот как бы разжижен, убийства от него нет, но есть полный паралич... («Паралик тебя расшиби-то!» — ругалась бабка, когда ей досаждали сверх меры).

Итак, питона «расшиб паралик». Довольно интересно: на время это или навсегда? Важный вопрос, между прочим, потому что Петька хочет забрать с собой свою добычу. Говорил что-то техник и по этому поводу, но разве упомнишь все в суматохе сборов?

Цепляясь за переплеты корней, Петька достиг того места, где из воды выступало петлей бессильное тело питона. Оно висело на подводной корчаге и жизни совсем не обнаруживало. Не без робости и не без колебаний вытянул Петька на плот скользкую голову змеи. Осторожно раздвинул сучком ее широкую пасть и долго смотрел на страшную щетку из загнутых кзади зубов. Весь рот был усеян зубами. Они торчали на обеих челюстях, выпирали из неба и из нижнего межчелюстного пространства. Самые длинные находились впереди, уходя к глотке, они постепенно уменьшались в длине. Меж наклоненных зубов, как в колючей осоке, двуглавой змейкой лежал черный раздвоенный язык.

Вытащить исполинского змея из воды больше, чем на метр, не удалось: под его тяжестью короткоствольный плот нырлял легковесной уткой. И Петька удовольствовался тем, что внимательно изучил окраску той части питоньей кожи, которая представлялась его глазу. Сверху по иссиня-черному фону кожа была усеяна блестящими желтыми ромбами (ромбов — не один десяток: сколькими армиями командовал питон?!), снизу по фону цвета песчаных пустынь разбегались во все стороны пепельно-черные пятна и по-

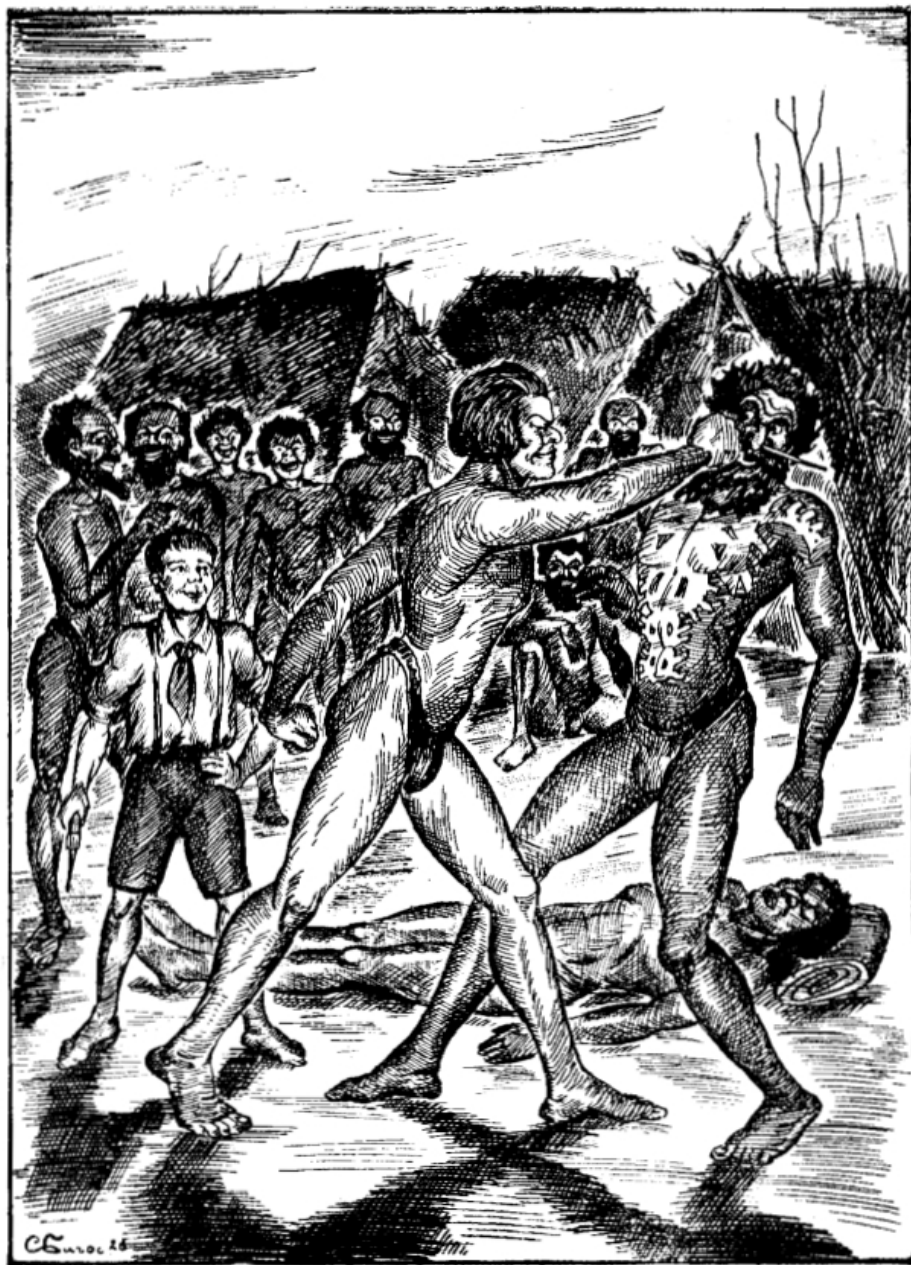
лосы. Рисунок и там и здесь большой правильности не имел, но был очень красив и оригинален. Занеся все это «для памяти» в свой мозговой блокнот, Петька спустил ромбического питона в воду на петле из поясного ремня и тронулся далее в путь, положившись, как и прежде, на волю течения.

Быстроносный поток около часа нес его по зеленому тоннелю, муча неожиданными поворотами, многочисленными извивами и толчением на одном месте. Петька ругался без зазрения совести, потому что устал, потому что хотел есть и, главное, спать. В довершение всех зол, питон, болтавшийся сзади на ремне, сильно затруднял ход плота, действуя и как груз, и как якорь, и вообще как бессмысленная, глупая вещь, цепляющаяся через два метра на третий за что ни попало. Но бросить его у Петьки и мысли не было. Он даже обдумывал на досуге обратное: как бы захватить этого милого червячка с собой к бабушке и технику... Увидя гада, бабка бы вскричала, расплевавшись вдребезги: «Выбрось. Выбрось эту дрянь в помойку, я тебе говорю. Сейчас же выбрось, курицын сын... Да что ж это такое? Всякую нечисть в доме разводит. Ля-гуш-ки, жа-бы, мы-ши и вот еще, покорно благодарю вас, осьминога какого-то поганого приволок...» Разумеется, бабкины слова — преимущественно в воздух. Петька отволочет змею, конечно, к технику, а тот, загреготав как полоумный, сделает из нее, конечно, чучело. Факт. Х-хы...

Благодаря приятным размышлениям Петька не заметил, как до тошноты надоевший тоннель кончился и полуценное жаркое небо снова раскинулось вместо решетки. Появились следы близкого человеческого жилья: обшмыганные берега, поломанный кустарник, смятая трава. На берегах — кости животных, пустые ракушки, скорлупа от каких-то больших орехов и другие остатки уже совсем не гигиенического свойства. Через два поворота разом с обеих сторон выросли на плоских берегах невзрачные хижины и кругом — масса темнокожих людей. Люди напряженно — молча и недвижимо — следили за плотом. Когда же Петька причалил к берегу, — а причалил он так: мелькнувший

в воздухе аркан сдавил ему шею и вместе с плотом вытащил его на отлогий берег, — из сотен широких грудей вырвался к небу восторженный рев, и все пришло в движение, например: замотались перед Петькиными глазами черные худые руки и ноги, взбесились оскаленные зубы и всклооченные бороды и даже выпученные бельма глаз пустились в присядку. Чьи-то обезьяньи руки обшарили его с головы до пят, очистили карманы, отцепили револьвер. Потом аркан с шеи убрался, и Петька, впервые в жизни оценив животворное значение воздуха для человеческих легких, увидел мир таким, каким он был на самом деле. Ничто не молталось и не прыгало. В молчании пасмурном и в неподвижности тесно смыкалось вокруг него злобное кольцо голых дикарей.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ ЧАРОДЕЯ ИНТА-ТИР-КАКИ

1.

Ветрогон Бамбар-биу — человек достаточно странный

Встреча, на которую никак не рассчитывал пионер, имела свои причины, корнями уходящие в глубь далекого прошлого.

С 1778 года австралийский материк, доселе населенный свободной расой, попадает в сферу влияния английского империализма. Именно в этом году Великобритания отправила сюда первую партию колонистов, тем самым перед лицом всего мира утвердив факт своего господства над пятой частью света. Кем являлись первые ласточки, принесшие Австралии весну цивилизации, об этом будет речь ниже, об этом услышит Петька, а с ним и читатель, из уст самих «облагодетельствованных весной» австралийцев.

С началом белой колонизации Австралии черная беспросветная година началась для исконных обитателей этой страны. С первых же шагов белые стали выгонять их из лучших земель, из лучших охотничьих областей и плодородных мест, чтобы отвоеванные места предоставлять своему рогатому скоту и овцам. Беззащитность туземцев и богатство страны служили неотвратимой приманкой для белых колонистов, и после 1820 года, когда кончилась правительственная колонизация, широкой волной — тысячами и десятками тысяч — хлынули добровольцы-колонисты. За 42 года правительство Великобритании послало в Австралию 25.878 человек, за последующие 105 лет волна добровольцев достигла цифры в пять с половиной миллионов человек. Главную массу колонистов составили англичане и ирландцы, второстепенную — китайцы, немцы и другие народы.

Перед натиском прекрасно вооруженных и многочисленных колонизаторов-пришельцев австралийцы принужде-

ны были отступать в глубь материка — безводной, пустынной и бесплодной местности, где полуголодное существование, вырождение и вымирание обеспечивалось им в полной мере.

Накануне прибытия Петьки-пионера в Австралию произошло событие, органически связанное с насаждением капиталистической культуры в этой стране и, как это ни странно, повлекшее за собой арест дикарями ни в чем не повинного пионера.

В городе Ист-Элис, что лежит в Южной Австралии на отрогах гористого хребта Мак-Доннеля, на шестую градуса ниже тропика Козерога, жил богатый скотопромышленник-овцевод Якоб Брумлей. То было известное лицо в Австралийской федерации, лицо, имевшее стадо овец в один миллион голов и гордившееся тем, что родоначальником славной его фамилии считался лондонский убийца, душитель детей, знаменитый Чарльз Брумлей, по прозвищу «Чарли кому-то крышка». Память о славном этом предке, приговоренном в 1777 году к виселице, но помилованном, так как к политике он отношения не имел, и сосланном в 1778 году в первой партии колонистов в Австралию «для исправления», память о величии и подвигах этого предка волновала чувствительное сердце овцевода Якоба Брумлея, и лавры душителя не давали ему спать.

Короче говоря, Якоб Брумлей, получив в 1925 году от своего стада приплод в 200.000 голов, решил расширить территорию своих пастбищ, для чего, дав положенную по закону мзду Центральному Земельному Управлению, получил от него ордер на изрядное количество гектаров земли, расположенной по северным отрогам хребта Мак-Доннеля.

Брумлей до самой последней минуты — от возникновения в мозгу его этой блестящей мысли до осуществления ее при помощи взятки — отчетливо представлял себе, что земли, полученные им по ордеру, входят в состав охотничьих областей темнокожих племени Урабунна. Так же отчетливо ведало о том и Земельное Управление. Тем не менее, силой оружия и закона темнокожие австралийцы бы-

ли изгнаны с земли, принадлежавшей им в течение тысячелетий, и на землю эту, перевалив тропик Козерога и горный хребет высотой в 600 метров, вступило упитанное имущество мистера Брумля в 200.000 голов тонкорунных овец.

Что могли предпринять обездоленные туземцы против грубого насилия? Их ходоки — умнейшие люди племени, окни-рабаты — упорные в своей правоте, посетили с жалобой обе палаты правительства «демократической» страны, министерство, ответственное перед кем-то, самого генерал-губернатора, ставленника английской короны, и много других учреждений и людей, власть имущих «именем народа». Всюду — надо отдать справедливость «демократической» стране — их выслушивали внимательно, наводили соответствующие справки, кое-где даже просили присесть и предлагали стулья, но, увы, у ходоков не оказалось при себе бумаг, удостоверяющих права племени Урабунна на спорную землю. Этих бумаг вообще не существовало, так как предки Урабунна, жившие в сказочные времена Алчеринга, в грамоте умудрены не были и поэтому купчей о приобретении своих земель у господ бога оставить не могли. Ходоков попросили в конце длинных концов: без толку не обивать порогов правительственных учреждений, прекратить это занятие и идти восвояси подобру-поздорову с ответом, что все сделано по закону и по совести, как и полагается, конечно, в распрсвободной стране.

Старейшие племени, приняв донесения ходоков и заключив с грустной иронией, что законы белых белы лишь для белых, а для черных — черны, как черная ночь, постановили: отныне всякие сношения с белыми захватчиками воспретить под страхом смерти и каждого белокожего, если он забредет в целях разведки или иных целях глубоко в охотничьи земли племени, уничтожать без жалости и без остатков; главное, без остатков: мясо должно быть съедено, кости сожжены. Таким образом старейшие думали оградить свое племя от новых покушений со стороны белых хищников.

Теперь о Петьке.

По долине речонки Иркун, той самой речонки, на которой два темнокожих охотника, Умбурча и Илатирна, встретили Петьку и Дой-ну, кочевали две общины туземцев племени Урабунна. Каждая община представляла собою группу в 100-110 человек, связанных общностью происхождения, и каждая группа родственна была остальным группам, или общинам, которых в племени Урабунна насчитывалось двенадцать. Речонка Иркун (что значит: «легкомысленная», «непостоянная») служила естественной границей двум соприкасавшимся между собой по воде охотничьим территориям. От левого берега реки на север, вплоть до начала знойной пустыни, кочевали и охотились члены общины Черных Лебедей, от правого берега на юг до гористого хребта Мак-Доннеля кочевала община Ковровых Змей. Территория последних сократилась на целую треть в силу события, изложенного выше.

Выполняя постановление старейшин племени, люди — Черные Лебеди и люди — Ковровые Змей сговорились встретиться во время цветения эвкалиптов в пограничном пункте своих кочевий для нового размежевания земель в целях восполнения территории общины, пострадавшей от натиска мистера Брумлея — «душителя черных». И они встретились, разбив лагери каждый на своем берегу, так что лишь воды легкомысленной речонки отделяли их друг от друга.

Когда два охотника, возбужденные до хрипоты, мчались с донесением, что Дой-на — маленький змееныш, Дой-на — отпрыск Ковровых Змей, нарушил слово старейшин, побратавшись с белокожим, в обоих лагерях шли спешные приготовления к празднику встречи, к празднику «корробо-ри». Ибо туземцы имели в виду использовать встречу двух общин, помимо прямой ее цели, еще в целях заключения и отпразднования нескольких свадеб.

Женщины меж плоских камней растирали минеральные и растительные краски для украшения тел. Из мужчин часть охотилась, запасая провизию для праздника, так как во время самого праздника охота и сбор пищи запрещались, другая часть освобождала от растительности и утаптывала ногами место для будущих ганцев и гульбища.

Старики сидели по своим шалашам, укрываясь от зноя, и степенно обсуждали программу празднеств. Даже дети, начиная с семилетнего возраста, участвовали в общих работах: меньше семи-восьми лет помогали матерям, собирая с земли растертую краску и ссыпая ее в корзины-плетенки; подростки примкнули или к охотникам, или к утаптывателям «танцевального зала».

Лишь самая мелкота была освобождена от работ. Так, «груденыши», питающиеся молоком матери, сидели по своим сумкам за плечами женщин и черными любопытными глазенками наблюдали за их проворными руками. Двух-трехлетки копошились в песке, строили шалашики, пещерки, воздвигали горы, лепили причудливых зверей — совсем так, как это делают их однолетки в скверах больших городов, а четырех-шестилетние водили хоровод вокруг одинокого туземца, единственного из всех взрослых не занятого никаким трудом. Этот человек — стройный, мускулистый, гигантского роста мужчина, с окраской кожи, резко отличавшей его от прочих австралийцев, помещался поодаль от лагеря на круглом камне-валуне — немом свидетеле ледникового периода. На его странном лице, являвшем смешение черт пяти или шести человеческих рас, блуждала ласковая усмешка, в то время как разнузданная мелкота носилась вокруг него, горлая немногосложную песенку:

Эай-дзи, Бамбар-биу,
Бамбар-биу! Бамбар-биу!
Эай-дзи, Бамбар-биу,
Бамбар-биу —
Бу!..

Такова была обстановка, когда в лагерь Ковровых Змей ворвались Илатирна и Умбурчэ со своим сенсационным донесением. Напрасно старики призывали к порядку сограждан, напрасно кричали и бесились, желая восстановить течение мирной жизни. Лагерь пришел к неопишемое смятение. Все оставили работу и разбились на группы:

отдельно старики, отдельно охотники, отдельно женщины, отдельно дети. Каждая группа старалась перекричать другую, предлагая свои советы в отношении правонарушителя Дой-ны и белокожего дьяволенка. Все туземцы собрались в стоянку Ковровых Змей, и противоположный лагерь словно нымер.

Предлагали: Дой-не выколоть глаза и обрубить руки, а потом съесть; дьяволенка же пытать огнем, солнцем, жаждой и голодом, потом сытно накормить и тоже съесть. Еще предлагали: обоих ребят, и черного и белого, связав, поместить в муравьиную кучу. И еще: обоих закопать в землю по горло и вокруг проводить корробори до самой их смерти. Все предлагали свои советы, отстаивая их яростно, расходясь в деталях и сходясь на пункте: смерть обязательна и для иноплеменника, и для соплеменника...

С грустной усмешкой одиноко сидел на круглом валуне странного вида человек, не принимая участия в общественном гомоне и задумчиво ковыряя песок пальцами босых ног.

Наконец старикам удалось водворить порядок: разогнать группы по местам и заставить их продолжать работу. Люди — Черные Лебеди ушли в свой лагерь. Вопрос о казни туземца-изменника и белокожего не должен был их интересовать, как говорило им чувство такта, ибо, во-первых, не они пострадали от белокожих, а Ковровые Змей, и, во-вторых, сам туземец-изменник происходил из общины Ковровых Змей. Старейшие Ковровых Змей сами должны были разбирать свои дела. Если их пригласят — другое дело, они будут польщены и не откажутся. Но их не пригласили.

К одиноко сидевшему человеку подошли трое: главарь Ковровых Змей, он же первый человек общины — пинапинару или алатунья Илимми, затем самый умнейший и ученейший в общине, великий учитель или окни-рабат Бейяр-вонже — оба они были стариками, и третий — великий чародей Ковровых Змей, туземец лет 30-и, атлетического сложения, пестро разрисованный, с деревянной па-

лочкой, продетой через носовую перегородку под ноздрями, — балия Инта-гир-кака.

Заговорил балия, гнусава, так как палочка не позволяла ему дышать носом:

— Великий муж Бамбар-биу совсем не хочет принимать участия в общественной жизни Ковровых Змей? В великом муже слишком много разной крови, чтобы его интересовала жалкая кровь темнокожих людей, так?

На слова чародея странный человек Бамбар-биу, как называли его, даже глаз не поднял от песка, но очень ловко, не глядя, плюнул в сторону чародея: плевок пронесся мимо чародейной ноги всего в двух миллиметрах.

Заговорил великий учитель общины — окни-рабат Бейяр-вонже:

— Когда большие испытания посещают племя и сокращается его область жизни, когда надобно беспрекословное повиновение словам старейшин, чтобы сохранить единство племени, как бы поступил Бамбар-биу с этими двумя, из которых один свой, предатель, а другой — порождение угнетателей?

Бамбар-биу поднял взор на говорившего, голубые глаза его, покрытые дымкой безразличия, сверкнули иронией, но ответа он опять не соизволил дать.

Тогда, сдерживая гнев, глухо зарокотал первый человек общины, пина-пинару или алагуныя Илимми:

— Все знают: Бамбар-биу — очень сильный и очень умный муж. Он учился у белокожих всяким наукам. Он умнее самого умного человека в общине, умнее окни-рабата Бейяр-вонже. Пусть об этом скажет сам Бейяр-вонже, не мне говорить...

— Так, — коротко и скромно отозвался окни-рабат.

Продолжал пина-пинару:

— И сильнее и хитрее, чем самый сильный и хитрый муж Ковровых Змей, чем балия Инта-гир-кака. Пусть об этом скажет сам балия, не мне говорить...

— Верно... — поперхнулся чародей, передергиваясь нервно.

Пина-пинару закончил:

— И опытнее, и изворотливее, и находчивее, чем первый человек общины, чем пина-пинару и алатунья Илимми, он сам об этом говорит. Таков Бамбар-биу. Что же думает Бамбар-биу о поступке Дой-ны и о белом дьяволенке?

Тогда впервые странный человек ответил, поднимаясь, и голос его звучал нежностью, а глаза сверкали лукавством и насмешкой:

— Бамбар-биу думает: сначала надо увидеть тех, которых все так настойчиво умерщвляют... заочно. А увидев, надо разобраться, где и как встретил Дой-на белокожего... Так думает последний человек общины Ковровых Змей, легкомысленный парень, ветрогон — иркун-окирра Бамбар-биу, которого не посвящают в тайны общины только потому, что он много знает и без того, и который все же предан, как никто, угнетенным своим братьям...

2.

Ковровый удав спасает жизнь пионеру

Только благодаря вмешательству «легкомысленного парня и ветрогона», как отрекомендовал себя Бамбар-биу перед почтенными своими слушателями, только благодаря ему, не были проведены в жизнь в момент высадки Петьки на берег те многочисленные и многосторонние советы, которые за два часа до этого щедро выпускала из себя разъяренная толпа.

Вслед за тем, как с Петьки сняли аркан, предварительно отобрав у него знаменитую его «игрушку», воцарилось глубокое молчание на берегу, и сотни две черных глаз впились в помятую фигурку пионера, осуществляя тем первое указание Бамбара-биу, что «сначала надо увидеть...»

Пионер тоже захотел увидеть то, что окружало его, чтобы хоть этим путем уяснить себе непонятную ему враж-

дебность дикарей к своей персоне.

Первым рядом, первым полукругом, лицом к нему и к реке, стояли старики — поджарые и голенастые, как и все дикари, разукрашенные рубцами вдоль ребер, с длиннейшими бородами и косматыми прическами, с глубоко-сидящими вдумчивыми глазами и с носами-картофелинами. У наиболее пожилых передняя часть головы до темени была гладко выбрита.

У некоторых стариков, — Петька не знал, что это были наиболее чистокровные туземцы Внутренней Австралии, населявшие ее еще до того момента, когда под напором белых произошло смешение многих окраинных племен с племенами центральными, — у некоторых стариков носы не сидели картошкой с вывороченными ноздрями, а выдавались вперед выпуклой дугой, придавая лицам орлиное выражение. Но глаза у всех были одинаковы: острые черные глаза изливали бешеную ненависть на пионера Петьку. Лишь два старика — как раз с дугообразными носами — смотрели на него без всякой ненависти, но очень пристально и пронизательно. У первого старика вид был весьма древний, плечи — согбенные, взгляд — потухший; у второго — не столь древнего — гордые глаза и стан говорили о привычке повелевать. Рядом с ними стоял красавец с продырявленным носом и расписанный, как попугай. Этот сверлил Петьку взглядом подозрительным и беспокойным.

За стариками располагались остальные дикари, ничем положительно не выделявшиеся друг перед другом, все — молодые, сильные, но тонконогие и худые. Сзади всех скрывались женщины, жизнь которых, очевидно, не была легкой — так они были изнурены, и дети — еще одни из тех немногих, которые не обдавали ненавистью белокожего мальчугана.

Дикари все еще молчали. Петьке спешить было некуда, и он вертелся флюгером во все стороны, изучая внимательно подробности незнакомой ему жизни. Дикари жили в убогих шалашах, построенных из древесных сучьев, составленных вместе наподобие крыши и покрытых пальмовыми листьями и папоротниками. Вряд ли такие хижины

спасали от дождей и ветра, так же сомнительно — и от холода. Только три из них, поставленные в стороне от лагерь, выдавались своей благоустроенностью: они имели покрытие из коры и шкуры животных.

Взгляд Петьки пробежал по загрязненному всякими отбросами песку и вдруг остановился, изумленный, на круглом камне, эрратическом валуне¹, на котором спокойно сидел голый человек и курил сигару. Человек этот с участием глядел на него, попыхивая сизым дымком через нос. Петьку поразила его сигара, светло-желтый цвет кожи, хотя и под сильным загаром, гладко выбритые щеки и подбородок, гигантский рост и телосложение античного борца; у него были голубые глаза, как у какого-нибудь европейца-северянина, но брови и самый разрез глаз стояли косо, как у монгола, его подбородок был тяжел, как у чистокровного янки, тонкие, красиво-очерченные губы казались взятыми напрокат у итальянца, а нос — нос дугообразный и выпуклый кпереди был самым настоящим носом породистого дикаря-австралийца. Кроме всего, человек, сидевший на валуне, носил длинные белокурые волосы, зачесанные назад и у шеи аккуратно подстриженные, волосной поясok на бедрах и кожаную сумку через плечо, в каких обыкновенно носят полевые бинокли. Петька до бесконечности мог бы разглядывать этого щеголя, попавшего в австралийские дебри, и все с одинаковым изумлением, если бы не стон, отвлекший его внимание в другую сторону.

Под отвесными лучами жалящего солнца на раскаленном песке возле одной из хижин лежал связанный по рукам и ногам чертенок Дой-на...

Движимый безотчетным чувством, Петька кинулся к нему на помощь, но старики первого ряда вдруг пришли в движение и загородили ему дорогу. Они решили, что пора уже приступить к выполнению второго совета «легкомысленного парня», т. е. расспросить белого пришельца, так

¹ Эрратический — блуждающий; эрратические валуны — камни, занесенные передвигавшимися ледниками.

как расспросы Дой-ны ничего им не дали, кроме туманных слов о прибытии белокожего с неба.

Пи́на-пина́ру — главарь общины позвал щеголя с сигарой во рту в круг дикарей, — щеголь знал много языков и как переводчик был незаменим. Тот лениво оставил свой камень, а подойдя к Петьке, вдруг поднял выше головы правую руку с плотно сложенными пятью пальцами и на чисто русском языке произнес:

— Здорово, пионер!..

— Всегда готов... — отвечал захваченный врасплох Петька и, смешавшись, поправился: — То есть, да... благодарю вас, как поживаете?..

Щеголь тихо и скорбно рассмеялся, показывая ослепительно-белые австралийские зубы.

— Что, изумлен? — спросил он. — Изумлен, что в этой глуши, на краю света тебя встречают на родном языке? Ничего. Я тоже изумлен и свернул мозги в сторону, раздумывая о путях, какими ты сюда прибыл... Об этом мы еще поговорим... Д-да, поговорим, как сказать? А сейчас — о другом...

— Я готов, — отвечал Петька.

— Положение такое, — начал Бамбар-биу, небрежно швырнув недокуренную сигару в воду, — такое, что тебя, скверный ты мальчишка... и за каким-таким чертом прилез ты сюда?.. что тебя ожидает мучительная смерть, потому что моим объяснениям ни одна борода не поверит. Смерть — или на костре, или на муравьиной куче, или по горло в земле. Впрочем, может быть, я и вру: у нас очень много способов лишать человека жизни, не знаю, на каком старики останются... Значит, ты умрешь, и мне очень жаль тебя, потому что в свое время, бурное это было время, я полюбил Россию... Конечно, я не отдам тебя им без боя, и, поверь, мне очень легко физически передавить человек десять своих соплеменников... Знаешь, я — Бамбар-биу, т. е. белый удав, питон, но я сильнее питона... Боюсь только, ничего из этого не выйдет: их сто человек, нас двое. Пожалуй, я не должен рисковать собой...

Бамбар-биу опустил голову и задумался. Старики проявляли нетерпение в виду затянувшихся расспросов.

— Ах ты, поганец! — вскричал вдруг Бамбар-биу. — Нет, ты скажи мне: какого тебе дьявола все-таки нужно было в этой забытой богом стране... впрочем, к черту бога...

— Я... — заикнулся Петька. Он хотел сказать, что техник Лялюшкин...

— Помолчи!.. — проревел Бамбар-биу, — жив будешь — объяснишь, а умрешь — дедушке своему расскажешь... Слушай: если не чудо — ты погиб... Постой... Что это у тебя был за револьвер?..

— Элек-три-ческий... — насилу проговорил Петька, чувствуя гадкую тошноту в глотке.

— Илик-тли-ческий... Ах, бревно! Ах, идиот!... Это что же, что-нибудь новое, сверх-особенное?... Почему ты не держал его наготове, пентюх ты, боб ты этакий калабарский? Почему не держал?.. Попробуй теперь вырви его из рук вон того размалеванного парня, чародея нашего развеликого, пройдохи с проколотым нюхалом... Смотри, он уже лижет его со всех сторон. Ах, скотина, в пузо бы его себе направил, чтоб ему кишки разворочало...

Старики проявляли явное нетерпение.

— Я убил змея... — вдруг пропищал Петька.

— Какого змея? Что ты лепечешь, маленький?

— Змея... удава...

— Что-о? Ах-ха-ха. Удава? Где ж он у тебя?

— Тут, в воде, к плоту ремешком привязан...

— Тащи его сюда, ах-ха-ха... Погибать — так с треском...

Под покровительственным движением руки Бамбар-биу Петька сошел к плоту, отвязал ремешок, но больше ничего не мог сделать; его колени тряслись, руки тыкались как чужие, как искусственные.

— Оробел парнишка, — сказал Бамбар-биу с неожиданной лаской в голосе. — Ну, держи ремешок, а другую руку давай сюда... Может, вместе вытащим... Револьвер-то как работает? По-обыкновенному?

— Да-а...

Он потянул Петьку. За Петькой на ремне потянулось длинное и могучее, но мертвое тело ромбического питона.

Прежде чем великолепный исполинский змей очутился на берегу, вихрь возмущения потряс дикарей, бросил их на два шага назад, рассыпал и снова собрал — разгневанных, страшных, посеревших. Старейшины ловили ртом воздух, надеясь в воздухе поймать те слова, которыми они собирались заклеить подлого убийцу, маленького белокожего звереныша, поднявшего преступную руку на священное животное. Молчали и рядовые члены общины, боясь поднять глаза перед гневом старших.

Петька недоумевал и окончательно перетрусил.

— Очень просто, — сказал Бамбар-биу, становясь впереди него и не отрывая взгляда от чародея с револьвером. — Очень просто. Ты убил не питона, а его разновидность — ковровую змею. А, как известно, наша община считает своим предком мифического человека-змею из вида ковровых... Досадно. Я думал: они придут в большее замешательство и чародей бросит револьвер... Теперь мне придется драться, а ты удирай по воде...

— Сам удирай... — прошептал Петька. — Я тоже буду драться, не маленький...

— Ах-ха-ха... — проговорил Бамбар-биу. — Ну, дерись... Сейчас выступит чародей, подожди: священные животные его конек и его специальность...

Как и сказал Бамбар-биу, из толпы дикарей выделился величаво балия Инта-тир-кака. Револьвер он сунул за пояс и, трепеща в приступе вдохновения, начал гнусавую речь.

— Ну, держись, малыш, — бросил Бамбар-биу дрогнувшим голосом, — как только чародей войдет в раж, я звездану его по уху...

Но не пришлось «ветрогону» употреблять насилие над своими согражданами, и уши Инта-тир-каки остались без повреждения.

— Братья Ковровые Змеи, — воззвал чародей, — что мы видим, до чего дожили? Как изменились времена, как пали нравы... До каких пор презренные белокожие будут злоупотреблять нашим терпением?...

Точь-в-точь некогда начинал свою речь знаменитый римский оратор Цицерон против государственного изменника Катилины. Бамбар-биу отметил это и фыркнул: мерзавец пользуется латинскими классиками... Недаром кончил английский колледж...

Петька не успел удивиться (темный дикарь, чародей — и вдруг колледж). Кто-то дернул его сзади за ремешок, который он все еще держал машинально. Он обернулся и обмер: питон шевелил головой, правда, вяло, но явственно: это не могло быть обманом зрения.

В это время оратор вплотную подошел к самому демагогическому пункту. «Белые врываются в наши области, — прокричал он, — и на наших глазах убивают братьев наших предков, о горе, горе, о позор!..» — и он разорвал на себе одежды, т. е. набедренный фартушек. Петька шепнул «ветрогону»:

— Бамбар, питон ожил...

По широкой спине, загораживавшей Петьку, пробежала дрожь, и голос — деревянный, безразличный и как будто сломленный — сказалпо-русски:

— Освободи его от ремня, пусть отдышится... Как только задвигается сильно, тронь меня.

И питон задвигался, но прежде попытался укусить Петьку, когда тот развязывал ремень, а потом сшиб его с ног. Падая, Петька успел коснуться рукой икры Бамбар-биу. Питон удирал в воду. Трехметровым прыжком Бамбар-биу настиг его, придавил ногой хвост... Обезумевший оратор оборвал речь... Питон выгнулся колесом и с размаху плоской головой грузно хлестнул отчаянного гиганта по груди. Гигант покачнулся, но лишь для того, чтобы, изловчившись в следующую секунду, зажать в стальные тиски шею питона ниже головы. Никто и не подумал идти к нему на помощь. Все ударились врассыпную, даже атлет-чародей сделал несколько кенгуровых скачков назад. Питон свивался и развивался темно-синими пестрыми кольцами вокруг застывшего бронзовым изваянием Бамбар-биу. Он еще не чувствовал полной своей силы вследствие остатков паралича. Бамбар-биу с вздувшимися венами на руках, на шее

и на ногах, неся 120 килограммов веса исполинской змеи, тронулся от воды к дикарям. Из его сдавленной тремя живыми кольцами широкой груди вырвался вопль:

— На землю. Все на землю. Лицом к земле...

Он задыхался, тем не менее его приказание-воплъ было исполнено в одно мгновение.

Над телами распростертых дикарей, шатаясь от нечеловеческого напряжения и все более и более багровея лицом, Бамбар-биу выкрикивал отрывисто:

— Слушайте, Ковровые Змеи... Маленький белокожий — не угнетатель... Маленький белокожий — великий чародей... Ему подвластны все наши предки — ковровые змеи и все духи, потому что он из страны, где духов и предков победили... давно победили... Слышали вы про Ленина? Про великого белого Ленина, который раскрепощает страну за страной и скоро придет к нам, чтобы освободить нас от Брумлеев и прочих душителей черных... Маленький белокожий — ученик великого белого Ленина, который еще более красный, чем белый, потому что он несет с собой красный пожар... Маленький белокожий пришел к нам, чтобы возвестить, что Ленин близко, что он знает и помнит о нас, чернокожих и страдает вместе с нами нашими страданиями...

Если бы Петька понимал австралийский язык, здесь бы он нашел нужным вставить поправку в отношении своей скромной миссии.

— Вот я вам говорю это, — надрывался из последних сил Бамбар-биу, — я — белый удав, который держит в своих объятиях коврового удава, что никто не смеет и пальцем тронуть ученика великого белого Ленина. Слушайте...

Но Бамбар-биу не кончил, потому что питон, стиснув ему ноги, поверг его наземь. Тогда Петька стрелой подскочил к чародею Инта-тир-каке, который, как и все дикари, нюхал носом песок. Из-за пояса чародея торчал электрический револьвер. Петька выхватил его и кинулся на помощь к самоотверженному гиганту, извивавшемуся по песку в конвульсивных объятиях своего страшного тезки.

Но Бамбар-биу совсем не чувствовал себя скверно. Увидев в руках пионера револьвер, он сказал спокойно, хотя голубые глаза его налились кровью:

— Не стреляй, дурак: меня зацепишь. Сам расправлюсь. Следи лучше, болван, за чародеем...

Петька внял мудрому совету, высказанному в невежливой форме, и стал на страже своего большого и грубого друга.

Выкатив бешеные глаза, чародей поднимался с земли. Он искал револьвер и увидел его в руках белого мальчишки. Предостережение Бамбар-биу не помешало ему, спрятав голову в плечи, прыгнуть на Петьку. Но помешал револьвер, тикнувший слабо. Чародей дрыгнул ногами и свалился без движения. Рядом с ним упал второй дикарь, тоже поднявшийся и случайно попавший в сферу действия электрического разряда.

Конвульсии питона были предсмертными. Стальные пальцы «ветрогона» умели делать мертвую хватку, когда это нужно было. Хрустнули позвонки на шее питона, и тело его сразу размякло.

Поднявшись и швырнув мертвое тело в воды реки, Бамбар-биу увидел чародея, раскинувшегося в экзотической позе лицом к небу.

— Готов? — небрежно бросил он.

— Через три часа оживет, — отвечал Петька, вспомнивший наконец полностью наставления техника.

— Жаль, — сказал Бамбар-биу и вслед за тем завопил:

— Эй, вы, лентяи, довольно валяться: отдохнули. За работу... Поднимайтесь, поднимайтесь, лентяи... Предок наш ушел в землю, такова его воля, мы не достойны были созерцать его доброе личико...

— Пойдем в мой шалаш, — обыкновенным своим нежным голосом обратился он затем к Петьке. — Вон мой шалаш — самый дырявый. Я сейчас приду, только развяжу Дой-ну...

3.

Петька в роли следопыта, но...

Новый знакомый Петьки был странный человек с головы до пят, — так, по крайней мере, казалось Петьке и кажется до сих пор. Впрочем, судите сами.

Всему миру известно, что пионер — всем ребятам пример. Он верен делу рабочего класса, он — младший брат и помощник комсомольцу и коммунисту, он — товарищ пионерам, рабочим и крестьянским детям всего мира, он организует окружающих детей и участвует с ними во всей окружающей жизни, он стремится к знаниям, а знание и умение — сила в борьбе за рабочее дело. Таковы законы юных пионеров, и каждый пионер — нужно ли об этом говорить? — знает их на зубок и следует им во всех случаях жизни. Также — обычаи. Я и не подумаю перечислять их. Пусть читатель мой повторит их про себя и остановится на пятом обычае, на котором остановлюсь и я. Обычай этот гласит: пионер не ругается, не курит и не пьет. Теперь: человек, который приветствует Петьку в Австралии правой рукой с плотно сложенными пятью пальцами (пять пальцев — пять частей света, где есть угнетенные...), не должен ли он знать о законах и обычаях пионеров, и между прочим о пятом обычае, который, хотя и поставлен последним пунктом, является далеко не второстепенным, ибо по этому самому обычаю с первого взгляда можно разгадать человека: пионер ли он или вообще мальчишка — неорганизованная шпана. И вот, пожалуйста:

— Сигарку, — предложил Бамбар-биу Петьке, когда они втроем (третий — Дой-на) очутились под навесом шалаша. Сигару он достал из красивого ящичка слоновой кости, ящичек из сундучка, сундучок выкопал ни песка. Кроме ящичка в сундуке находились: бритва, мыльница, колода карт, пузырек одеколona, черный пузатый графинчик с чем-то, несколько хрустальных рюмок и три смены верхнего и ниж-

него австралийского белья, то есть три небедренных пояска.

— Не курю, — сурово отвечал Петька. Он сильно желал, чтобы в этот момент голос его звучал «как ледяной смерч в арктическом море» или, на худой конец, как ледяная сосулька, гремящая по водосточной трубе.

— Очень жаль, — сказал Бамбар-биу и, действительно, с непередаваемым сожалением взглянул на пионера. Потом он достал пузатый графин и две рюмки, нацедил густой красной жидкости в обе рюмки, одну выпил сам, другую предложил Петьке.

— Не пью, — еще суровей отвечал Петька.

— Очень, очень жаль, — снова сказал Бамбар-биу. — Все-таки, может, выпьете? Замечательно вкусно: сладко, пахуче и нежно. А?..

— Не пью, — повторил Петька и с ненавистью взглянул на искушителя.

— Вы достойны глубокого сожаления, — произнес тот, опрокидывая и вторую рюмку себе в рог.

Выпив, он крикнул, закурил сигару (вторую положив обратно в ящичек) и, расположившись на животе и на локтях, пустил в лицо Петьке густую струю дыма вместе с вызывающими словами:

— Сопляк и слюнтяй...

Петька запыхтел, проглотил слюну, но ничего не ответил.

— Дурак, ротозей и бревно...

Петька начал краснеть и дрожать.

— Калабарский боб, бразильская обезьянка, э-э-э, мокрица и... полено, — перечислял далее Бамбар-биу, не отводя наглого взгляда голубых глаз от лица пионера. — Еще один раз бревно и два раза сопляк...

И вот заговорил Петька, то краснея, то бледнея:

— Если вы, гражданин, хотите вызвать меня на ругательства, то это вам не удастся...

— Дрянь и трус...

— Но если вы не перестанете сейчас ругаться, я тресну вас, гражданин, по уху... клянусь жабой...

— Сингапурская макака...

— Сейчас тресну, а потом застрелю, потому что вы сильней меня... — Левой рукой Петька сжал револьвер, правой — кулак.

— Ну, ладно, не буду, — равнодушно сдался Бамбар-биу.

Но теперь Петька повел наступление.

— Извольте, гражданин, объяснить, — потребовал он и на этот раз, действительно, ледяным голосом, — почему вы ругались.

— А, право, сам не знаю, — «объяснил» Бамбар-биу, — таковой, видно, дурацкий у меня характер, но я больше не буду, извините, беру все ругательства обратно. Так сказать, складываю их обратно в свою черепную коробку... для лучшего времени...

— По-моему, вы должны знать наши законы и обычаи, — проворчал Петька, опуская револьвер.

— Законы и обычаи! — воскликнул Бамбар-биу. — Но я по природе своей — анархист. Во мне шесть кровей, шесть человеческих рас. Мать моя была на одну треть австралийка, на треть — папуаска, на треть — яванка. Отец имел в себе китайскую кровь, американскую и голландскую. Каждая кровь говорит о своих законах. Я шестикровный, я не знаю, каким законам мне следовать, и я не следую никаким... Ну, полно, не ворчи. Расскажи-ка лучше, что тебя привело в Австралию?

Этот странный человек снова был добродушен и подкупал своей искренностью. Петька перестал ворчать и начал обстоятельно рассказывать. Начал с письма к бабушке и кончил высадкой своей на здешний гостеприимный берег. Дой-на сидел между ними, крутя головой, так как солнечная ванна, принятая им в дозе весьма неумеренной, вызвала у него продолжительное расстройство кровообращения.

Бамбар-биу слушал молча, кутая голову в облаках сизого дыма. Перед началом рассказа он растянулся на песке во весь свой необыкновенный рост, и ноги его по колени вылезали из-под шалаша.

— Значит, ты видел Верины следы... — раздумчиво произнес он, когда Петька кончил. — Повтори-ка еще раз, что ты видел?

Петька повторил:

— От вершины черного утеса к озеру тянулись песчаные вдавления, будто кто на коленях и на руках полз здесь. Потом...

— Обожди. А не могло быть обратного: от озера к утесу, хочу я сказать?

— А с утеса куда? — вместо ответа задал резонный вопрос Петька.

— С утеса... гм... гм... обратно к озеру или прямо к лесу...

— Но, — возразил Петька, — выходит, что человек туда и обратно зачем-то сделал путь ползком, а потом поднялся на ноги и зашагал к лесу. Единственно верно: он сполз с утеса, напился воды и только тогда поднялся.

— Ты прав... Продолжай. Следы тянулись до леса. Потом — ленточка. Красная или синяя, ты говоришь?

— Красная.

— Ты точно помнишь: у Веры была красная лента в волосах, когда ты ее видел с яблони?

— Скорее, синяя, — сознался Петька, — или черная... Но она могла в дороге переменить ее: ведь у девочек так много лент.

— Гм... Этот твой пункт слабей предыдущего. Голодный, и напуганный к тому же, человек, пускай даже это будет девочка, не станет заниматься в дороге туалетом.

Однако Петьку нелегко было сбить. Он нашелся:

— Какая бы лента ни была у Веры в волосах, это не важно. У нее была с собой, в кармане что ль, еще запасная красная ленточка, и она вынула ее из кармана, когда потребовалось заметить местность...

— Могла вынуть из кармана... — повторил Бамбар-биу и, взвесив этот новый аргумент, согласился, — могла. Продолжай... В лесу ты видел, говоришь, г л у б о к и е отметины на деревьях?

— Отметины на деревьях — подтвердил Петька, — сделанные или ножом или острым камнем.

— Ты видел когда-нибудь нож у Веры?

— Н... не знаю. Скорее, нет. Но она могла камнем еще, я сказал...

— Камнем или ножом — в конце концов безразлично. Вот ты сказал: глубокие. Ты твердо стоишь на этом?

— Да-да, довольно глубокие...

— Вера — очень сильная девочка? Сильней тебя? — спросил Бамбар-биу.

— Н-нет... Скорей, напротив, — отвечал Петька, чувствуя, что позиции его шатаются.

Бамбар-биу молчал, выпуская дым из носа, изо рта — кольцами, спиралью, струями и просто — облачками. Около двух минут он скрывался в тумане. Петька терпеливо ждал, когда рассеется этот туман.

— Никуда не годный пункт, — решительно прозвучал голос Бамбар-биу (его лица еще не было видно). — Слабая девочка, ослабевшая вдобавок от длинного путешествия, делает глубокие порезы в жесткой коре эвкалиптов, да еще камнем, а не ножом. Это не Вера делала их.

— Кто же? — подпрыгнул Петька.

— Не знаю. Меня там не было, — последовал глубокомысленный ответ из того места, где можно было предполагать голову Бамбара-биу.

— Но... Дой-на?! — воскликнул Петька, — Дой-на был там, и он все видел. Он великолепно понял меня, когда я рисовал ему историю Вериного путешествия...

Тут Бамбар-биу так оглушительно и резко расхохотался, что дымовые потоки кинулись опростометью из шалаша вон и пепел его сигары, целый вершок пепла, упал на голую его грудь и рассыпался пирамидкой. Прохохотав мучительно долгое время и успокоившись, мало-помалу, Бамбар-биу заговорил со слезами явного восторга в голосе:

— Дой-на с пылким воображением парень. Дой-на будущий поэт. Он ни бельмеса не понял из твоих рисунков, но, говорит, «белый чертенок был так зол, что мне стало холодно, право», и ему, чтобы согреться, только и остава-

лось, что сделать вид великолепно понявшего все объяснения «злого белого чертенка»... Следы он, правда, видел и хорошо прочитал их, но при высадке неизвестного пилота не присутствовал и вообще не видал его в глаза... По следам он узнал, что были две партии, которые следили за каким-то человеком. Одна партия — люди из города — по всей вероятности, метисы, продавшиеся белым капиталистам, в другой были наши соседи, туземцы из племени Дизери. Они подрались легонько, и метисы, люди из города, одержали верх. Человека они увели с собой. Вот и все, что знает Дой-на...

— И все-таки это была Вера, — упрямо заключил Петька, — потому что красную ленточку я видел своими глазами.

— Не знаю. Ничего не знаю, — вздохнул Бамбар-биу, — но я согласен помочь тебе разыскать ее... или вообще того, кто опустился на утес. Через недельку — другую я узнаю, куда увели метисы неизвестного человека. Потом мы движемся вместе. Твой револьвер хорошая штука. Он мне может пригодиться...

Теперь, когда сигара больше не дымила, Петька легко убедился, что по лицу Бамбара-биу ползала довольно двусмысленная улыбка.

Станный человек этот Бамбар-биу, странный с головы до пят...

4.

Быт людей — Ковровых Змей

Уже в течение нескольких дней Петька вращался среди членов первобытного общества людей Ковровых Змей, изредка заглядывая для сравнения и в противоположный лагерь — к Черным Лебедям, где ему тоже оказывали прием, впрочем, менее радушный.

После декларации Бамбар-биу отношение дикарей к нему резко изменилось. Ковровые Змеи — все, от мала до велика — неизменно встречали его с доброй улыбкой и с приветливыми словами на устах. Слов он еще не понимал, кроме одного — Пэть-ика, но понимал улыбки и, основываясь на последних, беспрепятственно лазил по всем шалашам, по всем закоулкам большого лагеря. Всюду записная книжка его и карандаш имели работу.

Только с шалашом чародея вышла маленькая неприятность: оттуда Петька вылетел стремглав — во всяком случае, гораздо, неизмеримо быстрее, чем откуда бы то ни было: то злопамятный Инта-тир-кака ловко пустил в обращение свою голенастую конечность. Разумеется, на скверного дикаря он и не помыслил жаловаться, потому что ябедой никогда не был, но мрачное жилище его с тех пор всегда обходил, держась приличной дистанции.

Причина, побудившая пионера забраться в самое логово зверя, лежала в том недоразумении, которое возникло у него при изучении лагеря. А именно, нигде, на всей территории лагеря, а простирался он гораздо дальше берега, не оказалось даже подобия какого-нибудь первобытного храма, или капища, или жертвенника, или чего-нибудь в этом роде. И Петька надеялся встретить это милое учреждение в логове представителя самой дикарской религии. Однако за тот короткий срок, который ему там предоставили, он успел убедиться, что шалаш чародея ничем не отличался от самых обыкновенных шалашей: ложе из сухой травы,

две-три звериные шкуры, железный нож, бамбуковое копье с каменным наконечником, бумеранг и палица, вот и все, что он увидел там. Никаких идолов, никаких жертвенников.

Упорный в своих исследованиях, пионер обратился за разъяснением к Бамбар-биу.

— Малыш, — сказал тот, — мы не верим в богов и не молимся им, зато у нас тьма духов и чертей, которым мы изредка приносим жертвы. У нас есть добрые духи — ирунтаринии, и злые — орунча. Добрые духи — это наши предки, наши родственники, наши дети, умершие когда-то. Они живут на небе, в камнях, деревьях, воде, в горах и просто — в земле. В каждом животном и в каждом растении тоже сидит по духу, а то и по два, они безразличны к человеку, пока их не трогаешь, и они становятся коварными и злыми, если их рассердишь. В большинстве случаев мы еще не дошли до того, чтобы давать собственные имена нашим духам. И все же у нас есть орунча Купир, который крадет из пещер людей и их вещи, есть Арлак, который душит в темноте, и призрачный Буньоп, бродящий по лесам — неспроста, тоже, конечно. Еще есть Пукидни (смотри, какие все отвратительные имена), летающий невидимо и без толку пугающий людей. Есть тьма ночных духов Мани, которые вторгаются в шалаши с шумом, опаляют волосы и душат дымом. Мы живем в мире призраков и духов, наше невежество породило их, и он¹; платят нам той же монетой: поддерживают на в нашем невежестве.

— Каковы же обязанности вашего чародея, в таком случае? — спросил Петька, как истый пикор-интервьюер¹, быстро извлекая карандаш и записную книжку.

Бамбар-биу отвечал с гримасой отвращения на лице:

— Никаких общественных функций, за исключением врачевания, основанного на шарлатанстве, и волхвования — чистого жульничества, чародей наш не несет. Это просто

¹ Пикор — в 1920-е гг. пионерский корреспондент, внештатный юный журналист (*Прим. изд.*).

лодырь, продувная бестия, умеющий делать вид, что он запанибрата с духами и что они повинуются ему, как господину. И дикари верят ему, до того верят, что если он скажет, что на такого-то человека им направлен орунча и что человек этот должен умереть, будь уверен, обреченный словом чародея вскоре умрет. Такова сила внушения чародея в отношении темных невежественных дикарей... Между прочим, наш Инта-гир-кака уже три раза извещал меня о духах, самых вредных духах, ниспосланных им на меня. Вчера он в четвертый раз известил меня о том же. Жду неминуемой смерти... — Бамбар-биу сложил руки молитвенно и скорчил похоронную рожу.

Памятуя, что знание — сила, Петька стремился как можно больше узнать и записать о быте и жизни австралийцев. Времени для этого у него было достаточно. Бамбар-биу, пропавший из лагеря в вечер того дня, когда прибыл пионер, и вернувшийся на следующий день к ночи, сообщил ему, что за неделю полного бездействия он всегда может ручаться. И также возможно, добавил он успокоительно, что пройдет не неделя, а значительно больше, потому что человеку, которому было поручено навести предварительные справки, нужно пройти, считая туда и обратно, около 400 километров — частью по горам, частью по степям и по лесистым местностям. Сообщив это, Бамбар-биу залез в свой шалаш, как медведь в берлогу, вылезая оттуда лишь вечерами, когда на раскаленную землю спускалась прохлада.

Петьку не смущал зной. Окружив себя шумливой ватагой чернокожих сверстников, он с утра до ночи шатался по лагерям и их окрестностям, наблюдая, записывая и обогащая свой язык — язык мимики и жестов — звучными, красивыми словами и фразами из языка племени Урабунна. К этому самому времени относится запись в его блокноте, запись, сначала поразившая меня полным отсутствием всякого смысла, затем развеселившая, когда я понял, в чем дело. Вот как она выглядела :

Коко-гимидэр, карава,
Марра-анула, диэри,
Питта-питта, нариньэри,
Уахлай, камиларой.

Иворгайя, иотати,
Кантиш и урабунна,
Иарунтаснгерикуди,
Юин, каби, варрамунга.

Диппиль, виммера и йеркла,
Мурринг, ларрика, курнаи,
Илиаура и лурич,
Ниол-ниол и волгаи.

С первого взгляда можно было подумать, что это какое-то идиотское заклинание. Но когда я разобрал знакомые мне слова, вроде урабунна, диэри, нари-ниэри, то сообразил, что имею перед собой не больше не меньше как перечень австралийских племен, для памяти уложенных искусником Петькой в стихотворный порядок. Конечно, здесь не все племена налицо, и Петька знал это, почему и сделал внизу, отдельно от стихотворения, специальную приписку:

«Еще есть мурунди и эчука и многие другие, о которых даже Белый Удав ничего не знает. Сделал ему замечание за невежество; он рассердился, назвал меня калабарским бобом и выгнал из шалаша. Я с удовольствием ушел, потому что там было накурено, как в поповском аду, несмотря на сплошные дырки. Не знаю только, стоит ли обижаться, когда он ругается бобом».

Не стоит, Петух, не стоит. Я тебя успокою: калабарский боб — это красивое вьющееся растение, похожее на нашу фасоль, с пышными пурпуровыми цветами. Правда, индейцы, на родине которых он растет, соком его отравляют свои стрелы для верности действия, зато в медицине он употребляется с большой пользой при самых разнообразных болезнях.

В быту и обиходе австралийцев племени Урабунна, к каковому принадлежали Ковровые Змеи и Черные Лебеди, существовали достопримечательности, относившиеся, вместе с религией их, к временам седой древности, к временам первобытного коммунизма — этой первой ступени в лестнице развития человеческого общества. Частной собственности у них не существовало, если не считать тех грубых каменных топоров, деревянных палиц, копий и бумерангов, которые каждый взрослый мужчина мог сделать для себя, не затрачивая большого труда, и если не считать того, что проникло к ним от белых — и то в очень мизерном количестве — металлических ножей и старинных, недействующих из-за отсутствия пороха ружей.

Примитивное разделение труда было знакомо им. Юношам и взрослым людям полагалось добывать мясное пропитание для всей общины посредством охоты; женщинам и детям — собирать корни, насекомых, плоды; старикам — следить за соблюдением обычаев и законов, выбирать места для кочевий, быть хранителями опыта и знаний, накопленных предками. Община — группа людей обоего пола в 100-110 человек, — как сказано выше, связывала свое происхождение с каким-нибудь животным или растением, или даже с предметом и природным явлением, и это спаивало ее в одно целое, хотя пониманию не поддавалось. В то же время все общины-группы считались родственными и друг другу, так как браки разрешались только между мужчиной и женщиной разных общин, но тут соблюдался строго определенный порядок, установленный еще, по преданию, в сказочные времена мифического предка австралийцев — полужверя, получеловека Алчеринга. Все эти сведения любезно сообщил Петьке Бамбар-биу, и Петька (я ему пророчу будущность ученого) кропотливо занес их в свой блокнот. Вот какую табличку я нашел в этом блокноте, исписанном вплоть, до корешков и вплоть до переплета.

«Племя Урабунна распадается на двенадцать общин-групп и в то же время на две брачные половины. В каждую брачную половину входит шесть общин. Вот эти общины:

1-я брачная половина.

{
Дикая Утка,
Цикада,
Собака-Динго,
Птица-Эму,
Дикий Индюк,
Черный Лебедь.

2-я брачная половина.

{
Облако,
Ковровая Змея,
Узорчатая Ящерица,
Пеликан,
Водяная Курочка,
Ворона.

Браки разрешаются только между мужчиной и женщиной разных брачных половин. Виновники нарушения этого обычая караются очень жестоко и немилосердно, обычно смертью».

Теперь о повседневных и самостоятельных наблюдениях Петьки.

Юноши и мужчины Ковровых Змей, за исключением стариков и чародея, каждый день с утра уходили на охоту. Иногда к ним присоединялись подростки и раза два — сам великий Бамбар-биу — Белый Удав, неизвестно какими путями порывавший со своей неизбывной ленью и вонючей сигарой. К полудню или к вечеру они возвращались, нагруженные добычей, и тогда, побряхтывая, вылезали из шалашей старики, являлся разрисованный Инта-тир-кака с палочкой в носу.

Посреди лагеря находилась яма, выложенная плоскими камнями — общественный очаг Ковровых Змей, в нем разводился огонь, на огне раскаляли камни — булыжники, и затем, когда огонь прогорал, выгребали золу и угли и прямо на камни валили груды мяса, сверху все покрывалось пальмовыми листьями и травой, землей и новыми камнями.

ми. Через час гигантское блюдо поспевало, его вынимали, старики кроили внушительные порции, и начиналось общее пиршество, длившееся обыкновенно 3-4 часа подряд.

Петьке сильно нравилось приготовленное таким образом мясо — оно было вкусно, сочно и душисто, хотя не лишено земли и песку, но не нравился порядок, по которому женщины вместе с ребятами, не принимавшими участия в охоте, должны были удовлетворяться теми, зачастую скромными обедами, что оставались после наевшихся до отвала охотников и стариков.

Положение женщины в общине вообще не было завидным: она не имела никакого голоса, она служила мужчине как раба, как выючное животное. Вечно занятая то плетением корзин, то сбором растительной пищи для себя и для мужчин, то латаньем дырявых шалашей, то vyhаживанием ребят, она быстро старилась и дурнела. Преждевременные морщины бороздили ее лицо. Иначе относились к детям; если тех, что не могли по своему возрасту сопровождать охотников, обделяли в пиршестве наравне с женщинами, зато все они росли на воле, не обремененные трудом и не угнетаемые наказаниями. Петька ни разу не видел, чтобы мужчина или: женщина ударили ребенка, и никогда не видел, чтобы с ними обращались жестоко.

До 10-11 лет, как правило, дети находились под присмотром женщин. За это время среди игр они учились собирать корни, плоды, топливо, ловить мелких животных и пр., а девочки, кроме того, строить шалаша, плести корзины и справлять другие лагерные работы. С 10-11-летнего возраста мальчиков подвергали испытанию с целью выявить их мужество и зрелость для перевода в следующую возрастную группу. Петька был свидетелем одного такого испытания и даже совершенно неожиданно для себя и для других подвергся ему сам.

На заре поднялся галдеж. Привыкшие с юных лет перекликаться через громадные пространства, дикари обладали великолепными голосовыми средствами. Они пользовались ими при каждом удобном случае, и очень часто их речь во время возбуждения, страха, уныния или другого

сильного переживания переходила в пение. Но красоты и благозвучия в их голосах, к сожалению, не чувствовалось, они брали силой и своеобразной резкостью тембра. От первой же волны диких звуков Петька проснулся; он думал, что в лагере происходит кровопролитная битва. От второй волны — лениво открыл глаза Бамбар-биу. Ложе Дой-ны давно остыло.

— Не хочешь ли стрелять? — насмешливо спросил Бамбар-биу, увидев в руках пионера оружие.

Затратив на одеванье ровно две секунды (Петька теперь ходил в одних трусах и с револьвером через плечо), они вылезли из шалаша.

Яркое солнце громадной тарелкой сверкало над эвкалиптами, но в воздухе еще реяла прохлада, сохранившаяся от ночи. Лагерь был пуст. Галдеж шел оттуда, где за низкорослой стеной шипоносных акаций лежала площадка для общих собраний. Выделялись женские голоса, особенно старавшиеся.

Бамбар-биу пустил локти в ход и пробился через плотную толпу мужчин, женщин и детей к центру зрелища. Петьке, следовавшему за ним по пятам, он кинул многозначительное: «Посвящение первой ступени».

Один за одним в затылок стояло десять мальчиков в Петькином возрасте. Мужчины брали первого в очереди и под неистовые крики всех «пау-пау-пау-а-а!» подбрасывали его высоко вверх несколько раз подряд. Когда он летел вниз, его ловко подхватывали на руки подле самой земли. Все посвящаемые смеялись или старались смеяться.

В отдалении с группой старейшин молчаливо сидели балия Инта-тир-кака, окни-рабат Бейяр-вонже и алатунья Илимми. В руках, забрызганных кровью, балия держал каменное долото и такой же молоток. Мальчик, не выказавший страха во время подбрасывания, переходил в их руки. Окни-рабат зажимал ему голову, алатунья скручивал руки, а чародей своими инструментами быстро вышибал у него один из зубов верхней челюсти. Прошедшие посвящение с бледными улыбками собирались в одну группу, поплевы-

вая кровью. Из пятнадцати мальчуганов только двое разревелись, попав к чародею. Посмеявшись над ними, им не стали делать операцию.

Окни-рабат откашлялся, взволновал морщинами лоб и собирался обратиться к новопосвященным с речью, когда Бамбар-биу, крикнув что-то, толкнул пионера в толпу мужчин. Все произошло так внезапно, что Петька пришел в себя лишь после того, как его несколько раз под громкое «пау-пау-а» взбросили к солнцу. Против первой части посвящения он не имел ничего, вторая же ему абсолютно не нравилась — главным образом потому, что совершал ее голенастый и злой чародей.

— Он вгонит мне долото в рот и скажет, что нечаянно, — поделился Петька своими мыслями с белым гигантом.

Тот захохотал и дословно перевел его фразу на австралийский язык. Нахмурились: окни-рабат, пина-пинару и все старейшины, балия заскрежетал зубами и завизжал поросенком. Но, очевидно, заявление белокожего приняли во внимание: орудия посвящения из рук чародея перешли к пина-пинару.

Сказал Бамбар-биу Петьке:

— Гордись. Тебе сам пина-пинару и алатунья, первый человек в общине, будет делать операцию... Какой зуб тебе выбить... так, чтобы без вреда?

— Вот этот, — показал практичный Петька на верхний резец, который имел душло и давно мучил его невыносимыми болями.

Пина-пинару наставил долото, стукнул, и пионер чуть не подавился собственным зубом.

Зуб у него отобрали и вместе с остальными завернули в волокна пальмы.

— Будут храниться в священной пещере, — пояснил Бамбар-биу, — пещеру я тебе как-нибудь покажу... хотя мне, как непосвященному, запрещено туда входить...

Окни-рабат откашлялся вторично, вторично взбороздил лоб складками и наконец произнес свою речь, обращаясь к новопосвященным. Бамбар-биу переводил слово в слово:

— Юноши... Вы теперь не дети, а юноши. Вы мужественно перенесли посвящение. Ни один гнусный крик не вырвался у вас, ни одна жалкая слеза не упала. С этих пор вы не будете играть с женщинами и детьми, вы не будете помещаться в их шалашах, а будете жить с неженатыми мужчинами в их становище.

До сих пор вы ходили с женщинами на поиски за маленькими животными и растительной пищей. Теперь вы станете сопровождать мужчин в их охоте за крупной дичью... Теперь мужайте, набирайтесь храбрости и силы, привычайтесь повиноваться старшим, чтобы достойно и мужественно встретить посвящение в тайны общины и затем — страшную пробу огнем...

Балия Инта-тир-кака священнодействует

Ночью, когда все спали, приходили таинственные вестники и возбужденно шептались с Белым Удавом в его шалаше. На Петьку не обращали внимания — или думали, что он спит, или (если не спит) все равно ничего не понимает. Но Петька не спал, это — во-первых, и, во-вторых, если не все, то кое-что улавливал из длинных переговоров. За неделю своего пребывания среди дикарей он твердо усвоил несколько десятков слов из их звучного языка.

Упоминались часто слова: «бамбар эратипа», бамбар — белый, эратипа — малыш. Упоминалось еще что-то вроде «белый человек» и «прилетевший на крыльях». Крыльев, как известно, у ялика Веры не было, но Петька считал это образным выражением туземца и, не сомневаясь, принимал, что разговор всегда шел о Вере. Упоминалось еще много других слов, которых пионеру, как он ни старался, до утра сохранить в памяти не удавалось, а без переводчика Дой-ны он не понимал их. Маленький Дой-на лежал раненый в отдельном шалаше-больнице, и Петька каждый день проводил с ним несколько часов.

Вестники исчезали так же бесшумно, как и появлялись, никогда не дожидаясь рассвета. Никто в лагере не знал об их присутствии, чему способствовало одинокое положение шалаша Бамбара-биу на самом краю становища и отсутствие собак, столь многочисленных в других лагерях: своих собак Ковровые Змеи съели во время зимней голодовки. Если бы случайно кто пронюхал об этих ночных визитах, Бамбар-биу получил бы крупную взбучку: на территорию одной общины никто, даже из родственной ей общины, без разрешения старейшин не имел права вступать.

— Что говорилось ночью? — спрашивал наутро Петька.

— Молчи, — отвечал Бамбар-биу, — когда нужно будет, обо всем скажу.

— Но Вера — в Австралии?

— Как будто в Австралии. Впрочем, твердо не знаю. Следы есть...

Петька терпеливо ждал, тем более что жизнь в лагере с каждым днем становилась интересней, в особенности после смерти великого чародея.

Да. Всемогуший балия отдал свою душу земле. Указывали даже камень, куда вошла она, — то был круглый валун, любимое место отдохновения лодыря Бамбар-биу. Случилось это так.

Однажды ночью, на четвертые сутки пребывания пионера среди Ковровых Змей, громкий вопль поднял на ноги весь лагерь и в первую очередь обитателей шалаша Бамбар-биу: вопль возник здесь. Петька зажег спичку, от спички — смолистую кору эвкалипта, и при ярком свете, осветившем шалаш, все, включая и тех, что сбежались на крик, увидели Дой-ну, окровавленного Дой-ну, прижатого к стене копьём. Кто-то через ветхую крышу шалаша пытался убить его. Но копьё скользнуло по груди и лишь разодрало кожу. Однако факт оставался фактом: произошло покушение на убийство — неслыханный поступок, позорящий всю общину. Сразу в лагере воцарилась тишина. Никто не хотел, чтобы слух о позорном деле перекинулся к Черным Лебедям. Дой-ну уговорили молчать и ранение свое объяснять падением с дерева на камни...

Копьё внимательно осмотрели, оно оказалось новым, только что сделанным, никакой индивидуальной метки на нем не было. Призвали Инта-тир-каку — специалиста по таинственным делам. У чародея мелькнуло разочарование на лице, когда он узнал, что пострадал Дой-на, а не... а не тот, чье место Дой-на занимал в эту ночь.. Обычно здесь спал пионер, но проницательный Бамбар-биу, что-то подозревая, несколько ночей под ряд заставлял их меняться местами.

Понятно, чародей ни словом не обмолвился о своем разочаровании, его поняли три обитателя шалаша: Бамбар-биу, Петька и Дой-на. Но и эти трое сочли за лучшее молчать.

— Дело духов... дело духов... — зловеще бормота Инта-тир-кака. — Духи недовольны чем-то... Кто-то оскорбил их из этого шалаша. — Больше он ничего не решился добавить, он был хитер и осторожен за троих.

Когда он уходил, захватив с собой копье, Бамбар-биу не удержался и крикнул по-английски:

— Паршивый колдун хотел убить Петьку!

— И убью!.. — резко обернувшись, по-английски же ответил чародей.

— Берегись!—грозно предупредил его Бамбар-биу.

В его расчеты не входила смерть пионера. С этого дня он начал искать повода для последней ссоры с чародеем, но чародей свою осторожность и предусмотрительность сразу удесятирил. Как два тигра следили они друг за другом, что нисколько не помешало отважному «ветрогону» принимать и отпускать ночных визитеров.

Иногда делались осторожные, нащупывающие вылазки и с той, и с другой стороны.

— Я все знаю, — говорил чародей с глазу на глаз «ветрогону», — ты замышляешь скверное дело. Ты нарушаешь законы, принимая тайных гостей. Ты водишь пионера за нос. Ты хочешь все племя ввязать в войну с белыми.

— Не ври, пачкун, — отвечал спокойно Бамбар-биу и далее издевался явно, стараясь завязать ссору:— Поймай моих гостей и докажи общине, что они ко мне ходят, а не к тебе. Докажи Петьке, что я его вожу за нос, я посмотрю, как он тебе, голенастому, поверит... А вообще, помалкивай, пока я не разоблачил твоих чудодейств и фокусов с «камышками»...

Чародей глотал оскорбления, серея лицом, но в драку не лез, и они расходились ни с чем, чтобы спустя короткое время сойтись вновь для новых бесплодных переговоров.

Но вот настал день, когда балия забыл о своей осторожности или пожертвовал ею для поддержания профессионального своего престижа.

Заболел охотник Умбурча. За Инта-тир-какой добрых приятелей в общине не числилось, а между ним и Умбурчей, передовым дикарем, существовала открытая вражда.

Скорчившись в три погибели, катался больной по земле от сильных болей в животе. Внешне это походило на то, что злой орунча вошел в его тело. Призвали балию, не считывая на его помощь...

Недобрым огнем горели глаза чародея, согласившегося с коварной поспешностью на изгнание духа из одержимого. Он распластал его на земле животом кверху, посадив ему на голову и на руки двух рослых парней. Крутом трепещущим строем собрались Ковровые Змеи и, с разрешения старейшин, несколько человек Черных Лебедей. Женщинам и малолетним детям не разрешалось присутствовать при чародейных действиях, их усадили в дальний конец становища. Как прошедшего испытание, Петьки запрещение не касалось, а как лицу, бывшему на особом положении, ему даже позволили стоять в первом ряду. Бок о бок с ним помещался Бамбар-биу, внешне спокойный и бесстрастный.

Для начала панихидным голосом чародей исполнил короткую песенку. Ни Петька, ни дикари ни слова не поняли из нее. Один Бамбар-биу понял. Усмехнувшись, он шепнул пионеру на ухо: «Латинский любовный стишок... Овидия Назона или Квинта Горация...»

Песенка имела в виду для борьбы с злым орунча, вселившимся в тело Умбурчи, призвать из земли, воздуха и деревьев ирун-тариниев, добрых помощников. Чародей выбрасывал руки вперед, к земле и к небу, руки извивались, как змеи, трещали суставами, а сам он разбухал и надувался, медленно вращаясь вокруг самого себя. Особенно распух его желудок, чудовищным бугром выпятившийся спереди из-под ребер.

— Наглотался воздуха, — сохраняя спокойствие, пояснил Бамбар-биу.

Почувствовав себя достаточно наполненным, чародей перешел ко второй части действия. Он опустился на колени перед больным и ладонями принялся массировать ему живот, в то же время рокоча отрывааемым воздухом. От первого же лечебного пасса Умбурча взвыл, словно его тянули за кишки. Но действия массажиста продолжались, нарас-

тая в силе и частоте, его отрывка перешла в раскаты, почти заглушавшие стенания больного. Последний, заключительный рык опустошил желудок чародея и заставил его перейти к третьей части, наиболее эффектной и целительной. Он уперся кулаком в живот больного, напрягся до дрожи в челюстях и вдруг раскрыл пальцы: на ладони лежал блестящий прозрачный камешек — кристаллик кварца. По рядам простодушных дикарей пробежал восторженный шепот, они приняли фокус за чистую монету. Петька вопросительно глянул в лицо своего друга, — тот непроницаемо смотрел вверх всех голов.

За первым камешком последовал второй и третий... Чародей аккуратно складывал их в кучку рядом с собой. Каждое волшебное извлечение сопровождалось сильными ударами в область живота. Несчастный больной дико кричал, вытягивался и дергался в агонии. На пятом камешке каждому, даже неискушенному в медицине, стало ясно, что одержимый благополучно кончается. В довершение неизбежного конца чародей заколотил по его животу как по барабану. Это уж совсем слабо напоминало приемы массажиста. Петька тревожно глянул в лицо Бамбар-биу: в голубых глазах бегали молнии, предвещавшие бурю.

После шестого камешка Умбурча лежал серым и недвижимым. Неистовство чародея достигло крайних пределов: на помощь рукам он пустил в ход ноги. Заколдованная толпа уныло-фатально молчала. На седьмом камешке рухнувшей колонной сорвался Бамбар-биу со своего места. Могучая рука сжала в тиски плечо чародея. Рывок — и размалеванный чародей волчком завертелся по песку, сшибая собой зрителей и роняя из открытого рта волшебные камешки...

— Смотри за шарлатаном! — крикнул буйный и грозный, как весенний поток, Бамбар-биу.

Петька знал, что слова эти адресованы ему, поэтому спешно мобилизовал револьвер и, ликуя, направил его на духоборца-лекаря, приготовившегося к ответному прыжку. Духоборец застыл под дулом в позе хищного зверя. Никто не пожелал оказать ему помощь. А Бамбар-биу по всем

правилам медицины стал делать обмершему искусственное дыхание. Оно продолжалось пять минут и оказало свое действие. Теперь восторженный шепот приветствовал истинного волшебника.

С безразличной миной поднялся Бамбар-биу с колен, словно умение приводить закованных к жизни было его давнишней привычкой. Но при виде хищной позы врага он вспыхнул гневом.

— Спрячь оружие, — были первые его слова, обращенные к Петьке, и затем — к чародею:

— Не думаешь ли, что я боюсь тебя, гад? И без револьвера с тобой не справлюсь?

Тот, глядя исподлобья, выпрямил тело, прохрипел:

— Посмотрим.

— Убирайся вон из общины, — овладев собой, продолжал Бамбар-биу, — подбери свои «волшебные» камешки и — к черту. Довольно калечить и дурачить людей...

Чародей не ожидал, что один человек может восстать против авторитета, освященного тысячелетиями. Негодующим взором обвел он своих соплеменников, но поддержки от них, опустивших в землю глаза, не встретил. «За ним стоят духи, пускай они помогают ему», — так думал каждый дикарь, не трогаясь с места. В это время, шатаясь, встал на ноги Умбурча. Он еще не верил в свое исцеление, он видел себя среди сонма духов. К нему ликующим гуртом кинулись дикари. Чародей сделал вид, что уходит, и Бамбар-биу отвернулся от него, несколько разочарованный.

— Берегись! — вдруг крикнул пронзительно Петька.

Тот, к кому относились эти слова, прынул в сторону, как если бы под ним разверзлась пропасть. Копье, пущенное чародем с бешеной силой, пронеслось мимо него в двух сантиметрах и, ударившись о камень, расщепилось. Все обернулось на крик пионера с чисто звериной быстротой и стали свидетелями вероломного поступка.

— Теперь, — сказал Бамбар-биу, вонзая в чародея через прищурь монгольских своих глаз острый взгляд, — теперь мы с тобой посчитаемся. Все видели, что не я первый начал драку.

Чародей не возражал, но от немедленных «счетов» пытался уклониться. Он запрыгал задом перед наступающим «ветрогоном». «Ветрогон» запрыгал вслед и не отстал ни на шаг. Дикари хихикали, блестя глазами. Такого зрелища им еще не приходилось видывать: два великана, два необыкновенных с их точки зрения человека, за одним из которых стояли духи, а за другим — его всем известная хватка удава, эти два человека, кажется, подерутся сейчас, как малые ребята, хи-хи-хи...

Убедившись, что Бамбар-биу следует за ним неотступно, чародей внезапно изменил тактику. Он оставил прыжки и сильным коротким ударом в грудь против сердца резко задержал насаждение противника. Бамбар-биу выдохнул воздух, как паровоз, вдруг спустивший пары, но не упал. В следующее мгновение его ошеломила вихрь молниеносных ударов в лицо и в грудь. Слабо улыбаясь, он безуспешно, казалось, отмахивался от них, крутя головой и подставляя локти. Из его разбитого носа брызнула кровь. Чародей был искусным боксером...

— Мальчик, оставь револьвер, — вдруг прозвенел совершенно спокойный голос. Изумленный Петька опустил оружие, с которым собирался принять небольшое участие в драке, и сразу сообразил, что его большой друг по обыкновению дурачил публику.

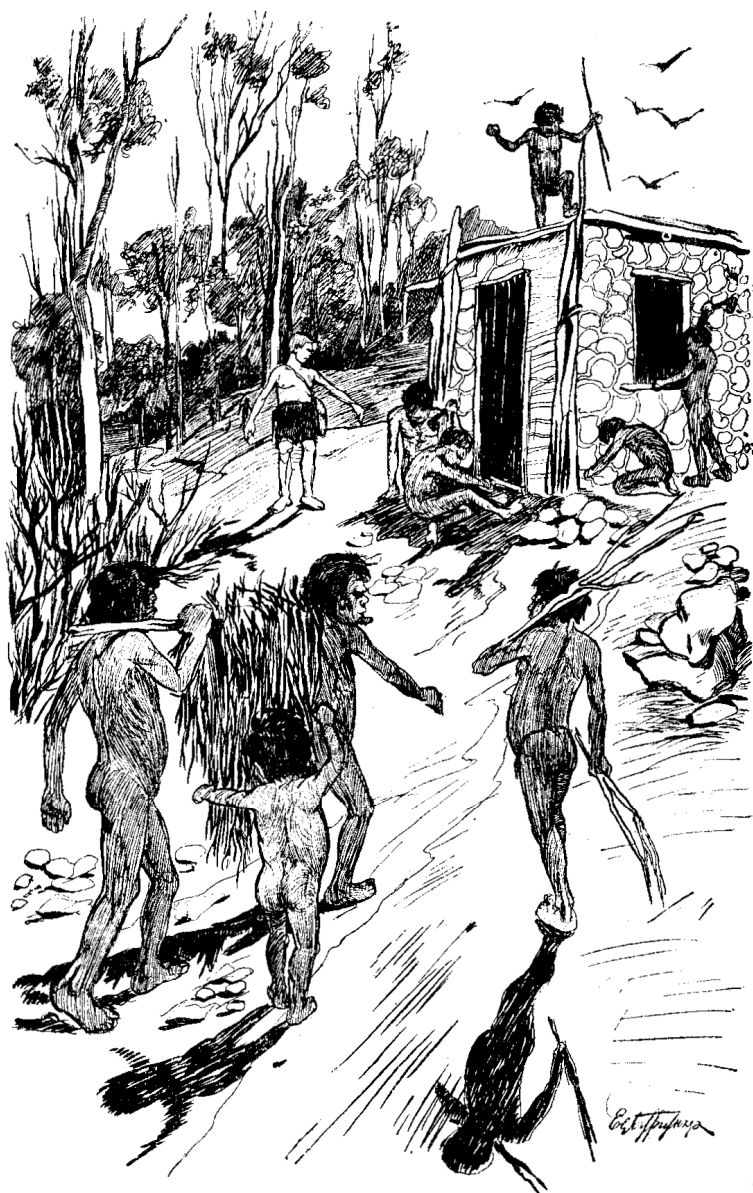
Картина внезапно изменилась. Бессильная улыбка испарилась с уст «ветрогона», руки его завертелись с быстротой, неуловимой для глаз, и рожа чародея, за секунду перед тем ухмылявшаяся вызывающе, вдруг вспухла, как надутая изнутри. Ничто не могло быть отрадней для глаз первобытных зрителей, как видеть своего тирана, получающего такую солидную трепку. Они заплескали в ладоши, сгрудясь вкруг арены боя плотным кольцом, и возгласами непосредственной радости наполнили солнечный воздух. Даже почтенный окни-рабат Бейяр-вонже, крепившийся продолжительней всех, при одном из удачных выпадов «ветрогона» вдруг шлепнул себя кулаком по животу и рассыпался беззвучным старческим смехом.

Бамбар-биу буквально играл со своим противником. Он давал ему короткие передышки, весело называя их «краткосрочными отпусками», после своих же оглушительных ударов удерживал его в равновесии симметричными пощечинами, скалил зубы и отпускал шуточки при всяком его промахе и вообще вел себя незлобивым юнцом, дорвавшимся до запрещенного, но увлекательного занятия. Но вдруг от одного, особенно звонкого, удара у чародея повисли руки плетью, ослабли напряженные мускулы, он мотнулся вправо, влево, готовый упасть, склонился к земле. Тут Бамбар-биу допустил ошибку. Он сделал шаг вперед, чтобы поддержать падающее тело, и был опрокинут коварным чародеем. В горло Бамбар-биу вцепились двойные клещи рук... Никто не знал, какое волшебство применил он для своего спасения. Видели только, как его жилистые руки, руки Удава, скрестились на спине чародея и эта спина вдруг потеряла жизненную упругость. Потом Бамбар-биу сбросил с себя разрисованное узорами тело и поднялся, массируя пальцами посиневшее горло.

В тот же день развеселые дикари, обмазавшись с головы до пят белой глиной — краской траура, под традиционный плач женщин, схоронили чародея на краю становища под круглым валуном, куда, как говорили, успела вкратиться его темная душа. Приготовления к корробори оборвались, так как обычаи требовали выждать десять суток после смерти, происшедшей в лагере, и за этот срок подыскать себе новое место для поселения.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

НОВАЯ ЭРА В ОБЩИНЕ КОВРОВЫХ ЗМЕЙ

1.

Бамбар-биу объявляет войну духам

После причисления великого Инга-тир-каки к сонму предков наступили для пионера раздольные деньки. До этого, куда бы он ни сунул свой любознательный нос, грозный окрик «Стоп! Сюда белому нельзя!» то и знай осаживал его назад. Теперь вакантное место балии самочинно занял победитель Бамбар-биу, а от него-то чего угодно можно было ждать, только не запретов.

— Братья, — тотчас после похорон обратился он к общине, собрав ее на берегу реки, вместо площадки для собраний, и тем самым сразу нарушая обычаи. — Братья и сестры. Все вы сумели убедиться, какой я могучий чародей. Мне даже скучно и неловко говорить об этом, право... Разве это не так? Пусть скажут... (Никто ничего не сказал)... Ну, вот. Значит, теперь я буду у вас вполне законным чародеем. Хорошим чародеем, нужно сознаться, и добрым... Всех духов я аннулировал. Впрочем, вам не знакомо последнее слово, слово это волшебное, я заменю его простым... Я разогнал всех духов, выгнал их из нашей области, потому что пользы от них мало, а вреда много. Никакой пользы, если говорить в открытую. Пусть скажут, не так ли?

На этот раз заворчал Бейяр-вонже, хранитель преданий:

— Как нет пользы? От добрых духов польза всегда есть...

— Например? — невинным тоном задал ехидный вопрос Бамбар-биу, и после этого вопроса возникла дискуссия, чего он и добивался.

— Всякая польза... — Бейяр-вонже презрительно покрутил носом, думая отделаться этим туманным и общим местом.

— Нет, все-таки? Конкретно, как говорят у белых. То есть малюсенький примерчик?.. — с ласковым упрямством настаивал Бамбар-биу.

Хранитель преданий вынужден был для поддержания авторитета своего и добрых ирун-тариниев дать пример:

— Вот интихиум, разве он без пользы?

— Интихиум?! — подхватил Бамбар-биу. — Обряд умножения животных и растений! Оч-чень удачный пример! То есть лучшего и не надо. Га-га-га....

Бейяр-вонже нахмурился:

— Новый чародей, ты начал плохо. Ты издеваешься над обрядами, которых, как непосвященный, даже не знаешь...

— Я?! Не знаю?! — заорал Бамбар-биу. — Я? Чародей? Не знаю?.. Знаю все, и знаю без вашего посвящения. Вы забыли, что чародеев посвящают духи. Меня тоже они посвятили, и они поведали мне о всех тайнах, обрядах и чародействах не только племени Урабунна, но и всех прочих племен. Не ищите этих духов среди нас, наши духи невежественны, ищите их среди белых. Эти духи называются «книгами»... Хочешь, Бейяр-вонже, я расскажу тебе, как совершается интихиум? Хочешь, старина?

— Пусть уйдут сначала женщины и непосвященные в третью ступень, — проворчал старина, не желая лишать себя удовольствия проэкзаменовывать новоявленного чародея.

Женщины и непосвященные ушли. Петька тоже удалился, так как значился лишь «приготовишкой» по степени своего посвящения.

Бамбар-биу принял удобную позу и начал крыть, как по писаному, или, точнее, по печатному, потому что знания свои заимствовал из книг Спенсера и Гиллена — двух англичан, сумевших 25 лет тому назад втереться в доверие австралийцев и записать все их обряды¹. Он подробно изложил, смакуя растерянность стариков, как в голодное время года дикари-мужчины, тайно покинув становище, собираются в уединенном месте, чтобы посредством чародейных приемов заставить животных и растения, вернее, их души,

¹ Речь идет о выдающихся исследователях и антропологах сэре Уильяме Б. Спенсере (1860-1929) и Френсисе Д. Гиллене (1855-1912), авторах ряда основополагающих работ о жизни аборигенов Австралии (*Прим. изд.*).

усиленно размножаться. Обыкновенно это делается перед весной, когда и без того всякая живность собирается плодиться. Но Бамбар-биу такого разоблачения не сделал, отложив его для другого случая, и ограничился лишь сухим перечнем действий, входящих в обряд интихиума. Он закончил свое изложение обрядовым заклинанием, известным одним старикам, протянув его нараспев:

«Унга мурна окнирра ульквинна!», что значило: да будешь ты есть много пищи!

— Твои духи могучи... — принужден был согласиться Бейяр-вонже и с ним вместе все старики. — Но ведь ты хотел сказать еще что-то...

— Скажу. Только пускай придут все. — И, не дожидаясь разрешения, он огласил воздух призывными криками.

Раньше всех явился Петька, скрывавшийся за ближайшим камнем.

— Ты — белый чертенок, — заметил ему по этому поводу новый чародей, — ты не имеешь права подслушивать тайны взрослых. Подзатыльник бы тебе хороший, боб ты этакий калабарский.

— Ладно, — отвечал ему Петька, — много вас таких с подзатыльниками-то... Хочу все знать. Задаром, что ли, зуб вышибли?

Это был аргумент, к которому он прибегал редко, но который действовал наверняка: Бамбар-биу разевал рот, складывал глаза в щелочки и разражался хохотом. Так он поступил и сейчас.

Подошла вся община.

— Ковровые Змеи, Змеихи и Змееныши! — начал Бамбар-биу свою возмутительную проповедь. — Имею вам сказать добрые вещи, как я сам есть добрый чародей. Давно я желал сделать это, но мне мешал балия Инта-тир-кака. Теперь балии нет, и я говорю. Повторяю вам: нет более ни одного духа на территории общины Ковровых Змей. Я, великий чародей, прогнал их отсюда, потому что узнал, что нет от них пользы... Но старики говорили, что польза есть. Интихиум, сказали они, всегда полезен для общины. И вот — интихиум. Рассмотрим его. Те, кто его совершают, ду-

мают, что в общине ни один человек, кроме них, не знает, когда он совершается и для чего. Глубокое заблуждение. Знают все, вплоть до малых ребят, вплоть до шести- и пяти-леток. Ипаи, ты ведь знаешь, не так ли?

— Знаю, — пискнул пятилетний дикаренок.

— А ты, Бута, тоже знаешь?

— Знаю, — прозвенел голосок шестилетней дикарки.

Самозванный чародей скроил глумливую физию и продолжал:

— Ах, ах! Оказывается, все знают, вот беда-то!.. Теперь я скажу интересную вещь, которую мне открыли духи «книги». Почему интихиум всегда совершается перед наступлением весны? Почему он не совершается в конце лета, когда животные и растения исчезают и нашим братьям придется туго перетягивать себе животы? Как было бы прекрасно, когда б во время знойной и засушливой зимы воскресли к жизни растения, расплодились зверьки, размножились птицы. Почему бы нам не совершать интихиум осенью, чтоб зимой не голодать, чтоб жить вместе всей общиной, как живем мы сейчас и будем жить до середины лета, пока знойное солнце не натворит бед на земле. Все знают, что с середины лета мы разобьемся на пары, на тройки, на одиночки, потому что так удобней будет отыскивать редких зверьков и съедобную растительность, почти исчезнувшую. Все знают это ужасное гиблое время года, и вот я предлагаю: если обряд интихиума направлен к тому, чтобы заставить животных и растения усиленно размножаться, предлагаю этот обряд совершать осенью, чтоб не голодать и не гибнуть зимой... Разве это плохо? Пусть скажут...

— Я скажу, — отозвался окни-рабат Бейяр-вонже. — Я скажу. Нельзя делать интихиум осенью, потому что предки наши делали его всегда в конце зимы.

— Ах! Ах! Ах!.. — разахался Бамбар-биу, хватаясь за голову. — Я и забыл: «предки». Так делали наши славные предки, и мы не можем делать иначе... Но ведь есть у нас свои головы на плечах, не так ли?

Тут заволновались все старики:

— Нельзя. Нельзя... Нарушать обычаи предков — преступно. За нарушение обычаев — смерть...

Голубые глаза Бамбар-биу заблестели стеклянными непрозрачными шариками, но на губах его покоилась улыбка.

— Ну, тогда я скажу, — заявил он, — я, человек, в котором живет уйма всяких предков и которому позволено многое, я скажу: старики не хотят, чтобы община наша жила в довольстве, чтобы она имела пищу круглый год, чтобы она не разбредалась на одиночки. Ясно, старики не хотят этого. Теперь мне очень грустно, и я буду молчать...-

Крепко было у дикарей уважение перед стариками, но тут оно поколебалось. Никто, правда, из молодых не осмелился на выступление, но по сумрачным лицам их уже бегало сомнение. И стариками овладело беспокойство: уронить свою репутацию в глазах молодежи значило вселить в общину смуту и развал. Возможность такую нужно было пресечь в корне, хотя бы ценой крупной уступки.

Выступил главарь Илимми, до сего времени молчавший. Он сказал:

— Старикам нужно удалиться на тенди, на совет. Они обсудят предложение нового чародея спокойно и бесстрастно и вынесут справедливое решение. Пусть чародей тоже идет с ними.

— Я непосвященный, — кротко возразил Бамбар-биу. — Разве осмелюсь я сидеть вместе с стариками? Никогда не осмелюсь, право...

Главарь насупился. Ужель Бамбар-биу забыл свои слова? Не он ли говорил, что во все тайны его посвятили белые духи «книги». Если это так, то почему бы ему не посидеть разок со стариками?

— Мне некогда, — сказал тогда Бамбар-биу; ой, как ему некогда: он даже не ел. И старики ушли одни.

Лишь только последняя дряхлая нога скрылась за поворотом между шалашами, Бамбар-биу встал для продолжения речи.

— Змеи, — сказал он, — думаете ли вы, что старики согласятся перенести интихиум с предвесеннего времени на

предзимнее? Смотрите: они должны согласиться, чтобы не потерять в наших глазах уважения и доверия. Они должны согласиться во что бы это им ни стало. Но они не согласятся, клянусь луной! Увы, они не могут согласиться. Почему? Ха-ха! Да потому, что звери и растения плодятся сами по себе, без всяких интихиумов. Пришло время, пошли животворные дожди — и начинается размножение. Пришло другое время, солнце иссушило землю — растения умирают, звери прячутся в ил или мало-помалу погибают под нашими бумерангами и копьями. До новых дождей их будет мало, и никакие интихиумы здесь не помогут. Вот почему старики не согласятся на изменение: никакие духи и обряды не могут заставить нашу пищу размножаться раньше положенного для этого времени, так же, как и в период дождей она размножается совершенно самостоятельно и без нашего вмешательства... Если ж они перенесут интихиум с преддождливого времени на предзасушливое, этим они только докажут одно, и я хотел то же доказать, что обряд интихиума — чепуха. Потому что в дождливое время пища станет себе размножаться без всяких обрядов, а во время засухи, не смотря на интихиум, все равно исчезнет, как и всегда. Понятно ли я сказал, братья и сестры? Пусть кто-нибудь скажет.

— Понятно, — отвечал охотник Юраниг, самый непонятливый из всех.

— Понятно, понятно, — подтвердили и другие.

А Умбурча, передовой парень, внес новый вопрос:

— Должны ли мы думать, что все обряды есть чепуха?

— Нет, — поспешно отвечал Бамбар-биу, — я вам сам буду сообщать от поры до времени, что есть чепуха и что — вещь полезная.

— Почему, — спросил Петька, понимавший из прений через пятое на десятое, но вопрос Умбурчи понявший целиком, — почему ты им не скажешь сразу, Бамбар, что все обряды — сущая ерунда и что духов никаких не существует? — Он спросил, конечно, по-русски и по-русски же отвечал ему Бамбар-биу:

— Рано еще, пионер, говорить им всю правду о духах. Слишком сильна у них вера в духов. Они меня не поймут и не поверят мне. Достаточно того, что я им сказал, а я сказал, если ты понял, что все духи прогнаны мной из области Ковровых Змей. Здесь даже старики мне охотно поверят, и они поверили, будь спокоен, ибо кому ж, за исключением профессионала-чародея, доставляет удовольствие валандаться с капризными духами?.. И вот, пройдет время, соплеменники мои понемногу забудут о существовании какой бы то ни было сверхъестественной силы, а я буду под-держивать их в таком убеждении всей силой своего разума и всем своим авторитетом, и когда они забудут, я открою им новую истину: все духи, скажу я им в одно прекрасное время, все духи, и добрые и злые, передохли в голодное время года, ха-ха! Надо быть диалектиком, пионер, чтобы успешно вести агитацию. Без диалектики сядешь в галошу на первых же порах. То же и в вопросе об обрядах. При данных условиях и в данное время не все обряды — вредны, есть среди них и несомненно полезные — для нас, разумеется. Например, обряды посвящения, в особенности третий — испытание огнем. Разве он не закаляет воли, разве не производит он отбора среди юношей, разве он не служит дикарям поводом к соревнованию, ведущему в свою очередь к выделению крепких и стойких молодцов? Несомненно, он полезен при данной обстановке, и против него я не поведу сейчас никакой агитации...

Речь Бамбара-биу прервал Умбурча, шепотом посовещавшийся предварительно с остальными охотниками.

— Должны ли мы, — начал он, — если твое предсказание насчет интихиума оправдается, должны ли мы не верить больше старикам и не подчиняться их многочисленным запретам, как: запрету перехода с одной охотничьей области на другую, запрету брать себе жен в своей общине или в своей брачной половине, запрету охотиться на своего предка, Коврового Удава, в запрещенное время года и другим?

— Вы будете подчиняться старикам по-прежнему, — твердо и непреклонно отвечал Бамбар-биу, — но с сегод-

нышнего дня вы свободны в отношении обряда интихиума. Если вас будут звать, не идите, но я думаю, старики наши настолько умны, что сами теперь забросят интихиум и вас к нему, поверьте, принуждать не станут. Что ж касается запретов, то они пока остаются в силе. Я сказал: пока. Когда я узнаю от «книг», что какой-нибудь запрет так же бессмыслен, как и интихиум, я сообщу об этом вам и старикам, и мы сообща изменим или совсем снимем его... Слушайте меня, Ковровые Змеи, сейчас придут старики, я уже слышу шуршание их ветхих ног, вы должны встретить их почтительно, как всегда, даже в том случае, если они откажутся перенести интихиум на предзимнее время. Ведь они не отвечают за наших предков, установивших этот глупый обряд, они отвечают только за то, что до сих пор были недостаточно умны, но в этом не их вина...

Пятнадцать стариков, удрученных и взволнованных, показались из-за хижин. Один алатунья Илимми сохранял по-прежнему гордую свою осанку и спокойный взгляд. Их приближение встретили стоя и молча, и в глазах ожидающих горел столь яркий интерес, что сам алатунья, на кого устремились эти глаза, поперхнулся, когда начинал свой ответ.

— Слушайте, братья. Совет стариков с горячим сердцем обсуждал предложение нового чародея. Оно очень заманчиво, это предложение, — наш чародей великого ума человек, но... оно неисполнимо... Если наши предки, которые более велики, чем мы, не могли передвинуть интихиум с одного времени года на другое, тем более не можем этого сделать и мы. Мы боимся, что за такой проступок духи опрокинут страшную свою месть на головы наши и на головы наших детей. Мы отказываемся твердо и навсегда...

— Мы подчиняемся, — за всех отвечал Бамбар-биу, скрывая под маской бесстрастия пламенно-буйную радость победителя.

2.

Пионер Петька пионерит

— С твоим прибытием, о пионер, новая эра открылась в жизни моих темнокожих братьев. Знаешь ли ты это, маленький бамбар Петух?

Петька сидел в шалаше между поэтом Дой-ной, оправившимся после ранения, и новоявленным чародеем, который, окончив свою торжественную фразу шутливым вопросом, замкнул уста в ожидании ответа и открыл кожаную сумку-футляр из-под бинокля. Сумка тотчас обнаружила часть своего скромного содержимого в виде инвалидной гребенки и осколка зеркала.

Петька не спешил с ответом. Сквозь многочисленные вентиляторы шалаша круглая луна пятнала его лицо и грудь холодными серебряно-голубыми зайками, и он думал о луне. О том, как она громадна здесь, под тропиками, как высоко-отвесно подвешен ее диск, как ярко ее свет и как глубоко черен бархат неба, просвеченный миллиардами незнакомых звезд. При свете луны Бамбар-биу свободно де-

лал себе строгий пробор на янтарно-желтой голове, а Петька только что записал в блокноте новые два слова с языка племени Урабунна: «унгунья» — место для собраний мужчин в становище и «эрлукуира» — такое же место для незамужних женщин и детей.

С ответом он не спешил и потому еще, что совсем непонятна была ему торжественная фраза «ветрогона», приправленная шуткой, и потому, что, обследовав мысленно истекший день, он не нашел в нем ни одного признака «новой эры». Очевидно, балия издевался по обыкновению.

Вперив глаза-черносливы в фосфорический клочок луны — в лунное Море Дожей, поэт Дой-на голосил звучную импровизацию:

«Черное небо—
Шкура вомбата.
Светлые дырки —
Звезды-глаза.
Добрые гении
Ирун-таринии
Смотрят на Дой-ну,
Щуря глаза.
Были под небом
Злые орунча:
Мани, Пукидни,
Рлак, Тарада,
Балия Бамбар,
Сильный как биу,
Выгнал орунчей
Не знаю куда.
Черное небо —
Шкура вомбата.
Блестками взоров
Шкура полна.
И среди взоров
Ирун-тариниев
Ходит муж Солнца
Эртва — Луна...»

Песня дикаренка, начавшись два часа тому назад, при восходе луны, вариировалась на ту же тему, и, казалось, конца иметь не будет или закончится на заре, когда поблекнет луна. Петька оторвался от нее. Да. Бамбар сказал что-то о новой эре и ждет ответа. Где ж она, новая эра эта? Смеется он, что ли?

Он еще раз восстановил в памяти минувший день.

С первыми лучами солнца лагерь был на ногах. Ночью заседал тенди — совет старейшин. Обсуждалась необходимость в перемене становища. Вызывали нового балию для дачи своих соображений. Ленивый балия, спросонок злой, говорил там веские слова.

— Дайте мне спать, — говорил он, — мое дело — духи и только. А так как я их прогнал, у меня нет никакого дела. Прощайте. До утра.

Совет тем не менее порешил сменить место стоянки, освещенное кровью чародея. Размежевание земель между Ковровыми Змеями и Черными Лебедями, по настоянию Бамбар-биу, было отложено. На это у нового чародея существовали какие-то хитрые планы.

И вот с утра начались сборы. Они не были долгими. Опустошили внутренность шалашей. Оружие взяли мужчины, несложную домашнюю утварь погрузили на женщин. Ребята махали руками и с гиком носились как угорелые, впрочем, без всякого дела.

Тронулись, оставив шалаши неразрушенными. Бамбар-биу говорил Петьке по поводу жилищного мотовства своих соплеменников:

— Архитектура наша несложна. Разбирать хижины и переносить их на новое место — занятие куда более сложное. Мы лагерь оставляем нетронутым каждый раз перед новой кочевкой, и все темнокожие внутренней Австралии так поступают. От этого наша страна, усеянная трупами-лагерями, производит впечатление вымершей страны. «Вымершей» —отчасти это верно, лишь с поправкой: не вымершей, а вымирающей, но в большинстве случаев кладбищенский вид ее зависит от того, что ты видел.

Поход тянулся 10-11 часов подряд. Делали привалы чуть ли не через каждые полчаса, закусывали раза четыре, потому что охотились беспрерывно и набили полные руки дичи. Проходя мимо границы племени Диэри, увидели людей из этого племени, людей общины Зеленой Гусеницы. Время весеннее — время радостное, время, располагающее к широкому общению. Пирушка с участием Гусениц — парней здоровенных и веселых — длилась четыре часа. (Все это Петька отмечал по наручным часам). В первый раз пионер выступал с речью перед шоколаднокожими слушателями. Язык Диэри кое-чем отличался от языка Урабунна, но для Петьки это не имело ровно никакого значения: его одинаково нехорошо понимали как те, так и другие. Спасибо «ветрогону». Разрисованный по случаю торжества, подобно Инта-тир-каке, с ног до головы, он помогал не щадя языка. И с его помощью речь пионера была воспринята удовлетворительно.

Что же Петька говорил и мог ли он подойти к пониманию дикарей? О, его наблюдательность сослужила ему добрую службу, и он говорил дело.

Прежде всего он отрекомендовал себя учеником и внуком Ленина. Ленина все знали. Про Ленина складывались легенды, не всегда удачные на взгляд коммуниста (...Где вступает нога окни-рабата Ленина, гласила одна легенда, тамдохнут белые, как мыши во время половодья, и наполняется страна стадами кенгуру...) Два слова: «ученик Ленина» вселили в первобытно-невнимательную аудиторию настороженную тишину; лишь сдерживаемое с трудом дыхание вырывалось из широких грудей.

— Темнокожие, — говорил пионер, — питают смертельную ненависть ко всем белым. Всех белых зовут угнетателями. Это нехорошо. Так не должно быть. У белых есть два сорта людей, две неравные части. Это нужно твердо запомнить и нужно понять, потому что среди темнокожих Австралии этого нет. Первый сорт белых людей — незначительное меньшинство — живет не работая, живет в полном дольстве за счет труда второй половины, несмотря на то, что эта половина во всех странах представляет собой гро-

мадное большинство. В руках меньшинства — власть, и эта власть угнетательская. Она угнетает не только своих белых, которые на нее работают, но и чуждых ей темнокожих других стран. Ваши враги — это меньшинство. Большинство же, которое работает на земле или в громадных-громадных шалашах, где, как гром, гремят машины, это; большинство — ваши друзья, угнетаемые так же, как и вы.

В России, где родился и жил Ленин, власть находится в руках трудящихся, в руках большинства, там уже нет угнетателей, — это сделал великий окни-рабат Ленин, и Россия стремится к тому, чтобы во всех странах произошло то же. Чтобы и в Австралии, вашей родине, кончилось угнетение. Чтобы темнокожие во всем сделались равными белокожим. Чтобы власть из рук кучки лодырей, меньшинства перешла в руки трудящегося большинства, вашего друга. В Австралии есть люди, которые носят название коммунистов, с большой гордостью носят это название, потому что и Ленин — коммунист, и все они — ученики Ленина. Вот к кому вам надо обращаться, вот с кем должны вы завязать сношения, не чуждаясь того, что они белой расы, а вы — черной. Для коммунистов нет разницы в цвете кожи, для них разница только в одном: работает ли этот человек или, не работая, живет в довольстве за счет труда другого человека.

Так говорил пионер. Он кончил горячим призывом — немедленно связаться с австралийскими коммунистами, посылать к ним для этого из каждой общины одного честного и умного человека. К речи пионер готовился с первого дня своего пребывания в Австралии, и лишь для этого изо дня в день кропотливо собирал слова и выражения темнокожих. На лицах слушателей речь оставляла громадное впечатление: блестящие глаза напряженно следили за Петькиным ртом, но открыла ли она новую эру? Такой заслуги пионер не мог установить за собой: как только старики, спохватившись, захопотали о продолжении похода, впечатления от речи как не бывало: вмиг пропала напряженность, вспыхнули шутки и смех... Оратор стушевался и затерся среди ребят...

Отсюда он не вылезал уже до самого конца похода, но тут его энергия возродилась с необыкновенной силой, и если не эру, то новую полосу в жизни ребятишек он открыл несомненно: он на ходу организовал среди них пионеротряд, численностью в 15 человек, и группу октябрят такую же численностью.

Еще раньше он перевел на язык Урабунна законы и обычаи пионеров и октябрят, слегка видоизменив их согласно особенностям и понятиям дикарей. Так, всюду вместо слов: «крестьяне», «рабочий класс», «рабочее дело», непонятных дикарям, он поставил «угнетаемые», «угнетенные половины», вместо «заветы Ильича» — «учение окни-рабата Ленина».

Поход продолжался еще часа три-четыре, и за это время Петька, отмежевавшись от взрослых дистанцией в четверть километра, заставил новообращенных пионеров и октябрят выучить законы и обычаи назубок — так, как они учили обыкновенно свои песни. Глядя на них со стороны, взрослые, в том числе и Бамбар-биу, так и думали, что пионер обучает ребятишек новым песням. Но как они были поражены, когда во исполнение первого обычая пионеров и такого же октябрят, вся шайка малолетних с неописуемыми криками устремилась в первую попавшуюся речку и здесь бултыхалась во главе с Петькой в течение получаса. Дело в том, что первые обычаи говорят о чистоте тела и одежды. Одежды у ребятишек не было, вместо нее на коже пятнами сидела грязь... До сего времени они мылись только... песком, а к большим водоемам даже подходить остерегались, их учили, что в воде в образе гигантского змея живет демон Уоколь. Когда чистота тела новобранцев пришла в некоторое соответствие с обычаями новой для них организации, Петька взял с них торжественное слово, что от взрослых все будет храниться в глубочайшей тайне до тех пор, пока у тех, в свою очередь, не организуется коммунистическая ячейка...

Итак, в среде своих сверстников он действительно положил начало новой эре, если выразаться стилем «ветрогона», но ведь никто из взрослых не мог знать об этом со-

бытии. Тогда о чем же говорит Бамбар-биу, этот природный насмешник?

К вечеру община достигла поставленной стариками цели. Новый лагерь раскинулся в пяти километрах от старого (так мало они прошли, отвлекаемые охотой и пирушками!), на высоком берегу русла, включавшем в себя ту же долину. Здесь, в порывах ветра, гудели над головами великаны-эвкалипты, и с звонким лепетом пробегал через весь лагерь алмазный ручеек, пенной лентой низвергавшийся через несколько поворотов с огромной кручи вниз.

И вот уже ночь. Тяжелая голубая ночь под тропиками. Студеные звездные выси еще не взяли от земли ее полуденного раскала. Волны парного воздуха, набегающие из долины, душат и вызывают на коже испарину. Лагерь спит. Пепельно-желтым арбузом повиснув в черной бездне неба, огромная луна льет мертвенно-голубой, волшебный свет на новые шалаши, пронизая их насквозь. Тени резки и черны, освещенные места ярки и блестят серебром. Чаща эвкалиптов — словно заколдована: мельчайшая веточка, мельчайший листочек вырисовываются с поразительной отчетливостью, но там, где падает тень, кроется непроницаемый глазом мрак. Дой-на дудит импровизацию в честь Луны — доброго мужа злого Солнца: солнце палит и вызывает засуху, луна разгоняет коварную тьму и, в худшем случае, прячется за облаками,

— Я не знаю, о чем ты спрашиваешь, Бамбар, — говорит Петька.

— Долго думал, мальчик. Я успел задремать... Так ты не знаешь, — расскажу... Не дуди, Дой-на, надоед...

Бамбар-биу вынимает новую сигару, откусывает конец, закуривает. Вступление многообещающее — Петька настоится. Дой-на замирает с открытым ртом: будет говорить много интересных слов, он их не поймет, ясное дело, но кое-что запомнит и наутро спросит Пэть-ику о переводе, ибо пятый закон их поется так: «Пи-о-нер стрее-мит-ся к зна-а-а-нию».

Устроив дымовую завесу перед лицом, Бамбар-биу начал тихим, ровным голосом:

— Два или два с половиной миллиона лет тому назад... если я ошибусь на несколько сотен тысяч, не придирайся: вычисления давно минувшего — дело не легкое... тому назад сколько я сказал, Австралия не была островом, чем она является теперь, — длинный мост из земель соединял ее с Индостаном и Индокитаем. Следовательно, представляла она собой крайнюю южную оконечность Азии... Посмотри на карту, чтобы лучше понять то, о чем я говорю... Выражаясь по-научному, быцо это еще в конце мезозойской эры. Высшая форма млекопитающих животных, то есть животных, кормящих своих детенышей молоком, только-только появилась тогда на земле, вернее, переделалась, эволюционировала из млекопитающих животных более низкого порядка — из сумчатых¹. В начале следующей эры, в третичном периоде кайнозойской эры, некая группа обезьяноподобных, значит, и волосатых млекопитающих — тогдашних людей, предприняла далекое путешествие на юг, гонимая неизвестно какими обстоятельствами... без обстоятельств ничего не совершается... Голод ли, звери, стихийное ли бедствие, натиск соседней орды двуногих, — что здесь было, трудно сказать, можно предполагать что угодно. Только группа эта из Азии, из местности, где она прожила долгое время, принуждена была бежать и она устремилась на юг через земли, ныне занятые глубоководным Индийским океаном... Ты в нем купался, мальчик, если верить тебе...

Столетия или тысячелетия странствовала эта группа, неизвестно, но скитания ее наконец закончились на крайней южной оконечности древнего азиатского материка. Дальше идти было некуда: впереди расстилалось море без берегов, и по морю плавали ледяные горы. «Стоп! — энергично сплюнув, сказал тогда главарь беглецов (за время бегства, я думаю, они уже приобрели речь), — здесь нам придется остановиться, воздвигнуть небоскребы и начать новую жизнь

¹ Сумчатые млекопитающие отличаются от остальных млекопитающих тем, что рожают детенышей недоношенными и донашивают их в кожаной складке на животе. У кенгуру эта складка достигает размера поряточной сумки.

по старым порядкам...» Так они и сделали: построили себе дрянные шалаши и стали в них жить-поживать, добра не наживая и не внося ничего нового в свои обычаи и законы.

Страна им положительно пришлась по вкусу. Здесь совершенно отсутствовали хищники-млекопитающие и вообще млекопитающие высшего порядка, которых в Азии к тому времени развелось уже порядочно, зато кенгуру был велик, как слон, кус-кус — силен как лев, а птица эму ростом превышала страуса. Человека в этой стране не было, и все обилие растительной и животной пищи досталось пришельцам. Климат новых земель был мягче, теплее и постояннее климата Азии, и это тоже сильно понравилось беглецам. Короче говоря, они попали в земной рай, в тот самый рай, о котором мои темнокожие братья вспоминают всегда с грустью, как о сказочных временах Алчеринга... Ба! Я совсем забыл добавить нечто...

Я забыл сказать, что азиаты-беглецы, эта группа обязяноподобных людей, были никем иным, как предками для моих собратий, а на $\frac{1}{6}$ и самого меня, что бежали они из местности, ныне носящей название Индостана, и прибыли в теперешнюю Австралию... Все то, чем я тебя занимаю сейчас, не на сказках основано, а на изысканиях ученых. Это они, ученые, докопались до родства между шоколадно-бурыми австралийцами и буро-черными дравидами Южной Индии, это они установили некоторую общность в их языках, общность, стертую тысячелетиями порозной жизни, и тот путь, который проделала группа беглецов от Индостана до Австралии...

Дравидов сейчас насчитывается в Индии до 46 миллионов. Были ли они так же многочисленны и в начале третичного периода или же размножились впоследствии, выделились ли мои предки из них, или дравиды пришли позднее из Азии в Индостан и не могли дальше идти по причинам, о которых я буду говорить ниже, это все вопросы неясные. Ученый Деникер роднит и дравидов и австралийцев с полунегрским народцем — эфиопами, и их общую первоначальную родину ищет на месте древнего Вавилона, значит, в Месопотамии.

Вслед за исходом моих предков из Индии разразилась небольшая катастрофа. Ученые предполагают, что она произошла в конце эоцена третичного периода, — скинь несколько сотен тысячелетий с первоначальной цифры, и ты попадешь в эоцен. Катастрофа заключалась в том, что провалилась в тартарары земля, служившая мостом между Азией и Австралией, и в провал хлынули воды соседних океанов. Были смерчи и ураганы, землетрясения и извержения вулканов, потопаы — водяной и лавовый, и смерть, смерть всему живущему, не успевшему бежать. От провалившихся земель, впрочем, кое-что уцелело. Это — цепь мелких островов (ты пролетал мимо них и над ними) и ряд крупных, как, Ява, Суматра, Борнео, Целебес и др. (Не зевай, Петух, сейчас кончу...)

— И не думаю, — отвечал Петька, чуть не свихнув челюсти.

— Как отразилась катастрофа на Австралии? — продолжал Бамбар-биу. — Слушай и смекай. Выводов я делать не буду. Выводы просты... С эоценового времени, т. е. тому назад миллиона два лет, Австралия окружившими ее водами была отрезана, как ломоть хлеба от каравай, ото всех частей света. Ее животный и человеческий миры должны были развиваться совершенно самостоятельно, вне всякой зависимости от животного и человеческого населения других стран. Природные богатства Австралии, отсутствие крупных хищников, не успевших перебраться из Азии вслед за людьми, теплый климат, все это свело в ней борьбу за существование и для человека и для животных к самым малым размерам. У животных был только один враг — человек, у человека — никаких врагов, даже междоусобицы у людей были редки, так как бытие их, привольное и сытное, делало их сознание миролюбивым... Что получилось из всего этого, смекнешь, пионерище?

— Смекну, — отвечал Петька, раздирая пальцами клейкие веки.

— Ну, покойной ночи...

— А... эра? Ты ведь, Бамбар, говорил о новой эре...

— Говорил. Разве я отказываюсь? Говорил. Но о ней — завтра.

3.

Унгунья — клуб чернокожих пионеров

— Девочка Миаро, что говорит первый обычай пионеров?

— Первый обычай говорит: пионер сторожит здоровье свое и других, пионер вынослив и бодр, пионер встает с солнцем, хорошо купается и делает «туда-сюда».

— Что значит, Миаро, «сторожить свое здоровье»?

— Сторожить свое здоровье значит не делать и не кушать ничего такого, отчего у человека болит живот и течет кровь.

— Что значит «сторожить здоровье других»?

— Это значит: останавливать их от вредных для них поступков и не давать им кушать, от чего болит живот.

— Что значит «делать туда-сюда»?

— Это вот так. — Девочка Миаро показывает приемы гимнастики.

— Зачем вам нужно делать «туда-сюда»?

— Затем, чтобы у нас не были жидкие ноги и большие животы.

— Хорошо, Миаро. Теперь помолчи... Мальчик Нгуруе, для чего пионер должен хорошо купаться?

— Чтобы не быть грязным.

— А зачем ему не быть грязным?

— Не знаю... Так...

— Нет, не так. Я скажу: потому, что грязь причиняет вред... Повтори, Нгуруе.

— Потому, что грязь причиняет вред.

— орошо. Скажи мне, Нгуруе, 4-й закон пионеров.

— Сейчас скажу, а почему грязь причиняет вред?..

Все утро до наступления зноя Петька теперь решил уделять темнокожим пионерам и октябрятам, прорабатывая с ними их законы и обычаи. Он приступил к этому с большим сомнением в душе, ожидая, что из всей его затеи выйдет один конфуз, что ребята окажутся неспособными к какому-либо обучению, как слишком отсталые, слишком первобытные, как недалеко ушедшие от своих обезьяноподобных предков. Но первый же урок показал ему полную неосновательность его сомнений.

У ребят была отличная память, быстрая сметка и большая тяга к знаниям. Им нехватало только слов для выражения своих переживаний и своего понимания данного явления или предмета, и они неохотно прибегали к заимствованиям из чужого языка. Так, например, Петька объяснил им, что такое гимнастика и они хорошо запомнили это слово, но всегда вместо него предпочитали употреблять свое «туда-сюда», сочи ненное поэтом Дой-ной. И еще. Объясняя значение гимнастики, как средства к увеличению силы, ловкости и здоровья, Петька, в качестве близкого и понятного дикарям примера, сказал: «Вот у вас больно ноги жидки и велики животы. Гимнастика это устранил». С тех пор его ученики всегда помнили о жидких ногах и больших животах, упорно забывая правильную формулировку.

Первый урок чуть было не вышел конфузным, но не для темнокожих учеников, а для белокожего учителя. Учитель никак не рассчитывал, что его научного багажа может нехватить перед «потомками обезьяноподобных». И когда мальчишка Нгуруе, уклонившись от предложенного ему вопроса, сам спросил: «почему грязь причиняет вред?», Петька, оторопев и захлопав глазами, сначала промычал что-то непонятное для обыкновенных людей, а затем, оправившись, стал изворачиваться: на этот вопрос он ответит завтра, так как на сегодня есть много всяких других вопросов... Понятно, что после урока он в самом спешном порядке запросил об этом всезнайку Бамбар-биу, и тот, любивший слова больше дела, наговорил ему с три короба о бактериях, живущих на грязной коже, о порах (или отверстиях) кожи, о потоотделении через кожу и о кожном дыхании.

Большие затруднения встречались у Петьки при попытках уложить практику европейских пионеров в рамки дикарского быта. Требовалась большая гибкость и приспособляемость, чтобы устранять эти затруднения.

В первый же день Петька объяснил новым своим товарищам, что пионерское звание не позволяет пионеру день-деньской бить баклуши и околачиваться без дела, — пионер должен работать, должен во всем помогать старшим и не отлынивать от какого бы то ни было труда. Так учил Петька.

И вот пионеры с октябрятами вместе, воодушевленные благими намерениями, стали вмешиваться в охоту взрослых, в приготовление пищи женщинами и даже в торжественные совещания стариков. Нужно сознаться, что здесь они сразу же съели множество подзатыльников и отовсюду изгонялись с большим позором. Им позволяли помогать женщинам в сборах растительной пищи, и то не всем, а одним *н е п о с в я щ е н н ы м*, позволяли также сопутствовать старшим на охоте, но опять-таки не всем, а одним *п о с в я щ е н н ы м*... Силы пионерские дробились, силы октябрят вовсе не признавались. Закоренелый быт дикарей препятствовал благим начинаниям. Петька стал искать выхода.!

«Если взрослые отказываются от помощи ребят в силу своих обычаев, — рассуждал он, — мы должны заняться полезным трудом сами по себе и для себя».

И он надумал:

«Мы должны выстроить себе большую хижину — пионерскую унгуноу; здесь пионеры и октябрюта будут собираться, заниматься, вместе проводить холодные ночи и укрываться от непогоды. Хижина должна быть образцовой, — пусть взрослые берут с нее пример. Стены у нее будут плетеные, обмазанные глиной снаружи и внутри и выбеленные мелом, крыша — из плитчатых камней, пол — глинобитный, покрытый сухой хвоей. Будут: окна с хорошими ставнями, вентиляция с вертушкой и настоящая русская печь, выложенная из камней. Знай нас, пионеров, и учись у нас...»

Ребята идеей этой были захвачены по уши, но нашелся один такой, Монаро по имени, который чуть было не внес арктического холода в тропический общий энтузиазм. Монаро сказал кисло и слюняво:

— Община Ковровых Змей, как и всякая община, не стоит долго на одном месте, сегодня она здесь, завтра там. Мы построим себе унгунью, как говорит Пэть-ика, и уйдем из нее. Кому она будет нужна, унгунья? Летучим мышам? Да?

Петька разбил слюнтя так ловко, что и сам того не ожидал.

— Мы здесь простоим, — отвечал он, — не день и не два, а, наверное, неделю: дичи вокруг—много. За неделю мы три хижины успеем выстроить, если понадобится. Нас много, все дело в правильном распределении труда. Когда мы прибудем на новую стоянку, там тоже построим себе хижину. Когда мы бросим эту, то в новом месте опять выстроим такую же. И так — до тех пор, пока вся охотничья область Ковровых Змей не будет застроена пионерскими унгуньями. Потом выйдет так, что, приходя в новое место, мы всюду будем находить для себя готовое жилье... А дальше может случиться, что взрослые станут подражать нам и — наша цель достигнута.

Отстояв свою идею, Петька не откладывал в долгий ящик ее осуществления: железо куется, пока горячо. Он тут же начертил на песке план постройки, высчитал количество необходимого для этого материала, распределил обязанности, и стройка началась, благо весь материал был под руками: дерево, кустарник, камни, глина. Лишь пришлось позаимствовать у взрослых их каменные топоры, мотыги и ножи. В последнем деле существенную помощь им оказал Бамбар-биу, отчаявшийся заставить Петьку выслушать себя до конца. Его повествование могло возобновиться лишь вечером, после захода солнца, когда пионерская унгунья чудовищным своим скелетом — чудовищным, по сравнению с жалкими шалашами — стала мозолить глаза всему становищу.

— Ну-те-с! Пионер Пионерыч, расскажите, что вы затеяли? — Голубые очи Бамбара-биу были колкими и подоз-

рительными.

Усталый, но довольный проведенным днем, Петька отвечал просто и без лишней болтливости:

— Хижину себе, дядя, строим — унгунию, по последнему слову техники...

Бамбар-биу незамедлительно раскритиковал эту идею, во всех мелочах критики и поведения уподобясь слюнтяю Монаро.

«Такой большой и такой глупый», — подумал про него Петька и рассказал ему трогательную сказочку-притчу про старого, глупого деда, сажавшего молодую яблоньку. «Дедушка, — говорили старику умные внуки, — ты сажаешь молодое деревцо, но ты скоро умрешь, может быть, завтра. Ты не увидишь яблочек с этого деревца. Зачем же ты ее сажаешь?». «Малые вы мои и глупые, — отвечал им мохнатый дед, — я умру, вы будете живы; я не покушаю яблочек с этой яблоньки — вы их покушаете. Для вас и сажаю: глупые вы мои обезьяночки...»

— Сказка на ять... — пробормотал посрамленный «ветрогон». — Не хочешь ли ты сказать ею, что кто-нибудь да будет жить в вашей хижине?

— Вот именно, — подтвердил Петька. О своих планах, о предполагаемой застройке пионер-унгуниями всей области Ковровых Змей, он умолчал, не желая вдаваться в споры, а чудак Бамбар был настроен как раз на этот лад.

— Хижина ваша — дурацкая затея, — сказал он хмуро, — с точки зрения трезвомыслящего человека, конечно... А... а... ты не раздумал еще отыскивать Веру, дочь техника?

Петька вскинул глаза на должную высоту и увидел, что гигант Бамбар почему-то весьма сильно заинтересован судьбой крошки Веры. Он отвечал:

— Скажешь, что надо идти за ней сегодня — пойдем сегодня.

— Ну, молодец. — Бамбар-биу испустил вздох явного облегчения.

Об эоценовых предках австралийцев

Луна стала на свое место — в зенит неба: смотреть на нее — голову драть до отказа. Поползли удушливые испарения из долины. Дой-на голосил старую песню на новый лад (вы найдете ее в Петькином блокноте, уже переведенную на русский язык):

«Черное небо —
 шкурище вомбата.
 Звезды-моргалки —
 глазища чертей.

Дой-не ли плакать под черным небом?
 Ему ли
 бояться
 глазастых
 чертей?..

Мы, молодежь вся и Пэть-ика наш,
 Строим шалаш — шалашищам шалаш...

Пэть-ика и Дой-на, Дой-на и Гарро,
 Гарро и Коко, Коко и Мунга,
 Моа с Диэри, Нгуруэ с Монаро,
 Ункэра, Миаро, Ипай и Кумга,
 Куби, Куббита, Мурри и Мата,
 Бута, Бутита, Лиука, Ипата...»

— Не голоси, Дой-на, надоел.

— Следовательно... слушай, пионер... катастрофа застала Австралию в таком состоянии: ее животное население представлялось миром сумчатых, человеческое — ордами первобытных кочевников, не знавших еще никакого друго-

го занятия, кроме охоты и сбора растительной пищи. С тех пор протекли длинные тысячелетия над миром и — что мы видим теперь, пионер, в Австралии?

— Мы видим, что тысячелетия эти мало коснулись или совсем не коснулись здешней фауны и туземцев, — отвечал Петька, — но я смущен...

— Правильно, пионер... О твоём смущении — после... Посмотрим же, чего достигло за это время человечество в других странах. Я возьму только два примера: культуру наиболее первобытную — диких веддов острова Цейлона, и культуру, достигшую наивысшего расцвета — европейскую. Об Америке не буду говорить, так как это есть та же Европа, пересаженная на новую почву.

Дикие ведды острова Цейлона — весьма первобытны, но моих соплеменников все же они обогнали в развитии. У них уже имеются лук и стрелы, им знакомо земледелие, они ведут товарообмен с соседними племенами. Общественный строй их — выше по своей организации, чем строй австралийцев. У них — родовое общество, у австралийцев — до-родовое.

Образчик высшей культуры! Европа, о, Европа! Я скрежещу зубами, вспоминая тебя... Старая ведьма, поседевшая до времени! Махровый ядовитый цветок планеты! Труп, разлагающийся заживо и разлагающий других!.. Гнусна роль Европы на земном шаре и гнусно будущее ее, если красная Россия красными своими штыками не перетрясет этого гнилого мешка и не вытряхнет из него той падали, от зловония и тяжести которой задыхаются колониальные народы и собственный ее пролетариат... Тпру! Я не должен до времени давать волю своему чувству.

Европа — вот ее достижения: из первобытного сука-мотыги вышел электрический многолемешный плут; из кулака, приставленного к глазу трубой для лучшего зрения — телескоп, приближающий к нам луну так, как бы мы ее видели с 80 километров расстояния, а не с 380.000, на котором она находится, и микроскоп, увеличивающий невидимые предметы в тысячи раз; из первобытной мастерской, где вырабатывались предметы самого простого до-

машного обихода — завод Форда, выпускающий в день до 4.000 штук автомобилей (завод Форда в Америке, но вспомни, что я говорил о пересадке); из утлого челна — чудовище океана, дредноут, вмещающий до 4.000 человек; из робкой зависти дикаря к птицам — аэроплан, покрывающий в час 400 километров; из первобытных знаков-отметок на деревьях, на земле, в пещерах, на теле, иначе говоря, из зачатков письменности — типографские машины, печатающие в день сотни тысяч книг, и библиотеки-сокровищницы знаний, хранительницы миллионов томов книг; из первобытной дикарской пляски — балет, опера, драма, ну и так далее...

Впрочем, если уж освещать все стороны европейской культуры, придется упомянуть и о скорострельном автоматическом ружье, о пулеметах, о крупновских пушках, о ядовитых газах, о гильотине, об электрическом кресле зинг-зинг, умерщвляющем человека в $\frac{1}{4}$ секунды (Европа, пересаженная на удобренную кровью туземцев почву Америки!), об алкоголе, дурных болезнях и о новой морали: «бей, но не убивай слабого и живи за счет его труда».

Вот скачок, проделанный наиболее удачливой частью света... Завидую ли я ей? Пусть меня избавит от этого какой угодно бог... Я сказал «удачливой частью». Пионер, в удачах ли здесь дело? Конечно, нет... Условия и обстоятельства среды, в которой происходит развитие, вот что определяет скорость и направление развития... Я перехожу к твоему смущению. Чем ты смущен?

— Австралийцы, темнокожие — разве народ малоспособный? — спросил Петька.

— Пионер, точнее говори. О каких австралийцах у тебя речь: об австралийцах настоящего времени или о той группе беглецов, что не совсем еще распростилась с шерстяным покровом?

— О той группе, которая...

— Ну, так слушай. В те далекие времена у всех людей способности были одинаковые, если не считать индивидуальных отклонений. Почему? Да потому, что человечество только что вылезло тогда из животного царства, произой-

дя, может быть, всего от одной какой-нибудь пары обезьяноподобных. С течением времени лишь, плодясь и расселяясь и попадая в неодинаковые условия существования, люди стали отходить друг от друга как в направлении физического облика, так и духовного...

Условия существования. Помни о них. Всегда помни. Это они поделили человеческий род на культурных и некультурных, на способных и малоспособных, на передовых и отсталых. Одна человеческая группа попадала в хорошие условия существования — у нее развивался мозг, другая попадала в дурные — ее мозг останавливался в развитии или регрессировал, что значит, шел назад, возвращался к предкам... Теперь тебе, надеюсь, все понятно?

— Надеюсь, ничего не понятно, — отвечал Петька и, видя, что Бамбар-биу в изумлении широко открыл глаза и рот, что с ним редко случалось, поспешил объяснить:

— Ты говоришь, что австралийцы (т. е. эоценовые предки австралийцев) во всем были равны с другими людьми, т. е. людьми. Еще раньше ты сказал, что, придя в Австралию, они попали в великолепные условия существования, и вот они...

— Великолепные? Условия? Существования? Я? Сказал?.. Я твердо помню свои слова, мальчик. Я говорил: новая страна моим предкам здорово пришлась по вкусу, потому что там был теплый климат, много пищи, отсутствие врагов среди животных и среди людей и отсутствие другого человеческого населения. Это я говорил. И еще говорил, что борьба за существование там сводилась до ничтожного минимума. Но разве я называл все эти условия великолепными? Пионер, заблуждаешься. Никогда не называл. Да ты меня и не спрашивал об этом.

— Сейчас спрошу. Сейчас спрошу, — вскричал Петька, помышляя, что Бамбар-биу издевался над ним. — Ответь мне, Бамбар, прямо, без уверток: ты не назовешь великолепными условиями те условия, в которых довелось жить твоим предкам?

— Великолепные — да, великолепные — нет, — кротко глядя, на Петьку отвечал чудодей. — Они великолепны, ибо

позволяли жить моим предкам сытно, привольно, беспечно; они не великолепны, ибо, позволяя жить сытно, привольно, беспечно, освобождали мозги первобытных людей от необходимости активной, творческой работы, и мозги эти не развивались совсем или развивались черепашным шагом...

— Но будущее коммунистическое общество... — начал Петька. Бамбар перехватил:

— Коммунистическое общество, утратив межлюдскую и межклассовую борьбу, живя сытно, привольно, беспечно, не будет тем не менее стоять на месте, не будет мертвым или регрессирующим¹, ибо члены его, имея физическую организацию значительно более тонкую, сложную и отзывчивую, чем у дикарей, не станут мириться с капризными стихиями природы, как мирятся с этим дикари, как миримся мы, отвлекаемые классовой и национальной рознью, а будут энергично бороться с природой, подчиняя ее своей воле, и эта борьба, развивая их разум, станет двигателем общественного прогресса.

Твоя постоянная ошибка, мальчик, в том, что ты всегда забываешь о времени: время течет, все изменяется, — так говорили еще древние мудрецы, так же говорят теперь марксисты, — это надо тебе помнить, о чем бы ты ни рассуждал. То, что хорошо для одного времени при одних обстоятельствах, скверно для другого времени при других обстоятельствах, и наоборот... Всегда помни, мальчик, о времени и об изменениях, протекающих в нем, только тогда твои рассуждения будут иметь вес. Понятно?

Вот тебе распространенный конспект того, о чем я говорил. Эценовая катастрофа отрезала Австралию ото всех частей земного шара. Растения, животные и человек Австралии сразу попали в изолированное положение. Изолированность в связи с богатством природных ресурсов всегда ведет к тому, что борьба за существование сокращается до ничтожного минимума. Борьба за существование в усло-

¹ Регрессирующий — приходящий в упадок, изменяющийся к худшему.

виях первобытных — фактор прогресса, она ведет к вымиранию слабейших и менее приспособленных, к выживанию сильнейших и более приспособленных; среди сильнейших возникает соревнование, ведущее в свою очередь к новому отбору. Незначительность борьбы за существование, а также отсутствие притока свежей крови — факторы застоя и вымирания. Растения, животные и человек Австралии после катастрофы оказались лицом к лицу именно с последними факторами. Результаты: замедленность или даже полная остановка в развитии, вырождаемость и вымирание стали для них исторической необходимостью. На животных и на растениях это сказалось сильнее, чем на человеке. Животные частично вымерли, частично остались, но развитие их остановилось на древнейшей форме — сумчатых. Из 12.250 видов растений, имеющих в Австралии, больше половины (7.750) видов представляют собой формы остальные и нигде в других частях света не встречающиеся. Люди задержались в развитии на ступеньке первобытного общества — века камня и дубины — и такими подошли к нашим дням. Их численность с тех далеких пор сильно поредела...

Бамбар-биу умолк и задумался; голубое лунное пятно лежало на половине его лица, другая половина пропадала во тьме. Шуршали невидимые мыши в траве, где-то надрывно кричала сова, далекий, далекий вой диких собак-динго навевал беспокойное настроение.

Задумчивость рассказчика продолжалась слишком долго. Петька посмотрел в освещенную половинку его лица и вместо задумчивости увидел на ней напряженное внимание и прислушивание к чему-то неслышному. Должно быть, и Дой-на так же вел себя: из того мрака, где скрывалось его ложе, более не доносилось сосредоточенного сопенья, и вообще вдруг стало как-то необычайно тихо. Невольно Петька затаил дыхание и сам прислушался: только беззаботная игра мышей — ничего другого вблизи не было слышно...

Бамбар-биу вдруг потянулся рукой к тому месту, где у него находилось оружие. Сверкнула яркая сталь в лунном

луче. Петька взял свой револьвер, но сильная рука настойчиво и ласково приказала ему положить револьвер обратно. Острый слух туземцев ловил в шорохах ночи какие-то тайные звуки; для Петьки же существовали одни только сильно распищавшиеся мыши, крик совы вдали и глухой лай динго.

Дон-на передохнул глубоко и свободно, Бамбар-биу воткнул нож в песок. Мыши подняли пискливую возню. Схожий до уморы, над ухом Петьки вдруг раздался такой же писк. Дой-на хихикнул. Тень заслонила выходное отверстие шалаша. В лунном луче мелькнула смуглая грудь, потом среди тьмы повисло одно ухо и над ним — клочок черных волос с золотистыми бликами.

— Здесь Бамбар-биу? — спросил низкий голос на языке, родственном Урабунна.

— Тебя не видели? — отвечал спрошенный.

— Видели мыши, луна и деревья... — засмеялся низкий голос. — Есть хорошие известия, — продолжал он.

— Пойдем отсюда, — предложил Бамбар-биу.

Когда пришлец и чародей выскользнули из шалаша, Петька сказал себе: «Пока я не понимал их языка, они разговаривали при мне, теперь же гм-гм...» — и, осененный мыслью, которая казалась гениальной, потому что не приходила раньше, он шепотом стал расспрашивать своего темнокожего друга:

— О чем они говорили раньше, ты слышал, Дой-на?

Голосом заговорщика отвечал дикарь:

— Слышал. О маленьком человечке. Он прилетел на большой птице.

Петька — дальше:

— Ты видел этого человечка, когда он слезал с птицы и затем — в лесу?

— Нет, Дой-на видел его только в лесу, когда на него напали люди из города. Птицы никакой при нем не было.

— Но... Дой-на? — Петька вложил в голос столько укоризны, сколько позволял шепот, — ты же говорил?..

Дой-на засопел извиняющимся тембром и промолчал.

— Но ты наверное видел его? — допытывался Петька.
— Бамбар говорит, что ты все наврал...

— Дой-на соврал мало, Бамбар соврал много... зашептал дикарь. — Дой-на видел маленького человечка, как он видит сейчас дырки в шалаше.

— Это была девочка? — продолжал Петька.

— Дой-на не знает, была ли то девочка. «Она» был очень странный: носил чужую пеструю кожу на теле и большой круглый пояс на бедрах; «она» имел белое лицо, очень белое, как шур-шур, на которой ты рисуешь петельки, и «она» имел на голове две косички, как ты рисовал. «Она» очень некрасив. Наши девочки — красивые.

О красоте у Петьки было как раз противоположное мнение: девочки Урабунна — широконосые, толстогубые, черные и лохматые — на его, Петькин, взгляд, не могли слыть красавицами, но он спорить не стал.

— Конечно, это была Вера. Но что они говорили про нее, Дой-на?

— Они говорили: маленький человечек с белым лицом сидит в большом каменном шалаше, но в каком шалаше — там их много-много — они не знают.

Тут вернулся Бамбар-биу, отпустивший своего гостя.

— Завтра до восхода солнца мы уходим из лагеря, чтобы освободить Веру, — сказал он и быстро поправился: — освободить того человечка, что прилетел по воздуху. Ты согласен идти завтра?

— Я ответил тебе на этот вопрос вчера, — Петька был раздосадован непонятным поведением Бамбар-биу: и чего человек виляет: оклеветал Дой-ну, ведет тайные переговоры, путает Петькину голову. — Ты доскажешь сейчас о «новой эре»? — спросил он.

— Нет, Петух, ложись спать, нам вставать рано, а рассказать я успею: суток семь пробудем в пути. Сейчас буду спать. — В подкрепление своих слов он свалился на бок и демонстративно захрапел. Так же демонстративно Петька увлек Дой-ну из шалаша и в течение часа инструктировал его на тему о дальнейших занятиях и работах пионеротряда и октябрят.

Когда они вернулись в шалаш — Дой-на грустный и мрачный, Петька печальный, но бодрый духом, — Бамбарбиу храпел уже по-настоящему, изредка скрипя во сне зубами, — или от глистов, или от Европы.

5.

В пути по красным пескам

— Но, Бамбар? Ты даже воды не взял. Ты ничего не взял...

Бамбар-биу скалит белые зубы:

— Поздно, Петька, заметил. За нами не меньше 15-и километров осталось, ха... Да, я ничего не взял, кроме табака — сигары мои все вышли — и кроме огнива и трута. Пищу и воду мы найдем в пути. Потерпи немного.

— А как немного? — спрашивает Петька, сильно заинтересованный в воде: собственная его влага, влага организма, испарилась через поры кожи на первом десятке километров; на втором десятке он даже потеть перестал, высох, как жалкая инфузория в сухом водосточной трубе.

Несмотря на ранний час, солнцеекое небо распалилось на 30 по Цельсию. Яркий свет резал глаза. Красный песок пустыни жег ноги через подошвы сандалий. Кожа лица, рук и открытых ног пылала и трескалась. Удесатерял муки ветерок, временами налетающий с юга; раскаленным языком он жадно слизывал последние бисеринки пота на лбу и под глазами. Все это касалось одного Петьки, желтокожий гигант шел, весело посвистывая.

— Как немного? — Петька вдруг упал духом, заметив морщинки на лбу Бамбар-биу: морщится — значит, считает, считает — значит, есть что считать.

— Километров десять, — отвечал Бамбар-биу беспечно, — если не высох ручей в ущельи Окнаникилла, где мы должны сделать первый привал.

— А если он высох?

Бамбар-биу пожимает плечами и смеется, но Петьке не до смеха.

— Не плачь, пионер. В горах много воды, найдем...

Они вышли в сумерках, почти затемно. Вначале ходко было идти и приятно: в воздухе стояла свежесть. С восхо-

дом солнца обстановка изменилась резко. Казалось, зной всю ночь прятался в песке и при первых лучах света сразу вышел наружу. Пока было темно и свежо, Бамбар-биу молчал; солнце отомкнуло его уста, и он вспомнил об «эре».

— И вот, пионер, я тебе расскажу до конца историю Австралии и свою собственную...

— Как-нибудь в другой раз, — ни секунды не медля, возразил пионер, которого капля воды интересовала сильнее, чем тысяча историй и два миллиона эр... И тогда Бамбар-биу засвистал, чтобы хоть какую-нибудь работу дать своим органам речи, единственным органам, не терпевшим праздности и безделья.

— Когда я шел с Дой-ной, — начал Петька хмуро, — нам не попадались такие длинные и отвратительные пустыни, а шли мы по той же линии, только в обратную сторону.

Бамбар-биу весело рассмеялся и охотно прервал свист:

— Когда вы шли с Дой-ной, вы шли по территории Ковровых Змей, избегая чужих. А мы идем сейчас напрямик, по территории племени Диэри, которая вклинивается в наши земли, и если нас увидят, могут быть большие неприятности вплоть до лишения живота.

— А это что? — Петька похлопал по знаменитой «игрушке», подвешенной к поясу. Настроение у него было воинственное. — Что такое «ущелье Окнаникилла»? — спросил он, — мне что-то говорили о нем странное...

— Окнаникилла — гористая местность с одним громадным ущельем, где сосредоточены чуринги племени Урабунна; там и наша эрнатулунга находится...

— Чуринги... эрнатулунги... — вяло возмутился Петька, — будто я обязан знать все ваши глупые слова...

— Хотя я туземец, — отвечал Бамбар-биу, сверкнув глазами, — я не обижаюсь на тебя за твою грубую нетактичность...

— Ты такой же туземец, как я крокодил, — промямлил Петька.

Бамбар-биу расхохотался. — Ладно, я вижу, на тебя скверно действует зной. Прощаю тебе великодушно все твои выходы, настоящие и будущие.

— Можешь не прощать, этим не напьешься. Расскажи лучше о чупрынгах и еркалугах.

— Чуринги и эрнатулунги, — поправил Бамбар-биу. — Эрнатулунга — это пещера, где хранятся чуринги. Чуринга — каменная или чаще деревянная табличка овально удлинённой формы. По совести говоря, я сам толком не знаю, что это такое, ведь я непосвящённый, а чуринги составляют наисвятую тайну моего народа, она открывается лишь прошедшим все степени посвящения. Даже пройдохам-европейцам ни разу не удалось проникнуть в сокровенный смысл их. Но все, что я знаю — из книг и непосредственно из жизни — я тебе расскажу...

— Покороче, пожалуйста, у меня голова болит...

Последнее замечание раскисшего от зноя Петьки Бамбар-биу пропустил мимо ушей. Оно было самым неприятным для него (надо прибавить в скобках: неприятным в данное время и при данных обстоятельствах, если рассуждать так, как учил сам Бамбар-биу). Свернув себе «козью ножку» и запалив ее, он стал рассказывать, попохивая на ходу дымком.

— Как только у австралийца-туземца рождается ребенок, — мальчик или девочка, все равно, — ему находят чурингу... где находят, не знаю, скорее всего, отец ребенка заранее думает об этом. Но иногда, когда совет старейшин решает, что в новорожденного вселилась душа того или другого предка, ему дают чурингу этого предка. Сделав на чуринге какие-то знаки, старики торжественно относят ее в чурингохранилище общины — в тайную пещеру, обыкновенно, — где она и лежит вместе с другими до первого посвящения ребенка. При каждом посвящении старики скрытно ото всей общины извлекают чурингу из хранилища и ставят на ней новые отметки. Если новорожденный умирает — безразлично, в каком возрасте — его чуринга продолжает храниться до времени, когда новый новорожденный соизволит поселить в себя душу умершего. Тогда повторяется старая история с начала. Вот и все; видишь, как коротко...

— Можешь продолжить, — милостиво разрешил Петька.

— Продолжу, — охотно согласился рассказчик. — Я думаю, что чуринга — это своего рода послужной список или личное дело новорожденного. В ней старики отмечают его дела и подвиги, прохождение им испытаний, может быть, его нрав и поведение вообще... Мне сильно хочется увидеть свою чурингу. Ведь и у меня есть такая...

— А что тебе мешает? — спросил Петька.

— Мешает вот что. Женщинам, детям и непосвященным лицезреть чуринги запрещается под страхом жестокой смерти, даже подходить близко к чурингохранилищу им нельзя, — извольте делать крюк километра в два. Что же касается всяких инкур-окнирр, т. е. ветрогонов вроде меня, то к ним запрещение применяется строже вдвойне и соответственно увеличивается кара.

— Значит, ты никогда не увидишь своего «личного дела», — подзудил Петька.

— Значит, я его увижу сегодня, — отвечал «ветрогон», — место хранения мне хорошо известно, я как-то подсмотрел за стариками, рискуя жизнью. Мы остановимся возле него и переждем или переспим жаркое время дня. Мы поохотимся вволю, потому что охота около чуринг запрещена и все животные, попадающиеся там, считаются священными; этих животных там до черта.

— Согласись, Бамбар, что я сказал верно, — заключил Петька рассказ своего друга, — ты такой же туземец, как я Большая Медведица...

— Ну... такой да не такой, — отвечал доблестный муж, в рассеянности отыскивая на ясном голубом небе названное созвездие. В следующую минуту, потерпев в астрономических изысканиях неудачу, он перенес свой взор на землю и изрек утешительные слова: — Местность изменяется. Скоро перейдем дюны и увидим недалекие горы, нашу сегодняшнюю цель..

Действительно, красный песок пустыни покрылся травой — желклой и редкой травой; на близком горизонте обрисовалась длинная гряда песчаных холмов, но подъем ощущался уже там, где находились путешественники. Распаленному воображению Петьки представились, за песчаной гра-

нью, моря прохладной и кристально-чистой воды, его не удовлетворил бы теперь простой ручеек или родник, и он невольно ускорил свой марш под смех всепонимающего чародея.

У подножия первого холма внимание путников привлек к себе небольшой буро-каштановый зверек, сверкнувший узкой охряной полоской на спине и скрывшийся в темную норку.

— Ящерица молох, — сказал Бамбар-биу, знавший все, что касалось его отечества, — безвредное животное, встречается только в Австралии, мы его легко достанем.

Он вынул из-за пояса бумеранг и им копнул раза два песок над норкой; буро-каштановая спина недовольно заворочалась, когда солнечный луч коснулся ее,

— Попробуй-ка взять его, — радушно предложил Бамбар-биу.

— Сам попробуй, — отвечал Петька, отдергивая руку.

Все тело ящерицы было усажено короткими, острыми шипами, похожими на шипы розового куста; на голове, над маленькими черными глазками, высились два более длинных изогнутых кзади рога; толстые короткие ноги оканчивались пальцами с крючкообразными когтями. Весь зверек имел величину крупной лягушки, снабженной небольшим тупым хвостом.

Бамбар-биу удерживал ящерицу бумерангом, что было лишним, так как она ни смущения, ни попыток к бегству не обнаруживала: шипоносный панцырь служил ей достаточной порукой в ее безопасности.

— Что видишь, пионер? — спросил Бамбар-биу через минуту.

Пионер видел, как постепенно цвет ящерицы изменялся; охряная краска и буро-каштановая блекли и переходили в шиферно-серый цвет. Через короткое время красивый рисунок почти пропал и на место его выступил дымчато-желто-красный однообразный цвет — цвет выжженной пустыни.

Петька вынул блокнот и под слепящими лучами солнца сделал новые заметки.

- Что лопаает? — спросил он.
- Насекомых, муравьев по преимуществу, но не брезгает и растительной пищей.
- Живет где?
- Живет здесь, где мы ее видим. Запиши: в сухих и очень песчаных местах.
- Кусается?
- Посмотри в рот. Не может, слишком мал.
- Ладно, отпусти ее, — разрешил Петька, одной рукой пряча блокнот, другую, в энергично сжатом кулаке, суча палящему солнцу: чтоб тебе, круглорожему, свариться вкрутую...

Освобожденная ящерица спокойно и равнодушно принялась рыть под собою песок, делая это с большим искусством. Скоро от нее остался один только хвост, и приятели двинулись далее.

С песчаных холмов, как и предсказывал Бамбар-биу, открылся вид на близкие горы, лежавшие черной тенью на красном песке. Не доходя сотни шагов до них, путники спугнули громадную птицу, сидевшую на земле. Птица, оказавшаяся ростом куда больше Петьки, поднявшись на голенастые ноги, пустилась наутек к горам со скоростью ни разу не штрафованного велосипедиста.

— Запиши, Петух, — сказал Бамбар-биу, — первое преступление мы с тобой совершили, уйдя тайком из становища; второе — вступив, не имея на то никаких прав, в область Окнаникилла; третье совершим сейчас, так как подберем одно-два яйца птицы эму, австралийского страуса.

— Глупостей не записываю, — отпарировал Петька. — А эминые яйца можно пить?

— Можно. — Бамбар-биу уверенным шагом направился к темному пятну на песке, откуда снялась птица. Здесь, в углублении почвы, полузасыпанные песком, одно к одному лежали темно-зеленые крупные яйца. Петька насчитал их десять штук. Величина каждого из них равнялась дюжине куриных яиц. Скорлупа отличалась высокой прочностью: ни об колено, ни о песок Петька не мог разбить ее. Бамбар-биу помог пионеру, у которого от нетерпения дро-

жали руки, пробуравив яйцо ножом. Теплая клейкая масса, высосанная тем не менее до конца, оказала столь благотворное воздействие на организм, что пионер, почувствовав себя возрожденным, вприпрыжку пустился к черным каменным массивам, куда убежала птица. Пустую скорлупу он захватил с собой для показа неверующим россиянам.

Бамбар-биу не тронул ни одного яйца и даже то, которое взял при Петьке, положил обратно. «Не стоит обижать бедных птиц, я потерплю, — пробормотал он, — их дни и без того сочтены. Проклятые белокожие...»

Горы (или, лучше сказать, каменные массивы) не были высоки. Те, которые выдавались в унылую пустыню неприступной черной стеной, с куполообразными башнями, имели в высоту не более 100 метров. За ними толпились в беспорядке более высокие отдельные пики грязно-голубого цвета. Черные массы были базальтом, голубые пики — порфиром; и те и другие породы помнили время, когда безжизненная земля клокотала расплавленной лавой, носясь в межпланетном пространстве кроваво-красной звездой.

Петька вплотную подошел к черной массе, колупнул ее стекловидную поверхность пальцем и в недоумении задрал нос кверху. Перспектива карабкаться по скользкой и почти отвесной стене, под сжигающим солнечным душем, не сулила ему изысканного удовольствия.

— Бамбар, я не полезу, — категорически заявил он.

— Петька, я не полезу, — спокойно отозвался тот, сворачивая влево и направляясь вдоль неприступной стены.

Ровный, широкий проход в черном базальте, заросший травой и мелким кустарником, остановил приятелей. Чуть змеилась осторожная тропинка.

— Внимание! — сказал Бамбар-биу. — Дай я пойду впереди: здесь водятся ядовитые змеи...

— А это что? — Петька хлопнул рукой по револьверу, но дорогу уступил охотно.

Пройдя несколько шагов, Бамбар-биу вдруг остановился, метнул бумеранг в куст, мимо которого шла тропинка, и вытащил оттуда длинную змеищу, пестро и красиво ра-

зукрашенную. Маленькая головка ее от меткого удара бумерангом превратилась в кашу.

В Петькином блокноте появилась следующая запись:

«Австралийск. найя или черная ехидна, длин. — 2 метр. Жив. только в Австрал. и Нов. Гвинее. Укус — опас., но не всегда смертел. Для маленьк. люд. и животн., как я, смертел. всегда. Окраска: спина — черн., как полиров, черн. сталь, бока — как розов. пион, брюхо — бледней. Убит. в Окнани килл., голов. оторван. Бамб. Шкур. с мн.»

Шкуру змеи Петька, действительно, содрал и взял с собой вместе со скорлупой яйца ему в качестве вещественных доказательств своего путешествия. Я их видел, эти доказательства, и много других в музее пионеротряда N, где Петька состоит вожаком звена «Изучай свою страну».

Черная ехидна, или австралийская найя, одна из красивейших змей Австралии, и я боюсь, что из коротенькой записи пионера, набросанной к тому же второпях, читатель составит себе неверное представление о редкой красоте этого довольно нередкого пресмыкающегося. Я несколько дополню его запись в той ее части, где говорится о наружном виде ехидны, и отчасти — о местах распространения.

Представьте себе длинную, аршина в четыре, гладкую и не особенно толстую палку, заостренную с обоих концов: у ехидны и голова и хвост — острые. Сверху, по всей длине, идет густо-черная (иногда — темно-бурая) блестящая лента, на боках резко переходящая в ярко-карминно-красный цвет; на брюхе последний цвет сходит постепенно в нежно-малиновую окраску. Черный, карминный, малиновый — вот цвета этого ядовитого зверя.

Укус ехидны, как верно отметил Петька, очень опасен, но не всегда смертелен. Погибают от него лишь небольшие животные и дети. Что касается чернокожих, то их острый слух и орлиное зрение всегда вовремя предупреждают опасность. Чернокожие... с удовольствием едят черных ехидн и охотятся за ними, как за всякой другой дичью.

Водится ехидна по всей Австралии и составляет здесь одну из обыкновеннейших змей. По поводу ее распространения один старый путешественник говорит: «Всюду, где

находишься: в глухом лесу или в кустарниках, в открытых степях и на болотах, по берегам рек, прудов или ям с водой, можно быть уверенным, что встретишь своего ненавистного врага, черную ехидну. Она проникает в палатку и хижину охотника, свертывается клубком под его простынями; нигде нельзя быть в безопасности от нее, и следует удивляться, что от нее не погибает гораздо большее число людей».

Петька завладел шкурой ехидны, Бамбар-биу, к Петькиному удивлению, повесил себе через плечо оголенное тело ее. «Мы ее съедем, уверяю тебя, — объяснил он, — они очень вкусны, эти красавицы».

Горный проход в базальте вдруг расступился, и взорам путешественников предстало обширное пространство, заваленное, загроможденное и вздыбленное темно-голубыми двухсотметровыми пиками и башнями, приземистыми, замшелыми утесами и глыбами, дикими отрывами скал и раздробленными, разбросанными всюду в хаотическом беспорядке осколками голубых и серых камней. Дикую первобытную картину несколько смягчало невероятное обилие зелени — кустарников, лиан и папоротников, заполнявших каждый свободный от камней клочок земли, и каких-то неизвестных пионеру деревьев, похожих на фруктовые.

Гикнув, как казак на коне, Петька пустился с места в карьер вперед. Сквозь зелень и темную лазурь скал он разглядел зыблющуюся веселыми отблесками водную поверхность. Бамбар-биу в три прыжка догнал его, перехватил за пояс, поднял и поставил сзади себя.

— Чудовище, — лениво произнес он, — мы в обители ядовитых змей, они кишат кругом. Только твои европейские глазки ни черта, по обыкновению, не видят...

В подкрепление своих малоубедительных слов он тут же сделал два весьма убедительных движения: пустил бумеранг вправо от себя и влево метнул нож. Удары его никогда не знали промаха. Подняв бумеранг, он бросил к ногам пионера зеленовато-голубую змею в полтора метра длиной и назвал ее «короткой фурией», а с ножом к подножию

Пегькиному упала толстая, пестренькая змейка в $\frac{3}{4}$ метра — знаменитая австралийская «змея смерти».

— Для тебя укусы обеих смергельны,—добавил он.

Тогда Петька потушил свой «водный» энтузиазм и тоскливо поплелся сзади охотника, прихватив однако змеек для коллекции.

Озерцо, под голубым небом, на голубом ложе, в окружении голубых утесов и в зеленой оправе из пышных папоротников, было прекрасно, чарующе и, понятно, влекло к себе неотразимо.

— Стой, чертенок, спокойно, — сказал жестокий Бамбар-биу, — это тебе не бабушкин пустырь...

Пока Петька умирал от нетерпения в неподвижной позе, он исследовал прозрачную синеву неглубокого и небольшого водоема, затем, палкой вытащив оттуда двух змей и размозжив им головы о камни, сказал:

— Можешь купаться и пить сколько влезет.

И вот тут Петька показал, что человек, у которого кишки склеены яйцом эму и который сам высох, как инфузория, может купаться до бесконечности и выдуть не меньше ведра воды.

Священная местность — обитель змей и ящеров

Отдохнув, закусив ехидной, которая была так же вкусна, как и красива, пионер следовал по пятам за патентованным иркун-окниррой, отыскивавшим священную эрнатулунгу, вопреки всем строгим запретам.

Они шли вдоль нависшего над ними утеса из порфира. Эта древняя горная порода являлась выдающейся среди всех пород по своей живой и разнообразной окраске. Из темно-голубой основной массы ее яркими пятнами выступали светло-зеленые и мясо-красные кристаллы полевого шпата, темные жирные слюды и матовые роговые обманки. Благодаря твердости и стойкости в отношении вредных влияний атмосферы и воды, порфир считается превосходным строительным материалом, тем более, что многие его разновидности великолепно переносят шлифовку. Древние греки и римляне строили из него колонны, пьедесталы, памятники, ванны и т. п., и в настоящее время его употребляют с таким же назначением.

Но не в порфире, слишком твердом для того, чтобы в нем возникали пещеры, искал Бамбар-биу эрнатулунгу. Он остановился перед серой мягкой известковой скалой, склоны которой были изрыты небесными водами, а подножие густо заросло кустарником.

— Вот здесь находится чурингохранилище, — указал Бамбар-биу. В это время над головой его шуркнуло что-то, затем крупный серый камень оторвался от склона и скатился вниз, чуть не задев охотника. Бамбар-биу выругался и прыгнул в сторону. Камень, задержавшись у ног пионера, вдруг принял образ маленького зайчика с длинным крысиным хвостом, и этот малыш одним скачком перемахнул

через Петькину голову, будто он был резиновым, и скрылся из глаз.

— Заяц-кенгуру — дурак из дураков, — отозвался смущенный охотник, — подпускает к себе на плевков расстояния, надеясь, что его не отличат от камней, а подпустив, трусит и задает деру... Истинно заячья натура, хоть и сумчатая...

«Истинно заячья натура», напугав Бамбар-биу, воображавшего, что это предки швыряют в него камни, спугнула одного зверька — тоже не из породы храбрых.

Из-под того же куста, где они остановились, показалась сначала змеиная голова, которая по величине своей смело могла принадлежать удаву; голова разинула пасть, усаженную частоколом мелких острых зубов, и зашипела. Затем выкатилось длинное бурое тельце чудного крокодила — на коротких лапках, с тонкими куриными пальцами. Шипя, крокодиленок раздувал чешуйчатый воротник, украшавший его шею, и, видимо, всеми силами и средствами старался воздействовать на слабые нервы двух туристов.

— Тебя еще не хватало! — сердито вымолвил Бамбар-биу, пинком убирая с дороги потешную тварь.

Ящерица-крокодиленок, от удара перевернувшись на спину, не могла встать на ноги, и этим временем Петька воспользовался, чтобы немного ближе познакомиться с ней. Коленками он придавил к земле ее задние ноги, чтоб не царапалась, руками же обхватил тельце, что называется, под мышками. В таком положении ящерица могла только шипеть и показывать зубы.

— Плащеносная ящерица, — бубнил между тем Бамбар-биу над головой пионера, — живет в Австралии, больше нигде, ест один раз в году и то на ходу, очень несчастный зверь, ни вреда, ни пользы не приносит, но несомненно украшает собой земной шар...

Рассмотрев во всех подробностях занятого зверька, Петька предоставил ему затем свободу и старательно записал результаты осмотра и данные, сообщенные «ветрогоном». Разумеется, его рифмованной фразы насчет жалкого образа питания ящерицы он в блокнот не вносил, справед-

ливо отнеся ее к обычным плодам ветрогонистого творчества своего друга, — ветрогонистого и неуместного.

Бамбар-биу нашел наконец отверстие эрнатулунги, священного хранилища чуринг. Оттуда именно и вылезла плащеносная ящерица. Темная круглая дырка, в диаметре немногим меньше метра, зияла в известковой скале, укрываемая густой растительностью.

— Полезем, Петух, — произнес Бамбар-биу озорным голосом, раздвигая кусты и в таком положении закрепляя их камнями.

Петька был настолько любезен, что предоставил ему лезть первому. Впрочем, в пещерке ни змей, ни других страшных животных не оказалось. Возможно, что плащеносный ящер разогнал их. Но также не оказалось в пещерке и чуринг.

— Невозможно, чтобы я ошибся, — бормотал Бамбар-биу.

— Совершенно невозможно, — поддакнул пионер, наслаждаясь прохладой и тенью этого укромного местечка.

— Старики именно сюда лазили, я это помню так же твердо, как то, что меня зовут Бамбар-биу...

— А меня Петькой...

— Никогда не следует доверяться одному зрению без контроля рук, осел...

— Основательно, но слишком поздно сообразил.

Бамбар-биу шарил руками по стенкам полутемной пещеры, бормотал и ругался. Петька звучал с ним в унисон, удобно расположившись в одном из углублений известкового пола.

— Старые обезьяны унесли отсюда чуринги, — резюмировал угрюмо все свои догадки великан, опускаясь на пол рядом с пионером. Так они просидели некоторое время, погруженные в молчание, отдаваясь каждый своим думам, пока Петька не почувствовал, что дальнейший отдых ему не в пользу. Тогда он заявил после минутного колебания:

— Бамбар, я думаю — чуринги подо мной... — и откатился немного в сторону.

В углублении, где он так удобно отдыхал, лежал плоский камень. Под камнем, когда Бамбар-биу его приподнял, обнаружили долго искомые священные дощечки.

— Ну, друг, — сказал Бамбар-биу, — если бы старики увидели тебя сидящим на их сокровищах, тебе бы не пришлось больше хихикать вот таким дерзким смешком...

— Ну... — возразил Петька, — я предполагаю, что мой большой друг, чародей, так свято выполняющий все обычаи своего племени, помог бы мне избежать наказания.

— Наоборот. Твой большой друг прибавил бы к твоему преступлению еще несколько тяжких обвинений. Он сказал бы, что белокожий звереныш организует в становище всякие там пионеротряды и учит малышей новым законам и обычаям...

Петька был так изумлен разоблачением их пионерской тайны, что в ответ лишь тихонечко охнул и ни словечка не проговорил. А Бамбар-биу, довольный, ржал во всю глотку.

Интерес к чурингам снова сблизил их, и в это время желтокожий гигант покаялся, что он нечаянно подслушал прощальный ночной разговор Петьки с Дой-ной. Как это можно нечаянно подслушать разговор, длившийся час, Петька не понимал...

В потайном углублении помещалось около двухсот деревянных и каменных плоских дощечек овальной формы, размером от четверти до трех четвертей. Среди них были новенькие, недавно сработанные, и некоторое количество весьма древних и ветхих. Последними особенно интересовался Бамбар-биу. Он нашел небольшую каменную чурингу, от времени истрескавшуюся и полопавшуюся, с слабо сохранившимся, полустертым рисунком. Она была подклеена во многих местах растительной замазкой и заботливо увернута в сухие листья, перья эму и человеческие волосы. Только своей упаковкой, на взгляд пионера, она, собственно, и отличалась от двух десятков других, таких же ветхих.

У «ветрогона» дрожали руки, когда, склонившись побледневшим лицом к этой реликвии древности, он силился

проникнуть в смысл ее незатейливых, но бледных иероглифов.

— Это чуринга главаря Илимми, — тихо проговорил он. — Тысячелетия реют над ней. Много тысячелетий... Значок вождя — змея, обвившаяся вокруг пальмы, я узнал его — повторен здесь, по крайней мере, двести раз. Какому времени соответствует ее возраст, трудно сказать... Если бы каждый вождь жил в среднем по 80-90 лет, а такое долголетие у нас далеко не редкость, и, умирая, завещал бы свою чурингу только что родившемуся восприемнику, то 90 лет на 200 равно произведению в 18.000 лет. Но на деле бывает иначе. Вождь обычно имеет две чуринги, то есть, как бы сказать, две души: одна душа — душа простого смертного, другая — душа вожака. Чуринга умершего вожака переходит к следующему вожаку, когда последнему стукнет не меньше 30-40 лет. Что ж? Я согласен ввести в полученное произведение некоторую поправку. Ну, пускай этой чуринге будет 10.000 лет. С тебя хватит, пионер?

— Дай мне ее для музея, — сказал Петька.

— Белые разграбили очень много наших чурингохранилищ, — продолжал Бамбар-биу, оставляя протянутую руку пионера висеть в воздухе. — Когда я был в России, я видел в московских и ленинградских музеях десятки чуринг. В музеях Европы я видел их сотни. Белые не знают или не хотят знать, что для австралийца-туземца потеря чуринги равносильна потере жизни, во всяком случае, утере радости жизни. Конечно, это предрассудок, но предрассудок, как видишь, укоренившийся в тысячелетиях. С ним нельзя так бороться.

Пионер принял свою руку.

— Хорошо сделал, — сказал Бамбар-биу, заметив на этот раз движение пионера.

— Десять тысяч лет! — повторил он как бы про себя. — Шутка сказать. И за эти десять тысяч лет ни одного шага вперед. Назад — да. Но назад нас повернули европейцы. Правда, и до них мы не обнаруживали большого прогресса: мы стояли на мертвой точке, не двигаясь ни взад, ни вперед...

Пионер, ты заметил, наверное, что в нашем языке существуют понятия для обозначения каждого вида птицы и для обозначения почти каждого созвездия на небе? И ты заметил, вероятно, что рядовые дикари совсем не пользуются этими понятиями. Все птицы — и гуси, и утки, и лебеди, и попугаи — для них просто птицы, монарум. Все созвездия для них — звезды.

Наши предки, как видишь, были более... образованными, что ли, людьми. Во всяком случае, они мыслили сложнее и тоньше нас. Но то, что понятия эти все-таки сохранились в древней памяти какого-нибудь древнего старца, показывает, что этот попятный шаг мы сделали совсем недавно, мы сделали его после вторжения европейцев и их прославленной культуры в наши земли...

Петьке стало неловко за своих земляков-европейцев. Но вспомнив вовремя, что Европа называет Россию страной варваров-большевиков, он сказал с большим облегчением сердечным:

— Бамбар. Я — азиат. К прославленной европейской культуре я нисколько не причастен. Пожалуйста, не подумай чего-нибудь...

— Ладно, — отвечал Бамбар-биу, — а чурингу хочешь для музея?

Петька задумался.

— Дрянненькую какую-нибудь я бы взял...

— И дрянненькой не получишь, — отрезал Бамбар-биу.

— Потому что самая дрянненькая это, наверное, будет моя.

Он укутал древнюю чурингу в ее перья и волосы, как мать ребенка, положил ее на место и из кучи других взял чурингу, сделанную из твердого дерева мулга. Рисунок ее был несложен и невелик. Возле извилистой двойной линии, в середине ее помещалась крохотная змейка, черточками разделенная на шесть равных отрезков, все отрезки были белыми, шестой зачернен. Рядом, пониже первой, помещалась вторая змейка, увеличенная вдвое; она была переречкнута крупным косым крестом. Потом следовал перерыв без всяких отметок. Перерыв кончался большой змеей, у которой голова была полый. Вот и все.

Бамбар-биу скривил губы в язвительной усмешке. — Моя чуринга, — сказал он, — нет ли у тебя чернильного карандаша, пионер?

Когда Петька передал ему карандаш, он объяснил:

— На такой чуринге, как чуринга вожака, нет места для всякого рода мелких заметок, для них у вожака существует дополнительная чуринга. Я не вожак пока что, и вся моя жизнь здесь как на ладони. Но она не полна. Она здесь такова, как ее знают мои соплеменники.

Двойная извилистая линия — речонка Иркун, что значит «легкомысленная»; на берегу ее я родился и, так сказать, самой судьбой был предопределен к роли иркун-окнирры... Я — змееныш, как и все собственники этих чуринг — Ковровые Змеи. Вот я разделен на шесть равных частей, из которых только одна — черная: я туземец на одну шестую. Прохвосты! Как они дознались об этом с такой точностью...

Далее змейка выросла... лет 10 мне было. И вот она перечеркнута грубым злым крестом, — значит, испытания первого я не вынес: зубы у меня все целы, пожалел зубы. Потом — перерыв: с 11-и лет я исчезаю из общины. Здесь я должен буду нарисовать книгу, перо и линейку — пускай поймут, что я не болтался зря, а учился...

Обмуслив карандаш, Бамбар-биу изобразил в перерыве названные предметы.

— Учился я в миссионерской школе в чудном городе Германсбурге, где находится лютеранская миссия; рядом с ним — Ист-Элис, резиденция мистера Брумлея, куда мы идем. Прибавлю еще крест и митру, потому что в школе меня учили попы, прививая к моей темной дикарской душе кроткие законы Христа и уча во всем следовать этим законам, как следуют им все белокожие христиане...

Переходим к следующему рисунку. Я выучился и вернулся к своему племени 16-летним здоровенным балбесом, буйным и непокорным. Уже тогда я стал восставать против идиотских и косных обычаев нашего племени и учил молодежь отвечать на насилия белокожих ножом, бумерангом и ядом. В благодарность за мое поведение и учение ста-

рики изобразили меня здесь в виде громадной змеи с пустой головой...

Дальше — новый перерыв, еще не ограниченный никаким рисунком: не успели старички. Я бежал из общины, пробыв в ней полгода, и предался скитальчеству по всему миру. В Лондоне я окончил университет по курсу юридических наук. В Берлине слушал лекции по социологии. В Париже работал в организации анархистов... Трудно передать все это графически, а следует... в назидание потомству. Поставлю это время под знаком науки, к которой я рвался, и бомбы, которой взрывал тучные животы.

Бамбар-биу нарисовал змейку, вкушающую из чаши мудрости, и бомбу, осколками распарывающую чье-то брюхо.

— Новый период. 19 лет. Империалистическая бойня. Мне за кого драться? За Англию? Хо... За Германию? — плевать хочу на страну социал-предателей... За Россию? — там гуляла царская нагайка... В бойне не хочу участвовать. Заявляю об этом открыто республиканскому правительству Франции, где я в то время нахожусь. Каторга в Кайене. Милое местечко на берегу Атлантического океана в Южной Америке. Адская жара, изнурительная лихорадка, железо на ногах, работа — 10 часов в день по пояс в воде, кишущей гадами, тучи мух и москитов; отвратительная кормежка, квартира — каменная клетка. Гибли каторжане, как мухи. Но я, Бамбар-биу, житель тропиков, шестикровный, чувствую себя сносно.

На хлебах радушной республики пробыл два года. Поправился, — кожа да кости. Когда сняли колодки — за добрый нрав, — к праотцам двух надзирателей. Бежал через джунгли: змеи, дикие звери, мухи-«тигры», отравляющие миазмы болот, солнце, как расплавленный свинец. Но я, Белый Удав, слопал все, не подавился. Добрался до Венецуэлы. Пароход и — снова Франция... За даровые хлеба расплатился по-царски. Не люблю хвастать, но Париж — Париж золота, бриллиантов и шампанского — трепетал при одном моем имени, а имя — цифра, унаследованная от каторги — «1111» — мой номер на рукаве, отличающий меня

от остальных 1.500 каторжников. Отмечу сейчас, чтобы не забыть, этот период знаком числа.

На чуринге рядом с чашей мудрости и бомбой появился зловещий частокол «1111».

Кое-как дотянул до конца войны, не угодив на новые даровые хлеба. Грянула в России революция. Я там с первых месяцев ее. Здесь знаю, за кого нужно драться, здесь не отказываюсь от винтовки... Я — рядовой красноармеец, «ходя», как прозвали меня товарищи за косые мои глаза. Я исколесил Россию на стоптанных английских «танках» из конца в конец. Бил Каледина, Корнилова, Деникина. Был у Перекопа, съедаемый вшами. Дрался с англичанами в Архангельске. Лупил Юденича под Ленинградом... Стоп, пионер! Штык и знамя с серпом и молотом пусть украшают чурингу...

Новый период. Разбит враг. От Ресефесерии к чертовым бабушкам катится... Период зализывания ран и восстановления разрушенного в буре. Я учусь свежему опыту русской революции, и учусь русскому языку — языку Великого Октября. Три года, как три мига, три ярких мига, незабываемых. Понял я, дуропляс, свое заблуждение: революции с кондачка не делаются. Мое бунтарство среди соплеменников — ребячество глупое...

Но, пионер, трудно обуздать нетерпеливую натуру, страждущую к тому же за кровь своего народа... Я снова в Австралии. Месяцем раньше тебя, пионер, прибыл. Начал с того, что навестил австралийскую коммунистическую партию. Разошелся я с ней, пионер, по некоторым вопросам. Неистовствует во мне смешанная кровь. Сознаюсь. Не прав я по-ленински, знаю... Террор, кровавый страшный террор исповедую я для тех, кто ведет мой народ к верному угасанию... Я не могу ждать, не в моей натуре это, когда через 5-10 лет придет мировая революция... Я терроризировал Париж в два месяца. В Париже три миллиона жителей, во всей Австралии — 5 с половиной... Лишь на два с половиной миллиона больше. Понимаешь выводы, мальчик?

— Отмечай на чуринге, что нужно, — сказал пионер, не имея на лице сочувствия.

— Еще одну бомбу нарисую, — сказал Бамбар-биу, с трудом подавляя болезненную судорогу губ.

— Еще что ты делал? — строго спросил пионер.

— О! — Бамбар-биу слабо улыбнулся. — Это ты одобришь. Я готовился к тому (когда ты прибыл), чтобы начать просветительную работу среди своего народа. Я думал начать с общины Ковровых Змей и постепенно расширить масштаб. Мне кое-что мешало, теперь этого нет... Твое прибытие, о пионер, открыло новую эру...

— Говори об эре.

— Потом, после. В пути. Пойдем немного закусим, да завалимся на боковую. Выступим с заходом солнца.

Как насаждалась европейская культура в Австралии

Когда местность Окнаникилла — обиталище змей и ящеров — осталась позади и на сотни километров раскинулась впереди зелено-бурая степь, прерываемая солончачовыми топями и озерами, Бамбар-биу начал свой «рассказ об эре». Стояла ночь, и при лунном свете белые солонцеватые налеты на местах иссохших озер блестели точно снежные полянки в далекой России в конце весны.

— Дурно ли, хорошо ли мы жили до прихода европейцев, но мы жили, не зная насилия, ни грабежа, ни рабства, ни зловещего вымирания. Правда, в развитии своем мы стояли на мертвой точке. Правда, численности своего народа мы не увеличивали, мудро регулируя эту численность из боязни голода периодическими умерщвлениями новорожденных. Последнее практикуется и поныне... И вместе с тем мы были веселы, здоровы, свободны.

Мы знали белокожих до основания первых колоний, до знаменитого 1778 года. Корабли, потерпевшие крушение у австралийских берегов, снабжали нас изредка белыми людьми. Тогда же была завезена к нам собака, которая, расплодившись и одичав, теперь гуляет стаями злых динго по нашему матерiku. Мы принимали белых в свои общины, мы им оказывали почести, как духам, по некультурности своей воображая, что пришлецы — эти необычайные существа с белой кожей — являются нашими предками, сошедшими с неба или покинувшими недра земли. Не один белокожий мирно кончил свою жизнь в наших шалашах, дожив до глубокой старости в почете и уважении.

К нам заезжали и по доброй воле белые путешественники. Они жили среди нас в полном довольстве неделями и месяцами, а уехав, распространяли в виде благодарности

по Европе басни об «австралийских обезьянах, таких миролюбивых, таких человекообразных, хотя и голых». Достоянный путешественник Кук тоже сообразовал посетить нас, и это ему принадлежит высокая честь — подать блестящую мысль английскому правительству об использовании Австралии в качестве подходящего места для ссылки и каторги.

Кук бросил семя на благодарную почву. Семя взошло и дало пышный цвет, этот цветок мы до сих пор нюхаем, вспоминая Кука со слезами... С 1778 года Австралия начинает заселяться преступным сбродом, собранным со всех концов великой Британии. Чарльз Брумлей по прозвищу «Чарли кому-то крышка» — знаменитый предок нынешнего шкуродера — прибыл к нам в числе первых. Колонисты, не откладывая дела в долгий ящик, тотчас широко развернули культурно-просветительную деятельность среди темного духом и кожей туземного населения.

Не буду говорить о том, как они отбирали у нас лучшие земли, ни о том, как они стали истреблять наших животных — кенгуру и эму, — истреблять тысячами и десятками тысяч, сначала ради развлечения — охоты, затем из соображений более разумных: наши животные, травоядные животные, поедали на лугах траву, предназначенную белыми для своего скота. Конечно. Что такое «жалкая австралийская обезьяна» в сравнении, скажем, с коровой?! Колонистов мало трогало то обстоятельство, что «австралийские обезьяны» питались по преимуществу мясом кенгуру и эму.

В «культурно-просветительную деятельность» колонистов входило, собственно, распространение среди туземного населения венерических и других заразных болезней, насаждение алкоголизма, пороков и курения опиума, обращение язычников-дикарей в христианскую веру для того, чтобы обращенный жил в полном согласии с законами Христа, то есть, если бы белый прохвост ударил его по правой половине черномазой рожи, он должен был подставлять и левую.

Всего этого мало. Не ограничивая себя никакими средствами в целях культурного благодетельствования неве-

жественных туземцев, колонисты организовывали правильные охоты-облавы на них — на конях, с собаками, с винчестерами и револьверами. То-есть как?! Пионер, я оговорился!.. Охота на людей? На глупых миролюбивых дикарей, вооруженных всего лишь каменными топорами и деревянными палицами! Да не может же этого быть! Ну-да, я оговорился. Не на людей устраивали они охоту, а на тех же «австралийских обезьян». Разница не маленькая, ха...

Здорово охотились. Истребляли тысячами. До 1820 года охотниками были ссыльные каторжане; затем Англия прекратила ссылку, ограничась цифрой в 25.878 осужденных, и широкой волной устремились в Австралию добровольцы-охотники. Вот когда истребительная потеха приняла особенно грандиозные размеры. Тут уж не темные, невежественные преступники выступали в роли истребителей. Высоко культурные джентльмены и леди, спортсмены до последнего ногтя на ноге — вот кто принялся теперь за дело... Великобританское правительство смотрело с ласковой усмешечкой на кроткие забавы милых своих детишек. Правительство покровительствовало им и награждало отличившихся охотников...

На острове Тасмания, у крайней южной оконечности Австралии, первый транспорт ссыльных появился в 1803 году. Здесь насчитывали к тому времени до 20.000 туземцев, виноват, обезьян. Началась охота... 23-го декабря 1834 года последние туземцы были переловлены, и счастливый охотник Робинсон получил от правительства в награду надел земли в 400 гектаров и крупную сумму денег. Кроме сего, признательные его соплеменники собрали ему по подписке около 200.000 франков. Ныне Тасмания «ч и с т а». Ни о д н о г о тасманийца. Как же обстояли культурные дела в самой Австралии?

До прихода колонистов никто, конечно, не производил здесь никакой переписи. Но по некоторым данным я могу остановиться на числе в 600.000, как на отвечающем приблизительной численности туземного населения до первого транспорта европейцев. Теперь туземцев, чистых туземцев, не метисов, меньше 80.000 человек. Культурно-просвети-

тельная деятельность и охота сократили первоначальную цифру на 500 тысяч с лишним. О, Европа! обратилась бы ты в зверя величиной со слона, я взялся бы с тобой биться один на один...

Не нужно думать, что дикари-туземцы не сопротивлялись, что они давали себя убивать, как убивают баранов. Сопротивление было, сопротивление было отчаянным, кровь лилась с обеих сторон, миролюбивые дикари принуждены были забыть о своем миролюбии. Они защищались как звери — ногтями, зубами, ножом, бумерангом, дубинкой. Они, когда это представлялось возможным, нападали на стада колонистов, громили их хижины, умерщвляли каждого белокожего, попадающегося в их руки. И только этим сопротивлением можно объяснить, что, несмотря на все рвение колонистов, Австралию не удалось «очистить», как «очищена» была Тасмания.

Ты спрашиваешь, каково отношение белых в настоящее время к нам, туземцам. О, конечно, охота давно оставлена. Новые годы — новые птицы. Новые птицы — новые песни. Диалектика. Теперь белые «поют» иначе. Они примирились с нашим существованием, они терпят нас, как терпят бородавку на каком-нибудь второстепенном и притом скрытом органе тела.

— Мы, то есть те из нас, которые остались верными законам и обычаям своего народа и в услужение к белокожим не пошли, мы сконцентрированы теперь внутри песчаной и знойной Австралии. Самая ужасная часть пустыни — между 120-м и 130-м меридианами — волею обстоятельств до поры до времени оставлена в полное наше распоряжение. Здесь мы и влачим свое существование, вымирая не так чтоб медленно, зато верно...

Пионер, ты составишь себе неправильное представление о нашей жизни, если будешь судить о ней по этим весенним месяцам. Сейчас — обилие растительности, обилие дичи. Что будет к концу лета, что будет зимой, — ад? Думаю, — хуже ада в несколько раз! Солнце разъярится, как бешеное. Высохнут водоемы, стгорит трава, завянут деревья. Улетит птица, исчезнет крупная дичь. Мы разбредемся по-

одиночке и, с воспаленными глазами, истощенные, полубезумные, будем бродить по бесплодной черной земле в поисках жалкого корешка, жучка, муравьиной кучи, гусеницы. Лягушки, змеи, ящерицы станут пищей редкой, кенгуру — праздником племени. Как тут обойтись без умерщвления детей? Не убьешь заблаговременно, они погибнут от голода, смертью более страшной и долгой.

Вот наша жизнь, пионер. Раньше с наступлением засушливого времени мы перекочевывали на приморские окраины материка, где больше влаги, больше растительности. Теперь мы лишены этого: там — города, фабрики, университеты, кино, театры. Там расположились белые и другие чуждые нам расы. И потому, что наши земли годны только лишь для свалок, нас пока не трогают. Говорю «пока», потому что настанут времена, когда и наши земли пойдут белым, если наука оводнит их, и на песках зацветут луга.

Но до сих пор еще, пионер, время от времени происходят реквизиции наших земель, тех лакомых кусочков, что каким-то чудом сохранились у черных на протяжении 134 лет. Конечно, теперь все обставляется законами. И вот таким образом мистер Брумлей отхватил у нас клочок плодородной земли, основываясь на том, что некогда один из его предков, спасаясь от жандармерии (взятку, должно быть, малую дал), укрывался на землях Ковровых Змей и даже имел здесь свой маленький домик с палисадничком и свинарным двором.

Будущее сулит нам верную гибель, если прославленная в веках капиталистическая культура не уйдет на слом. Однако я боюсь, что когда она уйдет, для нас будет слишком поздно... Но что мешает нам, пионер, нам, темнокожим, принять участие в той работе, что направлена к разрушению и свержению капиталистической культуры? Что мешает нам перенять из рук угнетателей их оружие — науку и с этим оружием начать отстаивать свое право на существование и на прогресс? Многое мешает, пионер, и я занят в настоящее время наряду с той деятельностью, о которой не

буду говорить, еще борьбой с препятствиями, мешающими нам начать новую жизнь...

Вот они, эти препятствия. За последнюю сотню с лишним лет мы столь много «приятностей» получали от колонистов (теперь они гордо называют себя австралийцами), что ко всяким их, даже случайно добрым, начинаниям мы не имеем доверия. Я говорю о туземной массе. Туземцы закоренело-враждебно настроены против своих угнетателей и против всего, что идет из их рук.

Ведь белые теперь открыли для нас школы, и в одной такой учился я. Но идут ли туда учиться дикари? Слабо. А если идут, что получают они там? Возьмем покойного Инта-тир-каку. Он прошел среднюю школу. Что же он вынес оттуда? Может быть, и много (много всякой ереси), но как только он попал в свою родную обстановку, все знания его испарились, как дым. Случайная латынь застряла в его башке, а больше ничего. И он не единственный. В исследованиях антропологов, живших в Австралии и изучавших ее, отмечен ряд случаев, когда дикарь, кончавший школу, по возвращении на родину, в среду своего племени, становился прежним дикарем, таким же неучем, как все его соплеменники, как-будто он и не учился...

В чем тут дело, пионер? Может быть, мы так отстали от времени, что знания не пристают к нашим мозгам или пристают, но непрочно и ненадолго. Может быть, у нас нет способностей, как выражаются обычно про таких людей? Я бы мог опровергнуть это предположение фактами из своей личной жизни и учебы, но пускай за меня говорят менее пристрастные люди, белые ученые. Что же они говорят? «Австралийские дикари являются в массе своей людьми средних способностей. Им свойственна глубокая память. Они легко овладевают языками. На школьных скамьях, где вместе с ними зачастую сидят белые, эти последние не всегда оказываются в числе первых учеников». Вот голос белых наблюдателей...

— Теперь, — вставил свое слово пионер, слушавший с исключительным вниманием, — теперь, когда ты знаешь о нашей тайне, я могу подтвердить то же. Я даже больше

скажу: такую память, как у дикарят, я редко встречал у белых школьников.

— Славно! — подхватил Бамбар-биу. — Присоединю твой голос к голосу ученых, и дело будет в шляпе. Но шляпа эта, должно быть, с фокусом. Свитетельство свое и свидетельства ученых, попав в нее, только запутали дело. Мы так и не знаем, мы теперь знаем меньше, чем знали: почему же, раз дикари — люди способные, их котелки не держат знаний, как держат их котелки белых?.. Не буду тебя мучить, пионер. Все объясняется постановкой школьного преподавания. Школа должна находиться в гуще учащихся, а не за сотни верст от них — это первое. Преподавание должно вестись так, чтобы все приобретаемые знания связывались с повседневной, привычной для учащегося обстановкой, с его образом жизни, с его понятиями и пр. Только тогда они укладываются прочно и надолго.

Иначе говоря, если хочешь просвещать дикарские массы, просвещай их на месте, не отрывая от родной обстановки, и преподавай так, чтобы были использованы и учтены все особенности и обыденности этой обстановки... Пионер, я предсказываю твоим занятиям с Ковровыми Змеенышами блестящую будущность. Я, извини, не один твой ночной разговор подслушал, но и многое другое... Ты правильно подошел к вопросу: всегда начинай свои занятия от камешка (почему он круглый?), от журчания воды (почему она журчит?), от пролетевшей птицы (почему она летает?) и веди их через отвисшее брюхо и тонкие ноги дикарят (почему они такие?), через отсутствие одежды у дикарей (почему они ходят голыми? — география, экономика и пр.), через разницу между белыми и черными, через возрастные группы у дикарей и классовое деление у белых и т. д. Ты правильную линию взял, пионер, выношу тебе свое одобрение...

— Э... это и есть новая эра? — краснея от похвалы, спросил Петька.

— Нет, пионер. Не забегай вперед... Я говорил о препятствиях, не пускающих дикарей к науке: я сказал о закончено-враждебном настроении дикарей ко всяким начи-

наниям белых, я сказал о неправильной постановке дела образования в школах для темнокожих. Эти два положения заставляют нас совершенно не рассчитывать на любезную помощь белокожих и начать своими силами строить здание науки, строить его здесь, в самой гуще угнетенных масс. И вот, я — тот строитель, который возымел желание положить первый кирпич. Я избрал для этого свою родную общину, предполагая впоследствии втянуть в просветительную работу остальные общины, затем — все племя, несколько племен и наконец весь народ.

Но мое желание споткнулось на первых же шагах, и кирпич выпал. Споткнулось оно о железное противодействие со стороны служителей нашего религиозного культа...

Тебе хорошо известна истина, что всюду, во всех странах и у всех народов религия идет против просвещения, что ее служители всячески отгораживают свой народ от света науки, так как при этом свете все божественные тайны начинают выглядывать грязными проделками ловких мошенников. Наша религия первобытна, но и у нас она имеет своих проповедников и защитников, известных тебе чародеев или балий. Их влияние на темный народ громадно. Бороться с ними значит бороться с духами, а перед духами трепещет темная душа дикаря. Слово балии при таких условиях становится законом. Ни алатунья, ни окнирабат не пойдут против него...

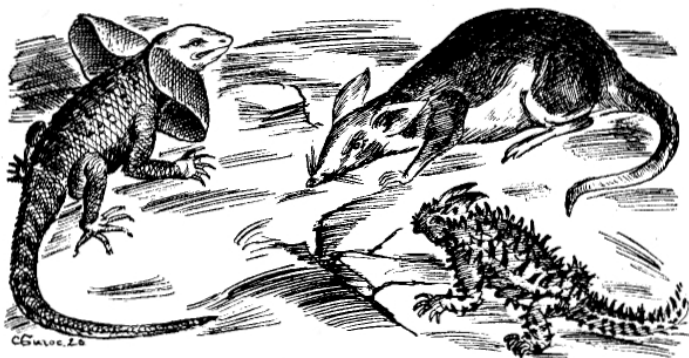
Чтобы начать работу в общине, я должен был устранить балию, мне самому нужно было сделаться балией и воспользоваться его авторитетом для пропаганды новых истин. Я ждал удобного случая, чтобы лишить Инта-тиркаку его духовного сана или, еще лучше, жизни. В действиях своих я всегда осторожен, хотя подчас прорываюсь и становлюсь безумным. Инта-тиркака осторожен без всяких оговорок. Он моментально понял, чего я хочу: ссоры и такой ссоры, чтобы общественное мнение дикарей стояло на моей стороне.

И с обдуманностью прирожденного чародея, т. е. прохвоста, он принял все предосторожности, чтобы такой ссоры

никогда не было.

Он постоянно был начеку... Что делать? Лезть на рожон я не хотел. Убить чародея, посредника между духами и людьми, не имея на то сочувствия общины, значило отдать себя на растерзание общины. Я ждал. Ждал, проклиная время, которое не стояло на месте. И вот явился ты. С первых же дней, почуяв в тебе соперника и обличителя, Инта-тир-кака задался целью уничтожить тебя. Он промахнулся, как тебе известно, и ранил Дой-ну. Копье, хоть оно и было новым, с моею помощью община признала за копье балии. Как ученик великого Ленина, ты имел перед Инта-тир-какой большое преимущество. Общественное мнение стало за тебя, отшатнувшись от балии. Я этим воспользовался. Остальное тебе известно...

Заняв пост чародея, я поспешил ликвидировать духов с территории общины и подорвать доверие дикарей к чародейным действиям, каким является интихиум. То — мои первые кирпичики... Понимаешь теперь, почему я должен благодарить тебя несказанно? Почему с твоим прибытием я связываю начало новой эры?

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ГИГАНТ БАМБАР-БИУ В ДЕЙСТВИИ

1.

В долине Ковровых Змей

На пятые сутки Петька выбился из сил...

Бамбар-биу гнал, словно хотел поставить мировой рекорд. Ночи они шли напролет — от последнего солнечного луча, гаснувшего в янтарной или в рубиновой вспышке, до первого, дарившего ясными улыбками красную пустыню, за ночь стосковавшуюся по зною. Днем они отдыхали. Во время похода передышки допускались редко, и то самые короткие: всего несколько минут. Но не эти условия изнурили пионера. В ходьбе он не так давно слыл за неутомимого: минувшим летом (европейским летом, а не австралийским), во время стоянки пионерского лагеря в селе Басове, пионеры ежедневно совершали прогулки по 15, 20, а то и по 30 километров, к тому же, идя в поход налегке, возвращались солидно нагруженные минералами, ботаническим и другими материалами. Тренировка у всех была великолепной, и Петька, как вожатый звена «Изучай свою страну», как главный зачинщик всяких экскурсий, естественно, лицом в грязь перед товарищами не падал. Никогда не падал, всегда был в числе первых. Здесь же, в Австралии, его подвел дневной отдых.

Помилуйте, при этакой жарнице, когда в песке можно печь яйца, когда над головой единственным заслоном от безжалостного солнца служит крона эвкалиптов, редкая, как самое редкое сито, когда от зноя превращаешься в мушкетера и высываешь язык, точно загнанная собака, и потеешь скудным липким потом... помилуйте, до сна ли тут...

Бамбар-биу, нечувствительный «к таким нежностям» (его выраженьице!), добросовестно отмахав положенную им самим длиннейшую ленту километров, падал носом в песок или носом в небо и в ту же секунду начинал храпеть как повешенный. Петька мрачно смотрел ему в затылок или в ноздри, испытывая мучительное желание спать, но

спать не мог, а если забывался в тяжелой дремоте, то пробуждался разбитым по всем направлениям. И после такого-то отдыха предстояло маршировать целую ночь...

На пятые сутки пионер выбился из сил и сказал неуязвимому гиганту, что отныне он, неуязвимый гигант, может считать себя свободным и может идти куда ему угодно и с какой угодно скоростью, Петька же, пожалуй, отставит эту ночь, чтобы выспаться, а потом, очевидно, или догонит его, или как-нибудь обойдется...

Не выражая удивления, гигант раздумчиво посмотрел на звездное небо, себе на ноги, Петьке на ноги, затем присел, подставив пионеру плечи, и кротко молвил: «Ползи». Не заставляя себя просить вторично, тот так и сделал, т. е. оседлал могучие плечи и с их высоты стал любоваться лунными окрестностями, пока не заснул.

.
.

— Пионер, спишь? — осторожно спросил Бамбар-биу, когда Петька просматривал конец седьмого сна, соответствующего исходу седьмого часа, проведенного им на спине.

— И не думаю, — отвечал Петька, мигом пробуждаясь.

— Тогда посмотри вперед и слезай, — прошептал Бамбар-биу.

Они стояли на краю глубокой долины под прикрытием «травяного дерева», странного, коренастого дерева с косматой башкой из длинных и тонких дугообразных листьев. Светила луна. В долине, ограниченной с противоположной стороны рощей эвкалиптов, клубился лунный свет в прозрачном тумане; сквозь туман проглядывало никелированной поверхностью большое озеро. К берегу озера, в тесном строю кустарников, притулились два деревянных домика из некрашеного теса и плетеный загон, в котором находилось голов десять коней. По зеленому ковру, широко раскинувшись вокруг озера, бродили неисчислимые стада овец, казавшиеся издали волнами застывшей лавы.

— Почему надо говорить шепотом? — полным голосом спросил Петька, вдоволь наглядевшись и неохотно расставаясь с комфортабельными плечами.

Вместо Бамбар-биу ему ответило громким ворчанием четвероногое существо из долины — собака, скрывавшаяся шагах в тридцати от друзей в тени второго травяного дерева. И тотчас заговорили еще две собаки. Сумрак под деревом ожил и родил трех насторожившихся овчарок и одного голого человека с карабином в руках.

— Слепая мокрица, — выругался вполголоса Бамбар-биу, — поставь револьвер на синее и — чтоб все четверо скурчились. Не промахнись, иначе попадем в кашу.

Сторож с овчарками двигался к прикрытию друзей. Все три овчарки были на привязи. Почуввав незнакомцев, они рвались вперед, хрипя в ошейниках.

Не возражая более и проглотив «мокрицу», пионер пометился хорошенько и спустил курок. Человек и овчарки упали на землю с парализованными мышцами.

— Все равно нам бы этого не избежать, — молвил Бамбар-биу, трогаясь в прерванный путь.

— Не избежать, так нечего было лаяться, — проворчал Петька, не особенно добрый спросонок и слегка задававшийся метким выстрелом.

— Заткнись, пионерище, — посоветовал Бамбар-биу, — мы в новоприобретенных владениях мистера Брумлея, эти стада — его стада, эти кони — его кони...

— Куда ж тогда мы идем?

— Держи револьвер наготове. Для сокращения расстояния мы пройдем через брумлеевские владения.

Где по кустарникам, где по открытым местам, ползком или перебегая от дерева к дереву, они прошли мимо парализованной группы и обогнули лавовые волны справа, не встретив более ни людей, ни собак. На линии домиков, видных сквозь широкую просеку, Бамбар-биу остановился, задержал пионера и, вытянув шею, уставился на нечто черное и лакированное, наполовину невидимое из-за густой тени, падавшей на него от построек.

— Клянусь Арлаком, — авто!..

Тело гиганта сотряслось в порыве немомго смеха; искажившееся лицо его стало походить на маску потешного китайского божка.

В паузах смехотворной пантомимы Бамбар-биу замечался между скоропалительными решениями:

— Стой здесь. Подожди меня. Нет, идем вместе. Впрочем, оставайся, но дай револьвер. Дай мне револьвер...

«Игрушкой, которую я тебе дал, смотри, не балуйся. И не одалживай ее никому, особенно человеку неуравновешенному». Призрак техника Лялюшкина колыхнулся в Петькином воображении и растаял, предостерегающе поматывая ржавым от постоянной возни с железом пальцем.

Петька невольно осел назад перед буйным напором неуравновешенного гиганта:

— Шалишь. Идем вместе...

— Но помни, пионер, помни: надо ползти неслышной мыши, надо, если собаки нас откроют, так, чтобы только на самом близком расстоянии...

— Человеков не смей убивать, — строго предупредил Петька.

Но ветрогон уже извивался в траве, подобно громадному желтокожему ящеру, и последних слов пионера не слышал.

— Убивать никого не смей, — настойчиво повторил Петька, догнав его в три обезьяньих прыжка.

— Даже Яшку Брумлея?..

— Все равно... в плен возьмем... устроим суд...

— Хха, ладно...

Собак они не потревожили: около домиков собак не было. Только чуткие лошади, справа, в загоне, реагировали на подозрительный шорох двухминутной стачкой, прекратив на это время хрусткую жвачку.

Держась рядом, приятели проползли между спящим домиком и притаившейся в тени его лакированной машины. Как раз против машины находилась дверь из домика. Приложив губы к уху пионера, Бамбар-биу прошептал:

— Люди здесь, слышишь их дыхание?

Петька ничего не слышал, но, доверившись собачьему слуху своего друга, качнул утвердительно головой.

— Надо осмотреть вторую постройку, — продолжал Бамбар-биу, — сиди здесь и сторожи... я сейчас...

Одним скачком он пересек лунную полосу, отделявшую их от второго домика, и к стене из тонких тесин приложил ухо.

— Там хозяйничают мыши, — сообщил он, вернувшись, — там склад провианта... — Он кривился в пароксизмах беззвучного смеха и каждый раз, проползая мимо машины, похлопывал ее по туго надутым шинам.

В дверь они не пошли, — к двери Бамбар-биу подкатил огромный камень, каких было много в долине, и забаррикадировал им выход из домика. Делал он все проворно, возбужденно и вместе с тем без малейшего шума.

Они подползли к окну, выходившему на озеро. Тут царствовала луна, обливая фасад домика медвяно-желтым светом и врываясь через открытое окно внутрь.

Заглянули в окно и Бамбар-биу и Петька одновременно. На полу, на соломе, рядышком покоились две голые темнокожие фигуры, за ними — у стены на койке — лежал белый человек в одном нижнем белье.

— Ну, пионер, одним выстрелом троих...

Петька поднялся во весь рост и прицелился. В этот момент от озера, от стожка свежескошенной осоки грянул выстрел. Пуля прошла в миллиметре от правого бока пионера, обожгла ему кожу, сделала дырку в тесине и застряла в теле белокожего на койке. Белокожий икнул и вытянулся. За озером раздался глухой лай собак. От неожиданности Петька выронил револьвер. Бамбар-биу подобрал его цепким кошачьим движением, затрещал барабаном, и прежде чем Петька успел помешать ему, стожок осоки вспыхнул как порох. Освещенный луной и пылающим факелом, из-за стожка, бросив карабин на берегу, с громкими криками шлепнулся в озеро темнокожий человек и отчаянными саженками поплыл на середину. Бамбар-биу собирался послать вторую молнию, когда загрохотала дверь домика.

В это время Петька, подняв камень, со злобой треснул им гиганта по вооруженной руке.

— Дурак, руку отшиб, — спокойно сказал гигант, выпуская револьвер и здоровой рукой увлекая пионера за собой — от окна в густую тень домика.

Дверь трещала, но глыба, подпиравшая ее, не поддавалась. Лай овчарок слышался ближе. Человек в озере неистово вопил.

— Эй вы там, смирно! Я — Бамбар-биу! — гаркнул гигант. За дверью воцарилась внезапная тишина.

— Слышите вы меня? — орал Бамбар-биу.

— Слышим, сэр... — поспешно отвечали робкие голоса.

— Вылезайте в окно.

— Вы нас убьете, мистер Бамбар?

— Пальцем не трону, окаянные предатели.

— Сэр... даете слово?..

— Ладно, даю, поворачивайтесь живей.

Лай все более приближался. Штук пять черных комочков показалось на противоположной стороне озера. Человек из озера выплыл на берег, продолжая вопить. На его вопли отзывались голоса людей, следовавших за собаками. Но Бамбар-биу не торопился и горячки не порол.

— Выбросить в окно оружие! — приказал он.

Два карабина, револьвер и два ножа упали на землю. Петька подхватил оружие и сложил его в автомобиль. Затем выпрыгнули через окно два туземца, выбивающие зубами дробь.

— Белый мертв?

— Д-да, сэр...

— Кто он?

— Главный набольший господина Брумлея.

— Сядьте рядом. Живее.

— Вы нас все-таки убьете, сэр?

— Я сказал: нет, значит, нет.

— Но... у мальчика страшная штука...

— Страшная штука усыпит вас на три часа... Действуй, Петух.

— Подождите, подождите, сэр... Если она только усыпляет... мы бы дали вам слово... мы заснем сейчас без шутки и проснемся ровно через три часа... Право, сэр...

Бамбар-биу рассмеялся.

— Ну, валитесь, — согласился он, — и чтоб ни одного движения за эти три часа.

Туземцы, как по команде, опрокинулись навзничь и действительно замерли, словно сразу перестали жить.

Бамбар-биу снова увлек пионера в тень:

— На собак не трать выстрела. С ними я сговорюсь.

Пять остервенело хрипящих овчарок пустились вброд по излучине озера. Не дожидаясь, когда они вылезут на этом берегу, Бамбар-биу пошел им навстречу — с пустыми руками. Его походка была спокойна и беспечна.

— Бобби, сюда! — он хлопнул себя по бедру.

Первая собака — громадная, лохматая и злая, за секунду перед тем намеревавшаяся разорвать горло первому попавшемуся, вылезла из воды, растерянно помахивая хвостом.

— Сюда, сюда, Бобочка. — В голосе Бамбара-биу и тени не было притворства или неестественности: можно было подумать, что собака была его старинным другом.

Овчарка виновато поиграла хвостом, съежилась вся, по добрав зад, и какими-то замысловатыми зигзагами, повизгивая и всхлипывая, ползком стала приближаться к странному — ласковому и властному — человеку. От этого зрелища остальные собаки остолбенели.

— Сюда, Бобби, скорей. — Теперь Бамбар-биу казался слегка рассерженным. Овчарка тотчас сократила свои зигзаги, и к ногам гиганта подползла заискивающей и покорной, как овечка. Бамбар-биу нагнулся и потрепал ее кудлатую голову, в благодарность за что получил поцелуй собачьего языка в губы. — Лежи здесь, Бобби... Ну, друзья, а вы разве не хотите, чтобы я вас приласкал? — Он двинулся напрямик на остальных собак. Те сначала подались назад к озеру и заворчали, но от необыкновенного человека исходила такая чарующая, гипнотическая сила, голос его так ласкал слух и был столь непохож на другие голоса, грубые

и вечно грозящие, что они, вытряхнув из себя остатки дикой злобы, пристыженные, двинулись к нему навстречу, стараясь не отставать друг от друга, но и не забегать вперед. Так, все четыре в тесном строю, они подошли к очаровательному незнакомцу, от которого пахло солнцем, травами и могучей силой. Тот приласкал их по очереди, не беспорядочно и щедро, но сдержанно и умеренно. Потом с ласковой настойчивостью приказал им ложиться и не трогаться до тех пор, пока от него не будет разрешения.

Покончив с собаками, Бамбар-биу как раз вовремя укрывшись за автомобиль. Четыре человека спешили по берегу озера. У двух были ружья, у двух — дубинки. Впереди шел одетый по-европейски, в широкополой шляпе и сверкающих крагах.

— Петушок, для этого молодца приготовь револьверчик, — ласково сказал Бамбар-биу. — Остальные, я думаю, согласятся заснуть без нашего вмешательства.

— Смирно! — в следующую минуту крикнул он. — Я — Бамбар-биу...

Как он и предугадывал, его слова произвели свое действие только на троих, поспешивших отстать на несколько шагов от человека в крагах. Последний, не останавливаясь, взял карабин наизготовку.

— Будь ты сам чертов-биу, — пробурчал он, — мне наплевать, я тебя угощу пулей... Где ты там прячешься?

— Петя, у тебя все готово?

— Все, конечно.

— Эй! — закричал Бамбар-биу, — чернокожие, отойдите в сторону. Живо, живо...

Европеец выстрелил и промахнулся, потом сделал попытку науськать собак, но туг парализующая волна сшибла его с ног.

— Бросить оружие, — скомандовал Бамбар-биу, — и все сюда!

Покуда чернокожие исполняли его приказание, он завел мотор и вывел автомобиль на шоссированную дорогу. Петька уселся рядом с ним.

— Все меня знают? — спросил Бамбар-биу у лихорадящих от страха туземцев.

— Все, мистер Бамбар...

— Ну, так я вам скажу. Все вы предатели и мерзавцы... Перестаньте дрожать: не трону... Паршивые рабы. Продались белым за жалкие подачки. Изменяете своему народу, чтобы каждый день набивать брюхо... Придет час, скоро придет, когда вы сами пожелаете вернуться в племя, и будет поздно: вас встретят палкой и копьем. Это говорю вам я, Бамбар-биу, ваш товарищ, который знает, что говорит... Ну-ка, кто-нибудь, принесите мне все бумаги из карманов белокожих.

Двое опрометью бросились исполнять его приказание, один остался на месте, переминаясь. Бамбар-биу погрузился в молчание. Вернулись двое с пачкой документов, он пересмотрел их, выбросил деньги и ненужные бумаги; тогда заговорил третий, тот, что переминался с ноги на ногу:

— Товарищ Бамбар-биу, я хочу сказать...

— Скажи, моя радость.

— Я хочу вернуться в племя.

— Твое племя?

— Урабунна.

— А-а, земляки... А община?

— Птицы-эму...

— Ага, там главарь племени. Ты боишься, чтобы тебя, как итурку-преступника, не поджарили на костре?

— Боюсь, Бамбар-биу.

— Не бойся. Иди смело в шалаш алагуны и передай ему от моего имени, что отторженная область Ковровых Змей, вот эта долина, снова принадлежит племени... Не смотри на меня лягушачьими глазами. Уже завтра здесь ни овец, ни коней, ни хижин не будет. Это говорю я — Бамбар-биу...

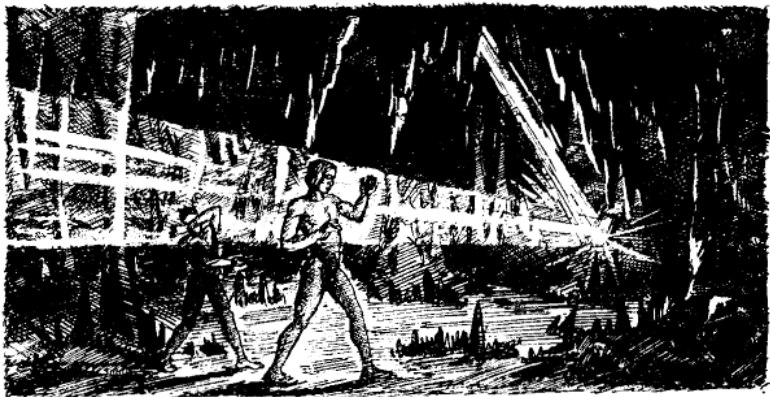
Мотор затарахтел, чернокожие расступились.

— Возьми собак с собой! — крикнул Бамбар-биу и легким свистом разрешил собакам встать.

— Мне сейчас идти? — спросил чернокожий, вскакивая на подножку.

— Нет. Через три часа, когда очнется белый. Спроси вот тех двух, что лежат, будто мертвые, как вам вести себя до пробуждения белого.

На полном ходу туземец соскочил на землю и, выплясывая, побежал к своим друзьям.

2.

Электрифицированные тартарары

С востока брызнуло жидким золотом, и в тот же миг померкла луна. Через минуту начался день, как он всегда начинается под тропиками — без предрассветных сумерек.

Автомобиль давно оставил дорогу, протоптанную стадами овец, — шоссированной она была лишь возле озера. Теперь путь его шел по пескам, по убогой жесткой траве да меж кустарников, в которых Бамбар-биу ориентировался с невероятным умением. Пионеру все время казалось, что они кружат вокруг да около, как вдруг перед ними вырос горный хребет.

Шофер промычал или прохрипел первые за всю дорогу слова:

— Хребет Мак-Доннеля, — и пустил машину на всю скорость по отлогому длинному подъему, который природа вымостила циклопическими плитами.

Нельзя сказать, чтобы машина избегала толчков: временами легковесного Петьку подбрасывало в воздух на полметра, но шофер не унывал и ни разу не удосужился взгля-

нуть на шины, давно пришедшие в беспризорное состояние. Когда лопнула с оглушительным треском первая шина, до горы оставалось рукой подать. Бамбар-биу затормозил, вылез, извлек Петьку, который с высадкой мешкал, и проронил вторые за дорогу слова:

— Налево ехать — попадем на горный перевал: целые сутки пути. Направо — обрыв и пропасть, прямо — пять часов ходьбы.

Поразмывшись он снова сел в авто, не приглашая пионера, повернул колеса направо и взял среднюю скорость. Петька бежал вприпрыжку рядом, понимая очень мало. Закрепив руль ремнями, Бамбар-биу выскочил из машины, предоставив ей свободу.

— Она упадет в пропасть, — предположил Петька.

Эхо из уст гиганта подтвердило:

— Она упадет в пропасть.

— А откуда ты узнал, что собаку зовут Бобби? — спросил Петька, пренебрегая наукой о последовательном мышлении.

— Ее зовут Бобби, Джеки, Бой, Лигль-бой, Жучка, Трезорка, Полкашка, Шарик... и еще тысяча имен, — вяло отвечал гигант, вешая на себя четыре карабина, три ножа и два револьвера, но не расставаясь ни с палицей, ни с бумерангом. — Надо смотреть собаке в глаза, — продолжал он апатично, — и называть ее любым именем, воображая себе, что разговариваешь с горячо любимым единственным сыном. Собака поймет.

— Ладно, — сказал пионер, — а зачем ты наврал чернокожим, что брумлеевская долина снова принадлежит племени Урабунна?

Гигант вызывающе свистнул и ничего не отвечал.

Дальнейшие расспросы Петька прекратил из-за крутого подъема, заставившего беречь дыхание.

Ни направо, ни налево они не пошли: видимо, гигант сильно интересовался альпийским спортом. Спустя полчаса после головоломного восхождения у пионера полезли глаза на лоб, и он ожидал неминуемого солнечного удара. Во время передышки, завоеванной им после долгого сло-

весного боя, взглянув на пройденный путь, он увидел внизу, далеко налево, медленно ползущую букашку-автомобиль. Бамбар-биу проследил его взгляд. «Сейчас грохнется», — сказал. И верно, букашка вдруг исчезла, потом до слуха туристов донесся заглушенный расстоянием протяжный гуд.

Приведя сердце в состояние 80-и ударов в минуту, Петька обрел силы для разумного протеста:

— Меня, — сказал он, — хватит удар, или сердце лопнет, если я стану брать эту чертову гору...

Перед ними вскинулась, оборвав собой каменистое плато, обширная круча из бурого песчаника. Песчаник, источенный водой и ветрами, рушился под ногами, как сахар-рафинад в стакане чая. Брать рассыпчатую кручу приступом, когда неумичивое солнце, потерявшее совесть, беленилось, пропекая насквозь, представлялось занятием в высшей степени потогонным.

Учтя это, а также упорство своего юного друга, Бамбар-биу поступил самоотверженно. Ведь увешанный оружием, стеснявшим его движения, он взвалил пионера на плечи и, действуя одной правой рукой и ногами (левая рука придерживала ерзавшие карабины), сжав челюсти, полез на кручу.

Несколько раз он срывался и на животе сползал вниз к исходному пункту. Пристыженный Петька начинал тогда копошиться: «Пусти, я слезу, я сам...», но в ответ получал протестующий рык сквозь стиснутые зубы. Однажды песчаниковая глыба, за которую ухватился Бамбар, двинулась им навстречу. Петька увидел зеленые глаза смерти с фиолетовыми разводами и уже считал себя сопричисленным к лику добрых ирун-тариниев. Но гигант прыгнул вбок, не глядя куда, и, на лету выхватив из-за пояса два ножа, обеими руками всадил их в рыхлый песчаник. Упал он на живот и на грудь, прищемив Петькины руки. Глыба пронеслась мимо, оглушив их песчаным вихрем...

— Вытри мне лицо, — попросил Бамбар-биу, напряженный, как согнутая сталь, потому что припиливался к горе по крутому откосу. Вытирая ему лицо галстуком, Пе-

тька отметил, что лицо это мокро, а глазные впадины за-
порошены песком: единственный раз за все путешествие
пошиб «ветрогона» пот.

Дальше он действовал ножами и страшными бицепса-
ми тяжелых рук. Карабины пришлось бросить, но когда с
кручей было покончено и Петька почувствовал под ногами
надежную горизонтальную плоскость, Бамбар-биу спустил-
ся вниз один и притащил их. У него была разодрана в кровь
кожа груди и воспалены глаза от песка. У пионера ныли
ссаженные локти.

Словно в издевку над измученными туристами, горы,
отдохнув на узкой терраске, снова взбросились круто и не
мягким песчаником, а уплотненным известняком, насупи-
стым и ломким.

— Я не по... — начал Петька, когда они соприкоснулись
с новым препятствием.

— ...лезу.... — кончил Петькину фразу неистомчивый
Бамбар, прыгая с уступа на уступ вверх, как по ступенькам,
и протягивая пионеру руку, удлиненную карабином. Петь-
ка повис на карабине, и гигант шутя выжал, его, как выжи-
мают атлеты-чемпионы двухпудовую гирию. Такое упраж-
нение он проделал трижды, а затем камень развергся тем-
ным узким лазом, из которого веяло влажью и живитель-
ной прохладой.

— Вход в Тартарары, — поведаль Бамбар-биу, — ты опять
скажешь не по...

— ...лезем! — энергично закончил Петька, ныряя в ла-
зейку первым.

Он смело двинулся вперед по ровному, как асфальтом
залитому днищу канала, то ощущая руками тесно надви-
нувшиеся гладкие стенки и потолок, то улавливая зрением
близкие отсветы с них. Спаленная кожа его отдыхала, со-
прикасаясь с мягкой прохладой встречного ветерка; ис-
сохшие мышцы, казалось, бухли, упиваясь влагой атмосфе-
ры. Но после десятка шагов тьма ослепила его и разруши-
ла настроение благополучия, он обернулся назад, чтобы по-
дождать друга.

Там, где Петька прошел, слегка наклоняясь, гигант сгибался под прямым углом или полз одnogорбым верблюдом, руками касаясь пола. Внезапно уткнувшись головой в Петькин живот, он пробурчал назидание.

— Путь в Тартарары легок для малышей и тяжел для нас, верстообразных. Ты чего стал?

— Желаю идти сзади тебя, — заявил пионер, — мои европейские глазенки ни гвоздя по обыкновению не видят.

— Бу-бу-бу, — отозвался гигант, проползая вперед, — ты думаешь, мои австралийские что-нибудь видят здесь?

Понемногу ход становился шире и выше; под ногами возникали шероховатости и неровности, претворявшиеся постепенно в остроконечные конусы, хрупкие и звонкие, как стекло. Стены отошли, потолок более не давил, и Бамбар-биу шел свободно, не нагибаясь. Чтобы не потеряться здесь, пионер должен был привязать себя к нему шкуркой черной ехидны.

— Излишняя предосторожность, Петух, — сказал гигант, не оказывая, впрочем, сопротивления. Через несколько минут он освободился от Петькиной привязки.

Он отошел шага на три в сторону. Над головами вдруг родился звук — будто дернули ржавую проволоку, ведущую к звонку. Звук, скрипя и стелая, уходил выше и выше, таял и таял, пропадая в глубине черной неведомости, и появился снова, преображенный в глухое дребезжащее «дзинг-дзинг-дзинг» где-то в зазвездной, казалось, выси.

— Иди сюда, пионер, — пригласил голос из близкой тьмы.

Растопырив руки, Петька побрел споткнувшись и вскоре наткнулся на своего друга, тоже вытянувшего руки. Последний безмолвно задрал ему голову кверху, и по этому направлению Петька стал смотреть.

Во тьме, на далеком-далеком своде, вспыхнул дневной свет; свет брезжил из круглой продолбины. Приглядевшись к нему, Петька различил, что продолбина была длинной, как колодец, трубой, вверху оканчивающейся пятнышком голубого неба.

— Теперь отойди, пионер, и закрой глаза.

Петька послушно отошел, но глаз не закрыл — из любознательности, в чем и раскаялся немедленно. Желтый солнечный луч, острый как нашатырный спирт, расклинив мрак от свода до пола, ударил ему в глаза и чуть не ослепил. Пионеру почудилось, что произошло землетрясение, что сотряслась вселенная и солнце сорвалось с неба и разбилось в куски и два искрометных осколка заскочили ему в зрачки...

Он оправился от ослепления и невыносимой рези, лишь затопив лицо свое потоками слез. Но желтые полосы, пятна и узоры, смещавшиеся перед глазами с каждым движением век и упорно возвращавшиеся на прежнее место, преследовали его еще долгое время.

— О чем, малец, плачешь? — будто с участием спросил Бамбар-биу, оясненный неведомым светом.

— Вспомнил, как ты животом царапал кручу, — отпарировал тот и повернулся к источнику света.

Из продолбины в своде на квадратное зеркало, заключенное в неуклюжей деревянной раме, падал солнечный столб. Отразившись от зеркала, установленного на полу под известным углом, он далее шел в виде светового потока в направлении, параллельном земле. Этот поток, висая на высоте двух метров, горящим лезвием пронизал тьму и зажигал алмазы в белоснежных известковых натеках, которыми щедро была украшена подземная галлерей.

Галерее конца не было видно, и бесконечным казалось чудесное лезвие, истончавшееся, чем дальше, тем больше, до острия янтарно-цветной иголки. Высокие своды терялись в темноте: туда волшебный свет не достигал; со сводов свисали хрусталевидные мерцавшие солнцем сосульки, сосули и сосулица, навстречу им поднимались колонны — узорчатые, витые и гладко-отполированные; одни из них упирались в свод, другие тупо или остро кончались на середине, третьи — совсем крошечные — расползались в подземьи уродливыми зверьками, толстобрюхими идолчиками, человеческими фигурами, могилами, памятниками, кафедрами, шкапиками, свешниками и бесконечностью других самых разнообразных предметов. Думалось: все это жи-

ло когда-то или служило разумным целям и — вдруг, под жезлом волшебника, заснуло на века и окаменело безнадежно. И думалось: напрасно старается Бамбар оживить небесным огнем умершее, рассвечивая алмазами каменную неподвижность.

— Чье это царство, Бамбар?

— Мое. Царство сталактитов и сталагмитов. Пойдем. Некогда. Расскажу на ходу.

Но рассказал Бамбар-биу не на ходу, а на бегу:

— Через три часа мы должны быть в Ист-Элисе, — объяснил он, — надо рысцой...

И вот, по галлереям, залам, колоннадам, по узким коридорам, по обширным гротам, среди каменных чудовищ и сооружений, среди огнецветных брильянтов друзья пустились рысцой в неизменном соупутствии повисшего над их головами солнечного потока.

— В известковых горах всегда встречаются пещеры, — начал Бамбар-биу. — Дело в том, что известняк легко растворяется водой. Дождевая вода и вода от таяния снегов и ледников, просачиваясь через толщу его, всегда находит в нем трещины или небольшие пустоты, которые ею заполняются, размываются, увеличиваются; размытое уносится дальше, глубже, новые потоки воды, продолжая разрушение, из трещин постепенно образуют полости, из полостей пещеры, из пещер громаднейшие подземелья. Есть подземелья, которые тянутся на сотни верст.

Когда подземелье готово, та же вода принимается за украшение его. Просачиваясь сквозь своды, она оставляет на внутренней поверхности их часть тех солей, что принесла с собой из длинного пути. Эти соли (тот же известняк) образуют на сводах блестящий натек, свисающий вниз. Новые воды приносят новые соли, откладываются новые осадки, натек увеличивается и увеличивается, достигая порой гигантских размеров. Это так называемые сталактиты.

Стекаая со сталактитов, вода падает вниз и здесь, испаряясь, оставляет после себя последнюю часть своих солей в виде налетов, которые так же постепенно растут, но растут уже вверх, как причудливые сооружения, так называемые

сталагмиты. Иные сталагмиты, как ты видел, сливаются в одно целое с ниспускающимися со сводов сталактитами, и тогда возникают колонны...

Как для образования пещер, так и для украшения их, понятно, требуются века кропотливой работы... — закончил Бамбар-биу и перевел свой аллюр на добрую рысь.

— Экий торопыга, — подумал Петька и, чтобы не отстать, пустился в галоп.

Под упругим размеренным шагом гиганта чуть хрустели сосульки, устилавшие пол галлерей; под взбросом беспорядочных ног пионера они стесали журливо и брызгались в стороны звенящими клиньями.

Отрысыв километров пять, Бамбар-биу задержался у поворота подземной анфилады. Здесь солнечный ток буравил стену рядом с дощатым квадратом, укрепленным на чугунном стative. Такой же квадрат пониже, правее и отступя от первого смотрел на друзей своей лицевой стороной — зеркальной. За поворотом начинался мрак. Бамбар-биу повозился с первым квадратом и установил его лицевой стороной, тоже зеркальной, под легким наклоном книзу, навстречу лучу. Зеркало поймало луч и отбросило его туда, где находился второй квадрат. Когда и этот второй был установлен по законам оптики, мрак, заполнявший продолжение анфилады, прорезался искристым лучом.

Еще пять раз, пятью остановками, прерывался поспешный бег друзей, и каждый раз Бамбар-биу вспоминал физику, чтобы подчинить расположение зеркал законам отражения света.

— Мое изобретение, — горделиво высказался он, не дождавшись от Петьки наводящего вопроса. — Обошлась мне в триста долларов, — триста долларов, пожертвованных одним буржуа, который разнежился... под дулом револьвера.

— Ведь земля движется, а твои зеркала неподвижны, — сказал тогда Петька, пытавшийся самостоятельно разрешить загадку. — Кто-нибудь вертит тот колодец, через который проходит первый луч?

— Старый Алкалинта, что значит Разрушенные Глаза, мой старинный друг, живет в шалаше у колодца на высоте

600 метров, — отвечал Бамбар-биу. — Это он освещает нам путь, следя за зеркалами н а д к о л о д ц е м, но он ничего не вертит, как ты выразился, а только контролирует изредка часовой механизм, вращающий зеркала...

Они достигли конца подземелья, пробыв в пути ровно три часа. Здесь у стены стояла последняя система зеркал, но Бамбар-биу не тронул ее, так как поворот отсюда мог быть только в обратную дорогу. Он приблизился к стальному рычагу возле стены, имевшему, как у железнодорожной стрелки, тяжелый диск на свободном конце, положил на него руку и ожидающе поднял лицо. В следующее мгновение дрогнул световой поток и пропал.

— Понимаешь теперь, почему я так спешил? — во тьме обратился Бамбар-биу к пионеру. — Старый Алкаланта — с небольшим норовцем человек и с ленцой. Он ассигнует на прохождение подгорного пути всего три часа и ни секунды больше. Просидев три часа у контрольного механизма, он закрывает его и важно удаляется в шалаш ловить горных блох...

С последними словами всю тяжесть своего тела он обрушил на рычаг. После небольшого сопротивления рычаг поддался с собачьим визгом, и в стене открылась сумеречная щель. Бамбар-биу отскочил в сторону, взял пионера за плечи. Отверстие в стене ширилось, струя слабый свет. Когда оно достигло размеров, способных пропустить существо небольшого роста, гигант толкнул в него Петьку. Тот проскочил, опираясь на убегающую выпуклость камня. И только-только успел вслед за ним пролезть Бамбар-биу, — в стене гзякнуло что-то, и камень, чавкнув, плотно стал на старое место.

Друзья очутились во второй пещере, громадной пещере, но затоптанной, проплеванной, ошарпанной. Сталактиты глядели со сводов отшибленными носами, сталагмиты — расковыренные, исцарапанные и обитые — носили на себе имена и фамилии славных экскурсантов. Как в покинутой квартире, пол пещеры был засорен бумажками, окурками и соломой. Свет в нее проникал через расщелину в передней стене, служившую входом.

Запечатлев в памяти своей обстановку и приметы тайника, пионер нагнал гиганта у самого выхода и вместе с ним покинул прохладу и сумерки подземные ради зноя и блистания солнца.

3.

Из-под тропика Козерога — в Крапивецк за пять минут

— Скажите, гражданин, папа мой все еще здесь живет?
— под окном, к которому я сидел спиной, прозвенел тонкий, с катушечную ниточку, голосок.

Годам моим приличествует степенность, но я перевернулся на стуле с ловкостью и быстротой ярмарочного петрушки.

— Вера? Если не ошибаюсь, Вера? — спросил я, моргая от волнения левым глазом: правым я так и не научился моргать.

— Да, я Вера, дочь техника Лялюшкина, который жил в бане...

Я не знал, что делать, я потерялся, как гривенник из худого кармана.

— Бабушка на дворе, вешает белье... — пробормотал я и стал глядеть исподлюбья.

Девочка вытаращила глазенки и немножечко от меня отшатнулась:

— Но... папа? Я про папу... Бабушке я скажу «здравствуйте», если она на дворе...

— Ты скажешь «здравствуйте», а вот что она тебе ответит — неизвестно.

— Почему неизвестно?

— Потому что она тебя спросит: где Петька?

Будучи от природы остро-наблюдательным, я тотчас заметил, что от последних слов моих дочь техника, Вера, собиралась плакать; она еще не сморщилась и ни разу не всхлипнула, но из глазенок ее выкатились два прозрачных ядрышка и звучно шлепнулись на тротуар. В то же время мой тонкий слух уловил грохотанье ведрами в сенцах. Возвращалась бабушка: за последнюю неделю она постоянно

грохотала — ведрами, корытом, ухватами, самоваром, посудой, ботами и всякими другими предметами, которые ей попадались на глаза, под руки или под ноги. Характер у бабушки изменился неузнаваемо. Лялюшкина она терроризовала кочергой, так что он, не вылезая, сидел в своей бане; меня муштровала каждый день, как в проклятое старое время не муштровали и новобранцев.

Схватив фуражку, я выбросился в окно.

— Бежим скорей, — шепнул я одеревеневшей Вере, подхватил ее и увлек вниз по Роговой улице.

На ходу я объяснился:

— Петька полетел отыскивать тебя. И вот ты вернулась, а его до сих пор нет. Теперь бабушка съест живьем техника, его баню, тебя, твои косички, а заодно и меня вместе с очками...

— Вместе с очками... — выдохнула Вера, бледнея.

Возможность съесть мои очки, такие огромные, со стальным ободком и толстыми стеклами, поразила ее больше всего.

— Клянусь солнцем! — подтвердил я ей, ничуть не сомневаясь, что сказал святую истину. Если бы бабушка узнала, как я удрал через окно, чтобы объяснить все Вере, жизнь моя и моих очков с того мига повисла бы на паутинке.

Я повел Веру в обход квартала, на улицу, параллельную нашей, куда, упираясь в высокий забор, выходил пустырь.

Я забросал ее вопросами: как далеко она улетели, почему вернулась без ялика, где ялик и знает ли она что-нибудь о Петьке?

О Петьке она ничего не знала, кроме одного, что он когда-то обещался ей показать, как царапается кролик, если его взять не за уши, а под пузочко. О своем же путешествии она рассказывала так:

— Когда лодочка стрельнулась от папы вверх, я висела вверх тормашками. Наверно, я обморочилась...

— Обморочилась — это значит?.. — робко спросил я.

— Это значит, обморочилась, — пропела она и продолжала дальше: — Кто меня перевернул потом, не знаю. Может, воздух, который дул, как сумасшедший, и гудел во рту.

Во-от... Подо мной текла большая река с пароходами, про которые рассказывал Петя. Пароходы — так себе, мне не понравились: писклявые какие-то и игрушечные...

— Ты летела высоко? — спросил я.

— Люди были головастыми кнопочками, — отвечала она, — с крокодильими ножками, дома — как шалашики, с одними крышами. Во-от. Когда я пролетела море (потом мне сказали: Каспийское), я догадалась, что можно умереть с голоду, если не покушать в свое время. Но была пустыня, и я летела-летела, летела-летела, пока не показался город. Город Огламыш — магометин, — потом мне сказали. Я опустилась на его главной улице. Ко мне подошли седые люди с полотенцами на головах и в халатах, — похожи на татар. Они отвели меня в свою церковь-мечеть с месяцем на крыше. Здесь я покушала лепешками и сыром овечьим. Вот...

— А ялик? Как же ялик? — спросил я.

— Ялик улетел, как сумасшедший, когда я с него слезла, — спокойно отвечала девочка.

— Ты забыла прикрутить рычажки!..

— Ничего я не забывала, вот еще!.. Но мне некогда было, потому что люди хотели убежать, а я хотела есть...

— Потом?

— Потом я пожила немножко в этом магометином городе у председателя исполкома ихнего, Ширмамедом его зовут, чудной такой, говорит: «Малынька товались, ходы на мина пылавь кушат», это по-туркменски, а по-русски значит: «иди обедать», хи...

— Гм, — сказал я.

— Ничего не «гм». Я знаю: вы там не жили, а я жила. Вот... Потом Ширмамед купил мне билет. Я ехала через Каспийское море, а потом от Астрахани сюда — по железке. Я хочу скорей папу видеть.

Тем временем мы подошли к забору по Остроженской улице, и я, выбрав щелку, стал разглядывать пустырь и баню.

— Аркадий Иваныч, Аркадий Иваныч, — закричал я, увидев техника — небритого, похудевшего и осунувшегося техника, который тоскливо волочил ноги от бани к сарай-

чику, беспокойно озираясь на бабушкин домик.

— Я есть Аркадий Иванович, — устало и нехотя отвечал он, подходя к забору, — кто это здесь разорался?

— Па-а-па! — взвизгнула Верка, забив ногами землю, просщую одуванчиками: эта улица у нас не главная, поэтому она не мощеная и без тротуаров.

Далее, посадив Веру на забор и дождавшись ее благополучного снижения в объятия сразу помолодевшего на десять лет отца, я побрел по улице, сгорбившись и безнадежно взывая:

— Ах, Петька, Петька, собачий хвост, где ты есть и вернешься ли ты?

Из благоразумия я провел эту ночь не дома, а в Кремлевском саду на лавочке.

4.

Перевалив хребет Мак-Доннелля и тропик Козерога...

Перед самым выходом из пещеры, на расстоянии каких-нибудь десяти метров от нее, на каменистом куполовидном холме приткнулся аккуратненький домик в четыре окошка, крытый толем, со стенами, выложенными изразцом. Мимо него проходила широкая дорога, выбитая в камне; одним концом, ближним, она упиралась в пещеру, другим — вела в город. Город расположился внизу по обеим сторонам реки в глубокой зеленой ложбине.

Оглядевшись, Бамбар-биу пригласил Петьку следовать за собой без мешкотни. Он быстро прошел к домику. В дверях их встретил высокий, чугунолицый, чернобородый.

— Добро пожаловать, — сказал он по-английски, — давненько тебя не видывал.

— Говори по-русски, — отвечал Бамбар-биу, — этот малец тот самый русский...

— Ааа... — Лицо в колючем ореоле непокорных, черных с проседью волос посмотрело на Петьку с большим вниманием.

Бамбар-биу представил широким жестом:

— Айра Доггед, ученый, антрополог, химик. Пионер Петька, аэро-путешественник.

— Очень приятно, — сказал Доггед, раскатившись на букве «р» и близкого знакомства с русским языком не обнаруживая: — Я вами наслышан.

Айра Доггед представлял собой человека не менее интересного, чем гигант Бамбар-биу. Они были одинакового роста, этим походя друг на друга, но тут сходство и кончалось. Доггед имел резкое скульптурное лицо: квадратный, как обрубленный со всех сторон, лоб; нос — словно обтесанный по линейке; губы — два тонких прямоугольника.

Цвет кожи его был цветом полированного чугуна. Глаза — не глаза, а глазища, притаившиеся под лобным квадратом, — горели черными брильянтами в оправе иссиня-белой роговицы.

Они вошли в комнату, которая имела вид антикварного или этнографического магазина, пришедшего в упадок. Беспорядочные груды книг со старинными кожаными переплетами и застешками из зеленой меди перемешивались с первобытным оружием, утварью и идолами с Полинезийских островов, с грубыми пестрыми нарядами дикарей; скелеты и отдельные кости ископаемых зверей — с чело-веческими черепами — желтыми, беззубыми, дыроглазыми, бесчелюстными.

Посмотрев с сомнением вокруг себя и вымолвив с твердым порицанием «ну, беспорядок», Доггед провел гостей в соседнюю комнату. Если в первой все говорило о первобытном хаосе, во второй — белый кафельный пол, эмалированные стены, блестящее химическое оборудование напоминали пришельцам не о заре человечества, а о XX веке, веке сложной техники и точных наук. Отодвинув от стойки два табурета на длинных ножках, Доггед предложил гостям садиться. Бамбар-биу отказался, Петька же, усталый после гонки, с удовольствием оседлал длинноногий табурет, вымерив предварительно все движения, чтобы не растянуться на кафлях. И все же табурет провез его немного, посвистав ножками о пол.

— Что могу служить? — спросил Айра Доггед, разглядывая без церемонии голое тело гиганта.

— Две просьбы, — отвечал тот. — Прежде всего не мешало бы мне одеться, а затем — приюти пионера на час- другой до моего возвращения.

— Перрвое буду исполнять с удовольствием, второе без никакого. Прроди ты в ту комнату и выбери себе по вкусу любой костюм.

Не интересуясь, почему ученый отнесся к Петьке «без никакого» удовольствия, Бамбар-биу скрылся в указанной комнате.

Хозяин пыхнул ему вслед черным огнем из зрачков и перенес свое внимание на пионера. Его взгляд угнетал, как взгляд королевского тигра.

— Маленький мистер давно из России?

— Это я, что ль? Еще месяца нет, — быстро отвечал пионер, желая скорейшего возвращения гиганта.

— О! Не читал ли мистеpp Петька последний статья ррусской химик Шлиппенбах?

Петька тоскливо оглянулся на дверь. Внутренне вскипятившись, подумал «издевается черная мохнатина», но отвечал с холодной вежливостью, которую перенял от Бамбар-биу:

— Мы, сэр, еще не проходили в школе химических наук.

— Как жаль. Наши мальчики химия учат.

Он бросил беглый, острый взгляд на Петькин револьвер, прикрыл заслонками век недоброе пламя глаз и повернулся вместе с табуреткой к микроскопу на стойке. К радости пионера, микроскоп оказался для него более интересным, чем бесплодный разговор.

Вернулся Бамбар — изящный джентльмен, неузнаваемый, перерожденный. В цилиндре, с крахмальной грудью, белыми перчатками, он мог бы теперь сойти за социал-демократического представителя в парламенте.

— Ты знаешь, Айра, цель нашего прибытия? — спросил он и, предупреждая ответ, поторопился досказать. — Мы рассчитываем освободить из тюрьмы маленького белого человека.

— Почему ты не говоришь пррямо: белая девочка?

— Если это девочка, тем лучше, — Бамбар-биу опустил глаза на узкие носки своих ботинок. — Тем лучше, — повторил он, — пионер как раз ищет девочку... — И посмотрел задумчиво-нежно в сверкнувшие мрачной иронией глаза черной мохнатины. — Кроме того, — добавил он, — я думаю нанести визит одному высокопоставленному лицу, вот почему я нарядился в твой выходной костюм.

— Очень хорошо. Ты сейчас уходишь? А если ты не вернешься?

— Я вернусь, — изящным движением пальцев, одетых в перчатку, Бамбар-биу оттенил сквозь ткань сюртука выпуклости двух маузеров.

— Ну, смотри. Должен тебя предупредить. Утром, слушая радио последние новости, я узнал, что в эту ночь известный анархист совершил налет на пастбище мистера Брумлея...

Беспечно направлявшийся к дверям гигант гневно обернулся.

— Почему ты не сказал об этом раньше? Петух, нужно было догадаться, что у них есть радио-передатчик. Теперь обстановка меняется резко. Но я пойду, все равно. Подари мне, Айра, одну из твоих хлопушек.

Петька увидел, что на его друга опять свалился приступ дерзкой отваги. Она была уместна в пустыне, но здесь, в городе... С высоты своего табурета Петька испустил негодующее «эх!»

— Не пыхти, пионер. С твоей «игрушкой» ты везде в безопасности. Сколько у тебя осталось зарядов?

— Хватит, — отвечал Петька, перед этим только что заполнивший свежими патронами пустые гнезда револьвера.

Айра Доггед обыденным движением извлек из кармана брюк кругленький белый предмет — алюминиевое яблочко с медным черешком-капсюлей.

— Посмотрите на него! — воскликнул Бамбар-биу с усмешкой, — у него бомбы хранятся в карманах. Видал ты такого оригинала?..

— Не урони, — сказал Доггед, передавая «яблочко», — уронишь, я никогда не увижу мой парадный костюм, ай-ай-ай...

Бамбар-биу ушел, и снова Петька почувствовал себя объектом пристального, неприятного внимания.

Доггед с минуту разглядывал его в упор, сверлил черными глазищами, потом подошел тигриной походкой и протянул руку:

— Мистерр Петух дает мне один патрон, красная головка, на память...

Может быть, пионер и не отказал бы ему в этой просьбе, если б — другой подход; но противная вкрадчивая тигристость заставила его отшатнуться, свалиться с табурета и больно ушибить ягодицы.

— Проваливай, — сказал он басом, скользя по кафлям на животе и благодаря этому избегнув цепких рук мохнатины.

Топот ног в передней комнате отвлек Догтеда от пионера. Он поспешно занял место у химических приборов на століке, едва успев крикнуть:

— Спрячь рревольверр, но дерржи наготове.

Дверь распахнулась. Дула ружей. Бородатые лица. Красные мундиры. Трое жандармов ввалились в комнату. Дальнейший разговор шел на английском.

— Попрошу господ не трогаться с места! — выразительно произнес старший жандарм.

Наперекор его просьбе Айра Догтед встал с табурета — громадный, сухой, оскорбленный, держа в руках колбочку с густым ярко-малиновым сиропом.

— Попрошу объяснить, на каком основании врываетесь вы в частную квартиру? — Он вопрошал с внушительностью премьер-министра и еще более внушительно вертел в нервных руках колбочку, к которой невольно приковались взоры всех.

Жандарм, попросивший «не трогаться», слегка вытянулся, сохраняя, впрочем, достоинство, и объяснил:

— Мы видели, сэр, к вам вошел известный преступник, носящий кличку «Бамбар-биу» и еще «1111».

— Не отрицаю, — веско отвечал Догтед, поднимая острый палец, — человек, которого вы называете так странно, был у меня, прося хлеба, и я, как истинный христианин, не мог отказать ему. Но теперь этого человека здесь нет. Он ушел пять минут тому назад, переодевшись у меня в женский наряд. Позвольте, я не кончил. Предвидя ваш вопрос, доложу: он принес с с о б о й узел с платьем, и я не видел необходимости помешать ему переодеваться.

— Очень хорошо, сэр. Мы не можем не верить вам, но вы, без сомнения, разрешите нам бегло осмотреть вашу

квартиру. Бегло, очень бегло.

— Вы уже видели эти две комнаты, остается третья. Я дам вам свое разрешение, но... позвольте, — его голос дрогнул трагически, и руки с колбочкой заплясали. — Как честного ученого и гражданина без малейшего пятнышка на своей репутации, подобный обыск меня глубоко возмущает...

— У нас есть предписание, сэр...

— Тем хуже. Вы видите, как дрожат мои руки. Я не поручусь, что во время обыска они не выронят этой колбочки. А если она упадет, ото всех нас останется жалкий прах.

Старший жандарм протянул руку:

— Разрешите, сэр, я ее положу на столик.

— Я не могу доверить ее вашим неловким рукам, — отвечал Доггед, отстраняясь и едва не роняя малинового своего сиропа.

— Хорошо, сэр, — жандарм попятился, рысьим глазом заглядывая в открытую дверь третьей комнаты и пронзив пионера насквозь, — мы уйдем сейчас, но разрешите нам прийти, когда у вас будет более спокойное настроение?

Жандармы ретировались, стараясь ступать мягко и деликатно. Доггед запер за ними дверь, а вернувшись, расхохотался во всю глотку:

— Вы поняли что-нибудь, мистерр Петька?

— Нетрудно было понять, — отвечал пионер, — вы угрожали им этой жидкостью?

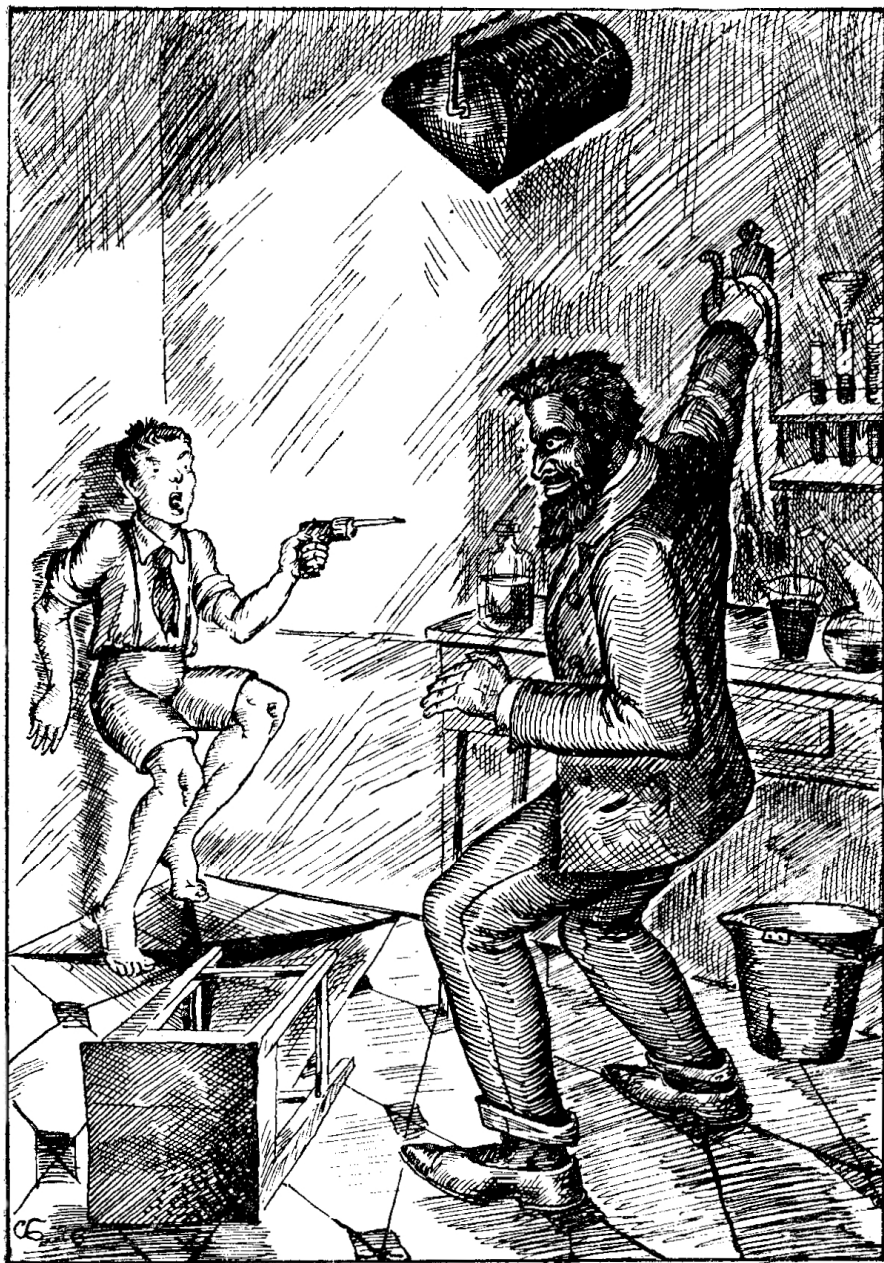
— Да, я угрожал. Эта страшная жидкость — слабительное, которое я делал для одной лошади.

Затем, спохватившись, он подошел к окну, выходившему на город, и опустил красную штору.

— Теперрь, сэрр, разрешите мне осмотрреть ваш рревольвер, — это он заявил голосом, не допускающим никакого протеста, наступая на пионера тенью от грозовой тучи.

— Отойди, лохматина! — завопил Петька. — Пристрелю, увидишь, пристрелю.

— Зачем «лохматина»? Зачем «пристрелю»? Человека убивать тяжело, мальчика.

Доггед загнал пионера в угол. Не видя иного исхода, тот положил палец на собачку и крикнул в последний раз: «Не дури, образина!» Следивший за его пальцами остро, Доггед всем корпусом вильнул в сторону к стене и, будто поскользнувшись, уцепился за крючок для полотенца. Под пионером расступился пол широкой воронкой. Пионер опустил курок, пролетел вниз жуткое количество метров и упал в воду. Над ним, как сказочный леший, греготал мохнатый чернец...

Имея при себе свою «игрушку», Петька не испытывал особенного страха, какие бы переделки ни сыпались на него. Сунув револьвер в кобуру, он выплыл на поверхность прогнившей зеленой воды и спокойно убедился в том, что свободно достает ногами дно. Он снова вынул револьвер и отошел из-под зиявшего люка в сторону. Намерения у него были честные: проучить мохнатого человеко-тигра.

Через люк брызнул свет сильного электрического фонаря. Петька отошел еще дальше. Сноп лучей тыкался бес толково, просвечивая зеленую воду до дна и выдавая растерянность той руки, которая двигала им. В люк свесилась голова в ореоле жестких волос, края воронки сильно сужали ей поле зрения. Голова исчезла и вместо нее распустилась вниз веревочная лестница; она оканчивалась, далеко не достигая воды. По лестнице с фонарем на груди стал спускаться Доггед. Петька не любил волокиты, поэтому, не затягивая дела, выстрелил. Доггед сначала повис на одной руке, капельку помотался на ней и, сорвавшись, принял ароматную ванну в полном объеме.

Петька не желал бесславной кончины ближнему своему, хотя ближний этот вел себя свиньей порядочной. Нащупав парализованное тело ногами, он вытащил голову его на поверхность воды. Но свинья осталась свиньей до конца: как ни скакал пионер, лестница для него была недостижима. Пробовал он использовать тело мохнатины в качестве опоры, но оно бессильно складывалось пополам, вроде испорченного перочинного ножичка...

Тогда с фонарем Петька отыскал мысок, выдававшийся из стены, и на этот мысок отволоч своего поднадзорного.

Затем, уподобившись Перуну-громовержцу, открыл огонь «красными головками» по всем четырем стенам водяного склепа. Молнии яро грызли камень. Стены трескались, осыпались, рушили в воду целые плиты и глыбы, повышая ее уровень, но упорно не желали дыряться и пропустить дневной свет. Только Петька был упорнее камня.

После ряда бесплодных залпов он прекратил стрельбу и исследовал стены на звук. В том месте, где звук был всех гулче, сосредоточилась теперь его электрическая долбь. На третьей атаке стена сдала. По спавшей воде Петька достиг места пролома и очутился в известняковом овражке.

Петька на собрании ист-элисских пионеров

О существовании развеселого мистера Доггеда Петька забыл, едва почуял свободу. Предстояло высохнуть и развеять ароматы, оставшиеся на память от склепа. Не спеша, купаясь в волнах жаркого воздуха, он пополз вверх по оврагу, одновременно имея в виду произвести рекогносцировку.

Первым, что бросилось ему в глаза, были красные мундиры в пещере за домиком. Бамбар-биу мог влипнуть в историю. Петька решил предупредить его. По оврагу, имевшему направление на город, он рысью пустился в путь.

Когда овраг неожиданно свернул вправо, Петька бросил его и вышел на шоссе. Его одежда высохла, потеряла все свои запахи, но вида праздничного отнюдь не имела. Не остановленный никем, — а встречных было много: фермеры на повозках, городские извозчики, велосипедисты, — он смело вошел в город. Пионерский его костюм ни в ком не вызывал удивления.

Город калился в послеполуденном зное. Чистенькие линованные улицы, вымощенные гладкими брусками из эвкалиптового дерева, были почти безлюдны. В домиках — одно-и двухэтажных, из серого камня — на окнах висели плотные шторы. С видом скучающим и разочарованным на перекрестках улиц кое-где торчали темнокожие полисмены.

В каждом редком прохожем, одетом по-европейски, Петька видел своего друга Бамбара-биу. В это заблуждение его вводил рост ист-элисцев: рослые люди населяли Ист-Элис — рослые, худые, энергичные.

Проходя мимо сквера с памятником какому-то высохшему детине, Петька увидел пионера — самого настоящего австралийского пионера с примесью темной крови. Он шел

быстро, деловой походкой, пересекая сквер. Петька задохнулся и пустился ему наперерез.

Они столкнулись на середине сквера и одновременно подняли руки для приветствия. Из английского лексикона Петька свободно располагал тремя фразами: литль бой — маленький мальчик, малыш; гуд дэй — добрый день и хау ду-ю-ду — как поживаете или что поделяваете. Фразы эти, повторяемые часто Бамбар-биу, застряли у него крепко. Ничтоже сумняшеся, как говорили в старину, Петька выложил их, для выразительности оттеняя фразу от фразы долгими запятыми:

— Гуд дэй, — литль бой, — хау ду-ю-ду!

Приветствуемый им «малыш» был на голову выше его, нужды нет: на приветствие он улыбнулся ласково и наговорил Петьке короб загадочных по смыслу и приятных по интонациям слов. Тогда Петька решил сказать, что он есть русский.

— Решен? — переспросил пионер и, ухватив его за руку, потащил за собой с энергией урожденного австралийца.

Приятно безмолвствуя или говоря каждый о своем, они подошли к одноэтажному дому с цветистой вывеской над крыльцом. Пионер-австралиец в вывеску гордо ткнул пальцем. Там над кучей непонятных слов парил понятный и родной ему символ: серп и молот по ржаному полю, осеняемые красноармейской звездой. Далеко докатилась красная звездочка... Петька решил, что в доме находится пионерская унгуня, а когда высказал свое соображение вслух, сделал немного позднее открытие: иностранный товарищ его великолепно объяснялся на языке Урабунна.

Теперь, имея между собой более крепкую связь, они — радостные, излучающие радость — вошли рука об руку в дверь, которую им открыл белолицый и конопатый, как Петька, пионерчик, хмурившийся порицательно.

В комнате, где висел портрет Ленина (Ленин во весь рост на солнечном Кремлевском дворе), где были портреты других вождей революции — иностранных и советских, и алые ленты скрепляли их в одну нераздельную семью; где карта

земных полушарий полыхала на севере великого азиатско-европейского материка красным огнем, — шло пионерское собрание. Человек 15 парнишек и 5-6 девочек, красногалстучных, загорелых и крепких, что-то обсуждали серьезно. Опоздавшему стали делать выговор (веснущатый особенно их всех бубнил), но несколько слов, сказанных им в ответ, заткнули рот и веснущатому Джону Плэки и остальным двадцати насупленным. От порицательного настроения осталась пыль в воздухе и то только потому, что председатель собрания в раже стукнул рукой по столу.

Среди пионеров нашелся один, который знал русский язык. Это был Яков Бэр, застенчивый парнишка, родители его выехали из России после революции 1905 года. Остальные все или разговаривали на языке Урабунна или свободно понимали его. Пользуясь и тем и другим языком, причем с русского переводил Бэр, Петька сделал собранию экстренный доклад.

Он не скрыл, что в Австралию попал случайно, рассказал о начатой своей работе среди темнокожих ребят и дал ответ на отдельные вопросы интересовавшихся жизнью пионеров в Советском Союзе.

Форма ведения заседания в виде задавания вопросов и немедленных ответов широко применялась у австралийских пионеров. Гарро Грити, председатель собрания, шоколаднокожий мальчуган с типичным австралийским носом, дал ответ Петьке на вопрос о коммунистическом движении в Австралии.

Он сказал, что АКП — австралийская коммунистическая партия — немногочисленна: в ней около 10.000 членов при 6.000.000 населения, но руководящее положение в профдвижении принадлежит ей. В последнее время она жестоко преследуется правительством, в котором сидят и представители рабочих — социал-демократы. Он сказал, что социал-демократы, главным образом вожди их, мягко говоря, являются лакеями и прихвостнями буржуазии, а говоря тверже — навозом, по которому соскучилась рабочая лопата.

Гарро Грити сказал еще, что в коммунистическую партию не втянуты из-за своей отсталости и из-за неприступности Центральной Австралии дикарские массы, за редким исключением, каким, между прочим, является его отец, но метисы, которых в Австралии около 300.000, как видит русский пионер по настоящей коммунистической детской группе, не являются в партии редкостью.

На собрании из 20-и человек половина была смешанной крови.

Гарро Грити на следующий вопрос Петьки отвечал, что Австралия представляет собой доминион, т. е. как бы отделение Великой Британии, но отделение с мало зависимым или почти независимым от английского правительством; в нем две палаты, сказал он, куда давно уже входят представители рабочих, и ответственное министерство. В вопросах военных и некоторых других вопросах оно зависимо от великобританского правительства, но, сказал Гарро Грити, совсем не далек тот момент, когда Австралийская федерация отколется от великой своей мамы и поведет жизнь самостоятельную, как это было в свое время с Америкой, как это будет со всеми ее колониями и доминионами.

Далее заседание с вопросов официальной информации сбилось на вопросы почти семейного характера. Виноват был Петька. Он спросил, слыхали ли австралийские товарищи о некоем Бамбар-биу и если слыхали, то — что?

— Ого, куда загнул! — воскликнул Гарри Файлер, пионер, рыжий как морковь.

— Разрешите, я скажу! — выскочил родственник Петькин, веснучатый Джон Плёки.

— Нет, я! Я лучше знаю, — сказала Лиука Ункара, пионерка с бронзовым цветом кожи.

— Говори, Лиука, — разрешил председатель.

— Бамбар-биу — это странный человек и страшный человек, — заговорила Лиука под тихий аккомпанемент переводчика Якова Бэра. — С коммунистами он не ладит, и коммунисты не могут с ним ладить, потому что он анархист. Бамбар-биу громит банки, и богатые квартиры, когда ему нужны деньги — правда, не для личных целей. Взры-

вает дома и убивает людей, не считаясь с тем, что вместе с людьми, на которых он обрушивает свой гнев, зачастую погибают невинные люди, как погибла моя мама, служившая поварихой в одной богатой семье, как погибли многие другие, такие же невинные... И всегда при этом он выдает себя за коммуниста, покрывая незавидной славой коммунистическую партию...

Выступил Марра Виллѐс, очень смуглый пионер и очень серьезный:

— Бамбар-биу — человек, не стесняющийся в средствах. Воображая, что он ведет к освобождению свой народ, он ему копает могилу, так как навлекает на него мстительное устремление капиталистической своры. И ничем иным, как фатальным родством Бамбар-биу с племенем Урабунна, можно объяснить последний, произведенный Брумлеем захват земель у племени Урабунна. Правительство взглянуло на эту проделку сквозь пальцы, обильно смазанные...

— Вообразать, — с места добавил Гарри Файлер, — что силами одного человека, как бы ни был этот человек силен и умен, можно сделать революцию или, по крайней мере, заставить капиталистов не быть капиталистами, воображать это — более чем смешно, хым. А Бамбар-биу не только вообразает, но и действует весьма энергично в этом смешном направлении.

Пионер, приведший Петьку, Мартин Уиллер тоже счел необходимым добавить кое-что:

— Бамбар-биу не признает выступления массами. По его убеждению, революции творятся единичными лицами, и длительной, кропотливой подготовки к революции он не признает. Немедленный кровавый террор и притом единоличный — вот его программа. Я спрашиваю, не враг ли он нам?

Последним высказался председатель Гарро Грити:

— Бамбар-биу бывал в больших переделках и выходил из них целым, но когда-нибудь он вляпается по-серьезному, и его дело умрет вместе с ним, как дело беспочвенное, не имеющее корней в массах. Враг ли он нам, спрашивает Мартин. Я отвечаю твердо: да, враг, потому что он смеши-

вает с грязью имя коммуниста.

Петька растерянно чесал затылок перед такой категоричностью своих австралийских товарищей.

— Ну, а кто такой Айра Доггед? — спросил он.

Собрание отвечало согласованным хором:

— Бандит.

А Плёки Джон басом дал прилагательное к бандиту:

— Ученый.

* * *

Петька посмотрел на часы: он провел в отсутствии достославного своего друга целый час. Вообще — следовало прекратить с ним знакомство, но затеянное дело нужно было довести до конца. Петька заторопился и самым бузотерским образом прервал Якова Бэра, который, взяв слово впервые, застенчиво давал более полную характеристику ученому бандиту, Айре Доггеду.

— Товарищи, мне нужно уходить, — сказал Петька, — и я прошу, чтобы вы дали мне помощника или руководителя, как хотите, для дальнейшего обучения ребят «Ковровых Змей».

Яков Бэр оборвал свою речь и, грустный, занялся переводом.

Все члены собрания немедленно выразили свое желание быть сотоварищами русского пионера в начатом им деле. Вспыхнула буйноголосица, которую председатель Грити с трудом ввел в русло.

— Какими путями русский товарищ думает доставить в общину Ковровых Змей этого помощника? — спросил он.

— И будет ли ему всегда обеспечена возможность обратного возвращения? — добавил Боб Бекер, толстый и круглый, как забытая на гряде редиска, пионер, жевавший булку.

— Как я его туда доставлю, пока не знаю, но ручаюсь, что доставлю, — отвечал Петька. — Насчет возвращения: в

любую минуту он может вернуться в город, для этого я располагаю известным вам воздушным яликом.

Все двадцать человек еще буйней взголосоили, выражая свою охоту, но Петьке требовался всего один, и этого одного он давно облюбовал из 20-и, а именно, Джона Плёки — парнишку худощавого и невеликого, но задиристого в меру, который не только по незначительному своему весу, но и по желтоватому лицу, покрытому коричневыми пятнышками, и по занозистости более всех мил был и родственен его душе.

Не ссылаясь на лицо и тем более на характер, зато упреков основательно в вес, необходимый для ялика, Петька отстоял свой выбор перед лицом горячих и многочисленных кандидатов.

Условившись встретиться с Джоном Плёки ночью в овраге близ дома Доггеда, он тепло распрощался со всеми, выразив надежду, что они часто будут видеться с ним и не забывать его и Джона в далекой пустыне. Его поспешили заверить в ответе, что если он будет часто прилетать в Ист-Элис, то, разумеется, они так же часто будут видеться, в противном же случае можно рассчитывать лишь на случайности.

В обратную дорогу Петька неся на трижды распушенных крыльях: на крыльях радости от встречи с австралийскими пионерами и от того, что у него теперь будет товарищ, на крыльях скорости, потому что боялся опоздать, и на крыльях возмущения, ибо возмущался анархистской и провокационной по отношению к коммунистам деятельностью Бамбар-биу.

Опасение встретиться с красными мундирами заставило его своевременно свернуть с шоссе в овраг, и по оврагу он достиг пролома.

В склепе было сухо: кто-то расширил отверстие пролома, и вода вся ушла. В склепе не оказалось Доггеда: или его унесло, водой, или... Через люк смотрела физиономия Бамбара.

— Скорей! — крикнул он резко и неприятно. Висела лестница, доходившая до пола. Петька поднялся вверх.

В химической лаборатории на окнах были спущены глухие шторы, в кафлях и эмали стен сияло отблесками отраженное электричество. На полу, покрытый зелеными пятнами водяной ржавчины, лежал Доггед, — ему оставалось лежать так еще часа полтора. Побеспокоясь вытащить его из склепа, Бамбар-биу не побеспокоился переодеть его и уложить в постель.

— Твоя работка? — отрывисто бросил он, кивнув на Доггеда.

— Моя... он сам лез... Ты как избежал жандармов?

— Глупости. Доггед известил меня красной занавеской на окне. Вот переодевайся, да идем скорей.

Серая мягкая широкополая шляпа с зеленым ремешком через подбородок, блузка цвета хаки и такого же цвета короткие штаны, чулочки с резиновыми застежками ниже колен, зеленый шнур-аксельбант через плечо и походная кожаная сумка у пояса с компасом, часами, записной книжкой, карандашами и примерной картой под слюдяной крышкой — все это не без удовольствия напялил на себя вихрастый Петька и, спрятав красный галстук в карман, превратился в благочинного и добронравного бой-скаута.

Оставив гореть электричество, они покинули комнату, спустившись по лестнице в подземелье, и, выйдя через пролом, по овражку, по шоссе, без приключений, достигли города.

Смеркалось, когда они остановились подле трехэтажного дома с парадным подъездом из темно-голубого порфира. Бамбар-биу вынул из кармана черную бородку и усы и преобразился в степенного иностранца, только что прибывшего на аэроплане из столицы Австралии — Мельбурна. Об этом он прежде всего известил Цетьку, затем дородного бакенбардного швейцара, открывшего им дверь:

— Доложите господину, :— сказал он ему по-английски, — что из Индии через Мельбурн прибыли раджа Гиркавата-Сирдар-Синг и его сын. Впрочем, вот карточка.

Бамбар-биу расправляется с ист-элиссим чудовищем

В строгой шестигранной гостиной из порфира и диорита, с паркетом, ясным как поверхность заснувшего озера, с пятью венецианскими окнами, полузавешенными мягкой серебристо-атласной тканью, стоял полумрак, когда юркий метис-камердинер ввел сюда высокородных индийских гостей. Впрочем, он сейчас же щелкнул штепселем, и матовый сильный свет электрического плафона залил комнату.

— Прошу вас, сэр, подождать, — почтительно произнес он и, попирая собственное отражение в паркете, выпорхнул из гостиной.

Раджа Гиркавата-Сирдар-Синг подскочил к венецианскому окну с ухваткой гориллы и быстро окинул взглядом потемневшую улицу, затем одним поворотом позолоченной рукоятки в нише стены закрыл все окна тяжелыми шторами и величавой походкой вернулся к своему креслу.

— Господин просит господ посетителей пройти в его кабинет, — доложил вернувшийся камердинер.

Раджа поправил манжеты и крахмальную грудь, бойскаут, его сын, подтянул штанишки, после чего оба они проследовали в кабинет, дверь в который им указал камердинер.

За письменным столом опарой в квашне бухла в кресле фигура; перед ней высокий поджарый раджа выглядел тощей селедкой, бойкий же сынишка его казался просто воробушком.

На оплывшем в три подбородка лице фигуры выбрит был последний волосок, скудная белесая растительность украшала брови, отсутствие всякой растительности уподобляло голову ее парикмахерской болванке, нос висел ноздреватой губкой, через круглые дырочки в жиру глядели

красные моргалки. Когда фигура встала для приветствия, показывая свой серый шелковый халат с отворотами из лазурного шелка и с золотыми пряжками на лазурном поясе, ростом она не превысила знатного гостя, но необъятная ширина ее плеч, груди и тряского живота делала этот рост чудовищным.

Поднявшись, она раскатилась в громах:

— Чем... могу... служить... господам?.. — и, отвернувшись, ощущала рукой кресло, чтобы сесть.

Перед ответом раджа сдернул с себя бороду и усы и вынул два револьвера:

— Мистер Брумлей, имею честь...

Это был он, Брумлей, австралийское чудовище, душитель чернокожих дикарей, отпрыск знаменитого «Чарли кому-то крышка».

При виде двух черных кружочков, двух дырявых глаз смерти, он мало изменился в лице, совсем не изменился в лице, если не считать тонкой саркастической усмешки, чуть тронувшей негрские его губы.

— Дальше? — предложил он. — Милейший Бамбар, продолжайте дальше. Кажется, я попал впросак: несомненно, вы перерезали звонковые провода?

— Перерезал, — сухо отвечал Бамбар, — не трудитесь давить кнопку звонка, примите руку из-под стола и положите ее на стол. Так.

— Ваше славное потомство? — кивнул Брумлей на Петьку, с готовностью выполняя требование Бамбар-биу.

— Мое потомство, — отвечал Бамбар-биу и затем по-русски: — Петух, извлеки свою игрушку и направь ее на мистера Брумлея. Я не убью этой жирной гадины, не бойся.

— Пишите, мистер Брумлей, и скорей: мне еще одно дело предстоит, пишите дарственную запись для Урабунна на ту землю, что вы забрали у него;

— С охотой. Диктуйте. Ведь вы юрист, кажется?.. Странный револьверчик у вашего потомства: пугач, что ли?

Брумлей пододвинул локтем блокнот и вооружился пером. Он вздрогнул, когда треснул пересохший паркет сзади него, но тотчас улыбнулся, качнув головой, и глаза его,

перегруженные апоплексической кровью, заструили привычную иронию.

Сухим, как треск паркета, и бесстрастным голосом крючкотвора Бамбар-биу продиктовал текст дарственной записи и, не ограничившись этим, аналогичное распоряжение заставил написать к мельбурнскому нотариусу Брумлей.

— Теперь позвоните, сэр, — сказал он, когда Брумлей усердно оттискивал личную печать на обоих документах.

— У вас милые шутки, — весело отозвался Брумлей, не прерывая увлекательного своего занятия.

Бамбар-биу стал вдруг ласковым и заискивающим:

— Могут ли быть шутки между нами, дорогой сэр? Я перерезал звонок, который ведет к швейцару и который означает «беги за полицией», а не к камердинеру... Чтобы вы не подумали, что я вас мистифицирую, скажу: пуговка этого звоночка пристроена к задку вашего кресла...

На лицо Брумлей медленно напозлзи сумерки, он задышал часто и возразил срывающимся голосом:

— Но я уже звонил к камердинеру.

— Ничего. Позвоните еще раз.

С растерянным и недоверчивым видом Брумлей опустил руку под стол. Через полминуты вошел в кабинет метис-камердинер.

— Бобби, — сказал Бамбар-биу, не оборачиваясь к нему, — возьмите со стола письмо и передайте его швейцару. Пусть сейчас же сходит на почтамт и отправит его по адресу.

— Хорошо, Бамбар, — отвечал камердинер, взяв письмо и собираясь уходить без признака удивления от трех револьверов, устремленных на его господина.

— Подождите, Бобби. Отпустите швейцара до завтра. Посплетничайте ему на нас, что мы занялись с хозяином пьянкой и пропьянствуем всю ночь. Сами же вы останьтесь в швейцарской за швейцара. Никого не принимать.

Бобби ушел, провожаемый остекленевшим взглядом Брумлей.

— Это еще не все, — любезно предупредил хозяина. Бамбар-биу. — Я обещал некоторым темнокожим дурачкам, ко-

торых вы любите... эксплуатировать, что завтра область Ковровых Змей будет очищена от ваших овечек. Надо известить об этом вашего приказчика... ну, скажем, по радио...

— Скажите мне одно, — вдруг прохрипел Брумлей, — вы убьете меня сегодня?

— Никак нет, — Бамбар-биу сверкнул голубыми глазами и сделал обаятельную улыбку, — я буду глупцом, если убью вас. Поднимется возня, и, пожалуй, еще вздумают аннулировать наши сегодняшние совместные распоряжения. Даю вам честное слово коммуниста, вы останетесь жить.

— Я вам верю, — прохрипел Брумлей.

Услышав в монологе анархиста слово «коммунист», которое на всех языках одинаково, Петька вспомнил разоблачения австралийских пионеров.

— Бамбар, — насупившись, сказал он, — пожалуйста, не выдавай себя за коммуниста. Это неправда.

— Ха-ха-ха. С каких это пор, Петух, ты стал понимать английский язык? Но я и не говорил ничего подобного.

Петька пробурчал про себя что-то, но бывшему другу своему на этот раз не поверил.

Снова голос анархиста стал сухим и жестким:

— Мистер Брумлей, как зовут вашего приказчика?

— Мартин Оверлонг, — не смигнув под колким взглядом Бамбар-биу, отвечал тот.

— Великолечно. Вы сейчас вызовете его и передадите ему свое распоряжение.

— Можно? — Брумлей показал, что он хочет извлечь свое грузное тело из кресла.

— Пожалуйста, — Бамбар-биу поднялся одновременно с ним.

— Петя, иди с нами и следи зорко. Мы сейчас будем разговаривать с приказчиком мистера Брумлея, тем, что остался в долине Ковровых Змей.

Радио-передаточный и радио-приемный аппарат находились тут же, в углу обширного кабинета. Под контролем оружия Брумлей привел и тот и другой в рабочее состояние, потом, обернувшись, грубовато спросил:

— Что передавать?

Бамбар-биу обратился к пионеру:

— Ты как-то хвастал, что знаешь радио-дело. Я в нем — ни бельмеса. Скажи: он все правильно сделал?

— Нет, Бамбар, — отвечал Петька, следивший ревнивым оком за манипуляциями овцевода-капиталиста с двумя роскошными шестилампными аппаратами. — Можно сказать, он ничего не сделал.

— Так сделай ты.

Брумлей позеленел, когда увидел, что его уловка не удалась. Петька верной привычной рукой (не он ли организовал радио-кружок у себя в отряде?) отключил антенны от земли — они стояли на грозовом переключателе, проверил заземление и пустил ток в лампочки.

— Все готово, — сказал он, — только я не знаю, на какой волне он обычно разговаривает.

— Ну, уж этого и я не знаю. Ты спец, ты и мерекай.

— Я думаю, что та волна, на которую сейчас настроена антенна, и есть эта волна, — догадался Петька. Бамбар-биу удовлетворился этим.

— Мистер Брумлей, — сурово сказал он, — передайте своему приказчику, чтоб завтра утром он перегнал стада с земли Ковровых Змей на какую вам будет угодно землю. Позвольте... Передавать вы будете не Мартину Оверлонгу, а Тому Следжу, потому что Мартин Оверлонг — это мэр Ист-Элиса (вы немного ошиблись), а Том Следж — ваш приказчик, его документы у меня в кармане. Ясно?

— Да уж еще бы...

Брумлей стал перед микрофоном и подряд несколько раз прокричал...

— Алло, алло, алло... Том Следж. Том Следж. Том Следж... Говорит Якоб Брумлей. Слушайте, слушайте, слушайте.

Вскоре в рупоре телефона послышались Петьке знакомые звуки, будто рвал кто бумажную ткань. Затем искаженный усилителями голос прокартавил оттуда:

— Следж у аппарата. Следж слушает. Что угодно мистеру Якобу?

Тогда, косясь на дырочки маузеров, Брумлей отдал в микрофон приказ перегнать стада завтра на рассвете через перевал в город. Когда голос в рупоре выразил на этот счет сомнение, Брумлей буркнул ему «коммерческая операция».

— Больше половины овец падет за дорогу, уважаемый громила, — сумрачно доложил он, дождавшись из рупора подтверждения о хорошей слышимости приказа.

— От этого вы не разоритесь, уважаемый мешок с деньгами.

Они вернулись к столу, и Бамбар-биу, являясь улыбка-ми, попросил упавшего духом хозяина позвонить в швейцарскую.

— В швейцарскую? — недоверчиво переспросил тот.

— Да. В швейцарскую. Мистер Брумлей солгал мне о фамилии приказчика, я ему солгал о звонке: звонок прекрасно действует.

— Ну-ну, — только и выговорил хозяин, нажимая кнопку звонка.

— Бобби, — сказал Бамбар-биу явившемуся камердинеру, — вы сейчас получите свое жалованье и наградные к нему в размере 500 долларов — кажется, вы нуждались именно в этой сумме? Получив, ждите нас в швейцарской... Сэр, будьте добры раскошелиться...

— Но это же грабеж! Форменный грабеж! — вскричал Брумлей, окрашиваясь апоплексической кровью до макушки, — не дам ни копейки.

— Тогда я возьму назад свое слово и вместо пятисот долларов заберу все.

Трясущимися руками Брумлей открыл письменный стол, достал бумажник и отсчитал 50 долларов жалованья и 500 «наградных».

— Видит бог, — простонал он, — вы меня разоряете, — и неловким движением постарался скрыть внутренность туго набитого бумажника.

Петька, все время сидевший молча, вдруг крикнул и заговорил, — заговорил на языке Урабунна:

— Брумлей понимает Урабунна?

— Так-так, — насторожился тот, — понимаю.

— Так-так, — насторожился и Бамбар, — что-то ляпнет мой способный сынишка...

Способный сынишка ляпнул:

— Бамбар-биу не есть коммунист. Коммунисты не занимаются озорством. Бамбар-биу анархист... с разбойной повадкой.

— Заткнись, Пе-тух! — словно поп с амвона, возгласил анархист.

— Заткнись сам! — оцетинился Петька, покраснел и, растеряв в гневе все урабуннские слова, выпалил по-русски:

— Головотяп.

Брумлей с интересом следил за их препирательством, но Бамбар-биу, сжав челюсти, оборвал круто:

— О головотяпстве поговорим после. Сейчас ты подстрелишь Брумлея, чтобы обезвредить его на три часа.

— Как бы не так. Стану я руки марать.

— Пионер. Не заставляй меня дырывать эту тушу револьверными пулями. Живо...

Петька засопел и выстрелил. Брумлей, чаявший крупной ссоры между анархистом и «сыном» анархиста, сразу оплыл в кресле, свесив голову набок и опустив синюшные веки на синюшные щеки.

Бамбар-биу вскочил, спрятал маузеры, помахал онемевшими руками: «Уйму времени ухлопали», — пожаловался кому-то и, перегнувшись через стол, вытащил бумажник из скрюченных пальцев Брумлея.

— Грабишь? — прогудел надутый Петька.

— Не граблю, а конфискую, — спокойно поправил анархист, пряча бумажник в карман. — И коммунисты признают конфискацию.

— Только тогда твои суждения будут иметь вес, — возразил Петька, — когда ты будешь учитывать время и обстоятельства, сопутствующие ему. Коммунисты применяли конфискацию в период военного коммунизма, когда молодая республика была зажата в тиски блокады и средств для борьбы с белогвардейцами неоткуда было взять, кроме как от собственной буржуазии. Диалектика, милейший Бамбар. Всегда помни о ней, калабарский боб...

— Здорово! — искренне восхитился «калабарский боб».
— Молодец Петух: покрыл, что называется. Но я, как видишь, не смущен: моя практика подчинена другой диалектике. Идем.

Он запер двери кабинета, коридора и гостиной и ключи взял с собой. В швейцарской достал несколько крупных кредиток и всунул их в руку задремавшего камердинера: «Наградные от меня, — присовокупил он, — удирай, Бобби, из Австралии как можешь скоро».

Город сверкал электричеством и стал оживленней.

На улице их ожидал kloкочущий от нетерпения трехсот-сильный гоночный автомобиль — любимец мистера Брум-лея. Мощная машина была приспособлена для песчаных пустынь посредством глухой брони, одевающей ее вплоть до рессор, клыков и лапок. Так же наглухо задраены были тормоза и рулевое управление. Кузов ее имел вид моторной лодки, открытой сверху, лишь с одним стеклом, защищающим шофера и пассажиров от встречного ветра.

Бобби запер дверь парадного, ключ отдал анархисту и быстрыми шагами удалился через улицу в переулок.

Приятели сели в авто. Шофер, так же задраенный, как и его машина, запустил двигатель. Темнокожий полисмен на углу улицы козырнул шикарной машине, ошастливленный такой возможностью, и почтительно посторонился.

Карлик маки-домовой с Малайских островов

На краю города, вблизи трехэтажного здания, выкрашенного в розовую краску и подслеповато мигавшего тусклыми огоньками через решетчатые веки окон, авто остановился. От ущербленной, но все же достаточно яркой луны его укрывала тень одинокого тополя.

В дороге Бамбар-биу скинул с себя сюртук, крахмальную грудь, манжеты и ботинки. Петька тоже снял обувь.

Здание, к которому они, уподобившись ящерам, ползли по пыли, по песку, по траве, от возвышения к возвышению, от куста к кусту, стояло одиноким, в содружестве с тополем, оживляя унылость далекой окраины. Оно было обнесено высокой каменной оградой, вдоль которой с внешней стороны, из конца в конец, шагало двое часовых, встречаясь и вновь расходясь.

— Сними, Петька, обоих, — шепнул Бамбар-биу.

Петька не возражал. Часовые сошлись, и он угостил их призрачным лучом.

Далее Петька «работал» самостоятельно. На вытянутых руках Бамбар-биу вздел его на грань стены. Едва Петькина голова обрисовалась над стеной, раздался испуганный окрик часового, бродившего по тюремному двору. Прежде чем часовой вскинул винтовку, Петька уложил его спать, и прежде чем на окрик прибежал второй часовой, Петька перевалился через стену и тяжело ухнул на мощеный двор тюрьмы. Потирать ушибленные части (левую руку, левую ногу и весь бок) некогда было, — гулко топоча по асфальтированной дорожке, бежал второй часовой. Он орал за благовременно. Петька смазал и его. Но этим дело не ограничилось. От ворот мчался на крик сторож, дребезжа ключом по бляхе. За ним явились еще двое и еще двое: вся

тюрьма поднялась на ноги. Петька мазал поодиночке, по двое, по трое и по группам и... домазался. Последним — в одышке и в испарине, каплями сверкавшей на лбу — примчался тучный жандармский офицер. Был ли то сержант, капрал, генерал или сам черт в погонах, Петька не успел разглядеть и никогда не узнал впоследствии: щелкнул курок, и синим зигзагом вылетела молния из страшной игрушки — от жандармского офицера остался белесый пепел: синие головки в барабане кончились.

— Ну, чего ты? Чего ты? — несколько минут бесплодно вопрошал Бамбар, отчаявшийся ждать пионера и перескочивший стену. — Экую кучу наворочал, но ведь никто ж не убит. Чего ты остекленел?

— Да... да... да... Не убит?! — отозвался наконец Петька, стирая холодный пот со лба. — А кто топчет ногами офицера?

Не подозревая, что под босыми его ногами покоятся бранные останки человека, Бамбар-биу глянул равнодушно на тепловатый прах и подумал: «У мальчишки, кажется, не все дома».

Оставив его у ворот, сам он скрылся в дверях тюрьмы.

Прошло огромное количество мучительных минут. В полете между тюрьмой и оградой над головой Петьки мигали словно усталые звезды. Где-то на краю города выла голодная собака. С утра не выдавший маковой росинки, корчился в бунтарских судорогах Петькин желудок.

Из тени крыльца вынырнул Бамбар-биу, его сопровождала уродливо ковылявшая фигурка карлика в арестантской одежде. Когда свет луны озарил лицо карлика, Петька широко открыл глаза, и скверные подозрения зароились в его мозгу. У карлика было неприятно-белое, белей снега лицо, носик — с наперсток, губы — змейками, уши нетопыря, глаза ночной птицы, и лохмы волос на голове, заплетенные сзади в две косички. Черные — дугой — брови, еще более увеличивающие глазную орбиту, делали карлика до жути похожим на полуобезьянку с Малайских островов, на маки-домового, изображение которого Петька видел у Брэма. Но дело не в сходстве с маки-домовым, дело

— в белом лице, к о с и ч к а х и малом росте появившегося человечка...

Своим сообщением Бамбар-биу добил Петьку:

— Искал, искал, мальчик, твою девочку — нет ее в тюрьме и, говорят, никогда не была. Вот и этот маки с Малайских островов, мой приятель, подтвердит тебе то же...

Карлик раскрыл змейки-губы и для начала пискнул или скрипнул что-то, желая подтвердить.

Петька никаких подтверждений слышать не желал, повернулся спиной и зашагал к воротам. — Надул его шельма Бамбар, определенно.

Воздух всколыхнулся резким тревожным гудком сирены.

— «Навинчивай», Петух, не огорчайся! — крикнул Бамбар-биу, отщелкнув калитку в воротах. И, взяв на руки ослабленного тюрьмой карлика, показал Петьке, как надо «навинчивать», когда конные жандармы клубят пыль по дороге из города.

Шофер не мог ждать и двинул машину к тюрьме. В трех шагах он повернул круто, и беглецы с полного хода прыгнули на сиденья. Тотчас и карлик Маки и Бамбар-биу вооружились карабинами.

Машина взяла высшую скорость — Петькина бойскаутская шляпа улетела за борт вместе с предохранительным ремешком. При такой скорости следить за всеми изгибами дороги не представлялось возможным, и шофер крыл напрямик, — хорошо еще, что не было канав. Однако бросало отчаянно. Петька испугался за разум шофера и своих приятелей по неволе: машина резала пространство в лоб жандармской кавалькады...

Тиууу... тиууу... — первые пульки-пташки запели над пассажирами.

Оглянувшись на соседей, вобравших головы в плечи и хищно припавших к ружьям, Петька перед грудью своей поместил раздутую шкурками и блокнотами походную сумку, — так, казалось ему, должно быть безопасней.

Кавалькада распалась на две группы, каждая ударилась в сторону от дороги, потом повернулась, остановилась, и

машина прошла между ними, осыпаемая стальным градом. Над шофером откололся кусок стекла. Бамбар-биу бросил карабин, вытер лицо, залитое кровью, и на секунду показал лоб: вдоль лба с края на край тянулась кровавая полоса. С обезьяньими ухватками карлик наложил на рану повязку. Пули сыпались с тыла. Петька переместил сумку за спину.

Перед авто лежал свободный путь — главная улица города, прямая, как полет пули. Машина взяла ее в две минуты. Пролетка запоздавшего извозчика превратилась в кашу, не успев свернуть. Шофер зажег прожектора и перекинулся туловищем назад:

— Не жалеть машины? — проорал он.

Бамбар-биу ухмыльнулся.

Начался подъем через горы, шоссе из булыжников было превосходным. Наперерез автомобилю с края шоссе кинулась хрупкая фигурка, — бешеная скорость машины должна была превратить ее в мокрое пятно. Но Петька, ужаленный воспоминанием, сунул револьвер в ухо шофера, и шофер понял, что надо затормозить. Фигурка прыгнула в Петькины объятия, и вместе с Джоном Плёки в автомобиле стало три человека. Бамбар-биу качал головой и выражением лица говорил: «ерундишь, по обыкновению, Петька». Петька показал ему кулак, а Джон Плёки крикнул в Петькино ухо: «Почему такая спешка? Почему не около дома Доггеда? Почему так поздно?» и длинный ряд других «почему». Петька ответил немногосложно: «потому» и ни слова больше, ибо с языком Урабунна от автомобильной тряски у него вышли нелады.

Когда машина взлетела на первый шоссейный взброс, пассажиры невольно оглянулись на город и под самой горой открыли двух черных мушек, движущихся за ними вслед.

Бамбар-биу крикнул:

— Полицейские машины. Хорошие машины! — И приказал шофферу увеличить скорость.

Но уж куда там было увеличивать, если скалы, мимо которых они гудели, сливались в один серый сплошной

тон — без перерывов, без индивидуальных отличий. Однако шоффер умудрился наддать.

Машина взяла еще несколько подъемов, скользя по ним, как щепка по волнам, с тою лишь разницей, что здесь волны были неподвижны, а щепка неслась, — и вдруг плавно-плавно стала.

Вскинув очки на лоб и покрывшись бледностью под карлика маки, шоффер уронил «заело» и с горячечной скоростью полез смотреть цилиндры.

— Вода из радиаторов утекает... — проговорил он еще, поднимая вспотевшее лицо. Сзади гудели машины.

— Дырка! Дырка! — вскричал он с энтузиазмом человека, открывшего, по меньшей мере, Америку.

— Заткни ее, — посоветовал Бамбар-биу.

И скрипнул карлик:

— Пальцем.

Джон Плёки перевел Петьке весь разговор и выскочил из автомобиля: — Пойду за водой, — сказал он деловито, забирая у шофера ведро.

— Больше мы твоего товарища не увидим, — высказался Бамбар-биу, когда фигура пионера исчезла за поворотом дороги.

Петька промолчал. Моторный гуд слышался невдалеке. Шофер лихорадочно копался в радиаторе, орудуя паяльной машинкой. Бамбар-биу и карлик засели с карабинами в канаве шоссе. Петька подошел к ним:

— Что будем делать?

— Поиграем, — отвечал Бамбар-биу, тряхнув карабином.

— Не буду, — тоскливо и упрямо молвил пионер и пошел в сторону, где скрылся Джон.

— Пионер, не дури...

— Я и не дурую: у меня вышли все синие головки.

— Твоя-то собственная на плечах... — проревел Бамбар-биу, поднимая ружье.

— Бамбар, не дури, — обернулся Петька, отстегивая кобуры.

— Тфу! — плюнул гигант. — Упрямяк, как черт!..

Петька ушел. За поворотом он встретил Джона, перегнувшегося под тяжестью полного ведра. На горе показалась первая полицейская машина. Карлик и Бамбар-биу открыли по ней свирепый огонь и остановили ее. Завизжали пули в ответ. Вынырнула вторая машина и стала рядом. Вынырнула третья и задним ходом — обратно: там сверкали золотом погоны.

— Помоги мне, — сказал Джон прокисшему Петьке.

Под пулями пионеры побежали к машине. Шофер ждал их, кряхтя от нетерпения и волнения, но не тронулся с места. Ведро он вырвал из рук. Забулькала вода, наполняя радиатор. Бамбар-биу и карлик очутились подле машины, они палили, не переставая. Шофер пустил двигатель. Бамбар-биу бросил в авто карлика, ружье и двух пионеров. Затем вытащил из кармана алюминиевое яблочко и метнул его на холм.

Взрыв швырнул порванные автомобильные части вниз.

Друзья были на пятой волне дороги, когда за ними двинулась одна из полицейских машин. Вторая лежала развороченной, третья все время держала приличную дистанцию.

Шоссе горело под колесами. Спустя десять минут перевал кончился. Перед машиной легли два рукава.

— Гони на черный утес! — скомандовал Бамбар-биу.

— Там что-то... — возразил шоффер.

— К черту! — отвечал Бамбар-биу и, наклонившись к Петьке, вдруг сообщил ему доверчиво: — Знаешь, пионер, откуда вся эта погоня? Догдед действует: ты его оскорбил, я увез его фрак. Да. Да... — и, желая еще что-то сказать, он пододвинулся к пионеру ближе.

На шоссе, ведущем к Черному Утесу, преграждая дорогу, высилась баррикада из камней, песка и бревен. Шоффер растерялся.

— Гони! Гони! — поощрял Бамбар-биу, гогоча.

Тиуу... тиууу... Бах... бах...

— Странно! Стреляют? — изумился Бамбар-биу и тут же обрадовался воспоминанию: — Ха-ха! Да тут должен

быть полицейский пост; известили по телефону. Знаком, знаком с ним.

В полсотне шагов от баррикады он вырвал у Петьки револьвер, выстрелил из него два раза и вернул почтительно. Первый выстрел взорвал, запылил сооружение, второй разметал прах. Человек в полицейском мундире, падая и поднимаясь, удирал в сторону от шоссе.

— Ушел-таки! Ох, уж эти полицейские: живучи! — Бамбар-биу ласково глянул в хмурое лицо пионера, расхохотался и вдруг посерел. Его приятель, маки-домовой, сидел на подушках боком и вилял головой. Толчок дороги повернул его лицо к луне: на белоснежном лбу горел рубин. Померкли глаза ночной птицы.

— Причастился освобожденный! — с горьким сарказмом проговорил гигант и, подняв на руки мертвое тельце, выбросил его из автомобиля.

Привычные к жертвам пески равнодушно приняли новую жертву.

Бессильно опустив могучие руки меж колен, гигант погрузился в молчание. Петька и Джон, прижавшись друг к другу, заснули.

Облегченная машина радостно гудела.

8.

Последний подвиг героя без почвы, Бамбар-биу

Проснулись пионеры от толчков. Их бросало друг на друга, сшибая лбами; колотило о стенки, натыкало на гиганта, который в свою очередь отшвыривал их, смеясь и радуясь этой забаве, как младенец погремушке.

Ночь и луна еще висели над землей, но чувствовалось по прохладе, что недалек тот миг, когда из-за горизонта выплеснется горячее солнце.

Машина шла по открытой пустыне. Скорость ее значительно поубавилась, пообтерся лоск. Хрипел, захлебывался, дрожал мотор.

Под ногами пассажиров, а у пионеров и на зубах, скрипел песок. Шоферу, более всех неподвижному, грозила опасность быть погребенным в нем; складки его одежды, кроме рукавов, содержали песчаные залежи.

Нырять в дюнах, сзади них следовала лишь одна машина. В догонялки и перегонки никто более не играл, и расстояние между ними оставалось неизменяемым — около километра.

Со скучающим видом, словно исполняя нудную обязанность, Бамбар-биу оборачивался изредка и, не целясь, отсылал преследователям кусочек стали. Оттуда когда отвечали, когда нет: острота преследования сгладилась о пески.

Пустыня начинала приобретать предгорный характер: то и дело скрюченными пальцами шоффер вертел рулевое колесо, чтобы объехать полузанесенные песком каменные выступы.

— Эх, Петух. Дал бы ты мне на время свою игрушку, давно бы нас никто не преследовал... В самом деле, Петушок, дай... Вы бы поехали себе, а я где-нибудь спрятался бы в углублении, потом... потом догнал бы вас.

— Нет, — резал Петька, ловя поддержку во взгляде на-супившегося Джона Плёки.

Местность загромождалась камнями и скалами. Бамбар-биу приставал к Петьке тем сильнее, чем чаще автомобилю приходилось лавировать и чем более полицейские выигрывали расстояние. Петька вконец заскорлупился. И вот заговорил Джон:

— Вы, несомненно, и есть знаменитый Бамбар-биу, кроющий свои делишки под маркой коммуниста?

— Разрешите представиться, — галантно изогнул корпус названный. — Имею удовольствие разговаривать с братишкой петушиным, то есть тоже с Петушком?

— Замечательно остроумно, ах! — отвечал Джон, сплевывая для выразительности через борт. — Позвольте вам заметить, сударь, что дело ваше безнадежно.

— Ох, сударыня. К чему такой пессимизм? Почему безнадежно, когда у меня в кармане — дарственная Брумлея на земли Ковровых Змей?

— Подумаешь: зарезал? Ваше дело безнадежно, потому что беспочвенно, потому что не имеет корней в массах, потому что дарственная — ерунда, она ни на шаг не приближает нас к революции... Не говоря о том, что всякие единоличные выступления, не повторяемые сотнями и сотнями, всякие выступления в условиях, не созревших для этих выступлений, обречены на неудачу. В вашем же случае они лишь навлекают преследования на массы.

— Дискуссия в самое время! — насмешливо отвечал Бамбар-биу, посылая очередную пулю в полицейский авто, подбравшийся на полкилометра. — Когда мы будем лишены этого приятного соседства, я вам отвечу, а пока... ну-ка, друг, прибавь ходу.

Шофер переключил скорости, и разбитая машина, задрожав до последнего винтика, рванулась, очертя голову, по камням.

Наконец выплыло из-за песков солнце. Свет облегчил шоферу управление и открыл цели врагам. Перестрелка вспыхнула с новой силой, но Бамбар-биу стрелял в одиночку, полицейские ж — залпами: его забивали. Пионеры, слег-

ка вспотевшие — не от солнечного жара, нет! — опустились к подножию сиденья и там пытались развлекать друг друга веселыми анекдотами. Могучий удар, поддавший их к голубому небу, прервал анекдоты и кое-что другое. Терроризированный смертоносными кусочками стали, шофер потерял верность руки, и вот машина наскочила на каменный траплин и ухнула с него вниз. Волоча за собой скрепившиеся и парализованные задние колеса, она проползла некоторое расстояние в виде раздавленной лягушки и стала.

— Приехали, — объяснил шофер, делая кривую улыбку кривыми губами. — Но я довез вас до цели. — Он первым вылез из машины, обеими руками придерживая затекшую спину.

Впереди, над зеленью древовидных папоротников, и дальше — над хвоей высился Черный Утес. У Петьки приятно екнуло в груди — это был его утес, его место высадки: а где высадка, там и посадка.

— Вылезай, ребята. Петух, узнаешь местность? Между прочим: за день до тебя здесь с аэроплана высадился Маки. Но его поймали проклятые метисы. Ну, карьером...

Бросив окоченевшую машину (шофер еще — очки, автотопальто и рукавицы), пассажиры ударились в бегство к недалекому лесу. Над их головами поговаривали пули, визжа, урча, воркуя и посвистывая. Но целиться с шаткой машины, среди зигзагов и прыжков, не так-то было легко. Беглецы невредимые достигли леса. В папоротниковых зарослях Бамбар-биу сделал передышку.

— Пионеры, на утес! — распорядился он. — Шофер, получай деньги и сыпь куда знаешь. Я задержу полицейских. Между прочим, куда ты денешься?

Повеселевший от пачки кредиток шофер объяснил:

— Некоторое время пробуду в Диэри, у меня там приятели, а потом — за границу, когда все уляжется. — Он раздвинул заросли и исчез.

— Ну чего ж, ребята? — Бамбар-биу рассвирепел не на шутку. — В воздух, что ль, мои слова? Живо в свои кораблики и — деру. За меня не извольте беспокоиться, не ма-

ленький — как любит выражаться русский Петух. Ну. Ну...

— Не нукай, не лошади, — огрызнулся Петька больше по привычке, чем по необходимости, и, недовольный, потащил Джона к утесу.

Бамбар-биу остался один и началась потеха. Полицейские в сотне шагов залегли за машиной и по кустам, откуда анархист, постоянно меняя место, сыпал пулю за пулей, и открыли ожесточенный огонь.

На вершине утеса, где ялики по-прежнему липли к железистому камню, Петька был удивлен присутствием нового предмета. Между яликами — такого же цвета и металла, как они — лежал четырехугольный вытянутый ящик с кольцом на крыше и с рычажком подъема возле кольца. Такую штуку сюда мог прислать один только техник. Петька ремнем привязал ящик к ялику Веры, а этот последний — к своему:

— Садись, Джон.

Но с отлетом он медлил.

С юга летел самолет. В кустах за анархистом шевелились черные косматые головы, до темени выбритые; среди них Петька узнал стариков из общины Ковровых Змей.

Бамбар-биу давно открыл в ясном небе алюминиевую птицу, но стариков заметил лишь тогда, когда выпустил последний патрон и хотел лепетывать. Старики преградили ему дорогу копьями. Перестрелка прекратилась. Самолет сел на песок недалеко от автомобиля. Полицейские делали перебежку.

Жизнь написала и стала читать вслух последнюю страницу из анархистских подвигов Белого Удава, ветрогона и самозванного чародея. Пионеры пожелали выслушать эту последнюю страницу, улегшись между яликами на животах.

В тишине солнечного утра прозвучали слова древнего старца, в котором по разрисовке тела легко было узнать главного из главных — главаря всего племени Урабунна:

— Стой, Бамбар-биу. Ты не уйдешь. В кустах рассыпано двести отважных охотников.

Бамбар-биу смотрел волком, недоумевал и молчал.

— Мы давно подозревали, — продолжал старец, — что все напасти, сыпавшиеся на нас в последнее время, связаны с твоим именем. Теперь мы это узнали наверное после того, как ты отнял у Брумлея землю Ковровых Змей. Я достаточно стар и достаточно мудр, чтобы не принять этого подарка. Твоя деятельность вредна, хоть и болееешь ты сердцем за нас. И если ты будешь продолжать ее, белые сотрут нас с лица земли. Пускай берет Брумлей землю обратно, пускай подавится ею, но мы останемся живы...

— Вы глупые черепахи! — взорвался Бамбар-биу. — Я желал вам лучшей жизни, вы не хотите — не надо, ползайте в грязи, когда вон белые режут воздух...

— Мы согласны немного поползать, — возразил мудрый старец. — Белый мальчик с красным на шее, внук окни-рабата Ленина, тот, который научил ребят Змей строить большие унгуны, который научил их делать «туда-сюда», чтобы они были сильными, как ребята белых, который научил их не отказываться ни от какого труда и другим хорошим поступкам и который, улетев в небо, через малыша Дой-ну распространил новые обычаи среди ребят всего племени — этот белый мальчик рассказывал ребятам (я ему верю), что бороться надо не единолично, а скопом, не одним черным, но вместе с белыми, с той их половиной, что угнетена, и тогда (я верю ему и своим годам) будет хорошо, и мы скоро перестанем ползать. Мы будем летать. Мы, старики, отправили ходоков к тем белым, что называются коммунистами, и мы будем отныне бороться вместе с ними, рука об руку. Вот это я тебе сказал, а теперь мы отдадим тебя одетым в красно-синее, чтобы нас не преследовали за твои самочинные поступки. Мы тебя очень жалеем...

По знаку старца колыхнулись папоротники, и десяток рослых крепких парней окружил анархиста. Он стоял шатаясь...

Размахивая пальмовыми ветвями, из кустов на открытое место вышли два старика. Полицейские, знакомые с обычаями диких, с любопытством пошли им навстречу. Их было четверо вместе с шофером; пятый, летчик, в нерешительности стоял между автомобилем и самолетом. Но ко-

гда десять чернокожих охотников вслед за стариками вывели страшного преступника, легендарного Бамбар-биу, и летчик присоединился к группе полицейских.

Снова заговорил главарь Урабунна:

— Белые люди. Мы не хотим враждовать с вами. Вот вам Бамбар-биу, которого мы не хотим укрывать у себя, мы его любим, но мы выдаем его вам, чтобы спасти народ от наказаний.

Один из полицейских вынул блестящие стальные наручники, видимо, приготовленные специально для гиганта, — так они были массивны. Вытянув руки вперед, словно в столбняке, с неподвижными глазами, Бамбар-биу покорно пошел навстречу неволе.

Но едва холодная сталь коснулась его руки, вздрогнув, он проснулся. Это горячее солнце, эту яркую зелень, эти дикие скалы — жизнь! жизнь! — променять на вонючий каземат, на холод могилы, на посмертное ничто, — нет! нет!.. Он смахнул с земли трех полицейских, пинком бросил в кусты четвертого, смял авиатора ураганным толчком, разбросал кольцо чернокожих и, вырвавшись на простор, пуль свистнул к аэроплану...

Поднявшись и отряхнувшись, полицейские схватились за оружие, но тут Петька, у которого сердце ходило свинцовым подвеском, молниями взрыл перед ними камень и песок в смерч раскаленной пыли. Слепящий и сжигающий занавес взвился между беглецом и преследователями. Десять «красных головок» израсходовал Петька на то, чтобы гигант завел мотор, разогнался — долго и тяжело разогнался по песку — и с торжествующим гудом оторвался от земли...

— Крути рычажок, — сказал Петька Джону, стараясь быть спокойным и ликование глаз гася суровостью, — у ящика я открыл: сам оторвется.

Три бескрылые птицы гуськом снялись с утеса и вспарили над толпой — растерянной, ошеломленной, одуроченной.

Высоко в поднебесьи, куда пуле дорога заказана, пионеры прекратили подъем и дождались четвертой птицы — крылатой.

Бамбар-биу, поднявшись над ними, выключил мотор и, планируя рядом, прокричал:

— Спасибо, Петух!.. Ты спас жизнь н о в о о б р а щ е н н о м у... Встретимся на арене мировой...

Мотор загудел, и самолет резко взял на север, в дебри тропических джунглей.

.
.

Петька подтянул к себе безмоторный ялик Джона. За Джоном потянулся ящик. С минуту пионеры хлопали безмолвно веками, уставившись друг на друга.

— Ну? — спросил Джон.

— Вот-те и ну! — отвечал Петька.

— Образумился чудак?

— Похоже на то.

Еще промолчали минуту, что-то трогательное желая высказать. Потом Петька со вздохом:

— Я, пожалуй, вскрою ящик.

— Вскрывай, — отвечал Джон, тоже вздохнув.

Петька отвернул шурупы, снял крышку. В ящике, упакованные в газеты двухнедельной свежести, находились аккумуляторы и новый мотор с пропеллером. Дальше — в ситцевом платочке (по черному полю — незабудочки) пирамидкой сложены были сдобные лепешки на сале и под ними, просаленные, лежали два письма.

Первое письмо.

«Должен тебя информировать, мальчик, что бабка твоя без тебя окончательно взбесилась (извините, конечно, за выражение). Как меня завидит, хапает здоровенную кочергу и через весь пустырь — словно жеребенок-стригунок. Кочерга безусловно про меня. Очень непристойно выходит, потому как в последний раз били меня 20 годов назад, когда я попу в церкви чорта бумажного прицепил на рясу.

А бабке твоей ничего не цеплял, и ты, пожалуйста, прилетай немедленно, как у меня есть для тебя занятное дельце, а аккумуляторы и мотор используй, если старые попортились. Новый мотор на ять, до 400 верст в час наспаривать может, обрати на это внимание. Вера, моя дочь, которая тебе кланяется, безусловно вернулась.

Техник-механик-гальванский скок *Лялюшкин*».

Второе письмо.

«Петух. Жив ли ты, умер ли ты, живому или мертвому даю тебе строжайший приказ от имени вожатого пионеротряда Николки, обещавшегося выключить тебя из списков, если ты не вернешься через три недели: возвращайся немедленно, какие бы дела первосортной важности ни удерживали тебя.

Это первое. Второе: бабушка наша чахнет не по дням, а по часам: ежедневно ворочать техника кочергой — занятие для ее лег не пустяковое. Меня пока не бьет, но муштрует, муштрует: не стучи сапожищами; не чавкай, когда ешь; не храпи, когда спишь; не дуди носом, когда сморкаешься; не скрипи пером, когда пишешь; не хлопай дверьми, мой уши, стриги ногти, брейся на дню два раза, не жги керосина позднее десяти, вставай в восемь и т. д. и т. д.. Петух, я э т о г о не вынесу. Без шуток говорю, Петух: если ты не вернешься через три недели, отверну голову твоему кролику, скормлю лягушек кошкам и сбегу от бабки. Куда? Не все ли равно. Куда глаза глядят, хоть — к африканским туарегам... и буду с ними на песке пасти верблюдов.

Твой угнетенный дядя.

П р и п и с о ч к а. Лепешки тебе посылает бабушка. Еще забыл написать: как тебе известно, она бросила церковь восемь лет тому назад.

С н о в а с т а л а х о д и т ь . П и о н е р ? ! Т в о я р е п у т а ц и я ? !

Т. У. Д.»

Церковь пришибла Петьку сильнее приказа вожатого.

— Джон, — сказал он, — я должен лететь домой...

— Питер, — возмутился Джон, — не свинство ли это?

— Свинство, Джон, но моя бабушка очумела: в церковь без меня стала ходить...

— О...

— Уверяю. Еще грозят выставить меня из отряда.

— Тогда лети. Но ты вернешься?

— Я постараюсь вернуться.

— Сначала представь меня ребятам-Змеям.

— Будь покоен.

ПОСКАЗИЕ

Лето уперлось в октябрь. Лужа на пустыре, в которую Петька успел напустить тритонов, по утрам покрывается корочкой льда. Дикая яблонька шурстко шипит побуревшими листьями, когда ветер-баловень заигрывает с ней. Лопухи прокисли, надломились жилистыми черенками и выставили вверх наянистые репья, придирающиеся к каждому удобному случаю, чтобы впиться в штаны или, еще лучше, в волосы, ежели ты отпустил их с лошадиный хвост. Уныл пустырь по утрам, но после полудня — ого! — после полудня это оживленнейшее место на земном шаре.

Техник Лялюшкин — центр внимания. Машина белометалльная, на сигару похожая, — только курить ее некому, потому что, во-первых, пионер не курит и т. д., во-вторых, подходящего ротика для нее не скоро сыщешь. Итак, кончим фразу. Машина белометалльная рассчитывается на 20 и одного человека ребят, из которых тот, что с усами и в очках, есмь я. Двадцать ребят из звена «Изучай свою страну» после полудня носятся вокруг техника, как 20 бесенят,

подразумевается, воображаемых, вокруг добродетельного христианина.

Предположено: к декабрьским каникулам машину закончить и всем звеном лететь на каникулы в Австралию, вместе с вожатым Петькой, дядей его — мной и техником Лялюшкиным. Бабушка просилась здорово, но ей отказали, потому что сама говорила «вогобий етреч в тире воткет икард», а целую неделю шаталась в церковь. Бабка обещала исправиться, это другое дело, и ее обещали взять с собой, по исправлении, на летние каникулы, когда в Австралии пекло. Пускай пожарится. Что я лечу, — факт. Описывать свои собственные похождения, думается мне, будет значительно интересней, чем похождения, в которых, что ни шаг, играй воображением.

Джона Плёки по воздушной почте, налаженной техником, известили, чтоб не скучал: прилетим обязательно и устроим ему смену. Он в неделю два раза посещает Черный Утес, куда мы отправляем ему письма и посылки.

До свиданья, ребятень. Когда напишу новую «почти-сказку» с описанием походов звена «Изучай свою страну», приходите, буду читать. Напишу месяцев через пять. Мой адрес узнаете в издательстве.

12 ноября 1925 г.

ДЕНЬ РОМЭНА

Утро

Как мертвый гнус тундровой падает с неба сырость. Окна заплаканы. В подполье развозились крысы, из щелей пола бьет в нос едкий крысиный запах. Через двери кухоньки буксующий примус выбрасывает ритмически огонь, керосин и копоть.

— Говорил, починить надо примус.

— Но как же, Рома, а деньги?..

Молчание минуты три и сопенье. Проснулся тощий рыжий кот, попробовал издать приветствие — получился хрип. Пошел в знакомый угол и брызнул тонкую струю. Ромэн задумчиво пустил в него ботинком.

— Говорил, кота надо занести.

— Но ведь заносили, Рома, приходит.

— А щели нужно бумагой забить...

Ромэн одевался, — не сказать, чтобы медленно, но с большими паузами. Так, например, он ноги обматывал. От одного оборота до другого делал передышку, не от усталости, нет, — от беспокойного копошенья в мозгу, от наплыва неясных эмоций, возникающих и исчезающих тяжело и неоформленно, как густой черный дым — лохмотьями. Иногда в лохмотьях вспыхивало тревожное мерцанье — слабый зародыш разумной мысли, обмотки мешали ему определиться, — Ромэн замирал в скрюченной позе, вытаращив глаза-черносливы, и ловил, ловил напряженно эту надсадную искорку, капризную, увертливую, скользкую. Когда удавалось ее защемить в извилинах мозга, обматывал ногу дальше, отдуваясь удовлетворенно через выпяченные трубкой губы. Иногда выскакивало откуда-то целое словечко, вроде: «Метампсихоз — метампсихоз».

Вспоминал: «Ага, мне нужно заглянуть в словарь!» — и, прыгая на обутой ноге, скакал к полке с книгами. Кстати заглядывал в Каутского: «Сегодня лекция, не забыть об общинно-родовой форме». Общинно-родовая форма цеплялась за семью, семья за брак, за патриархат, матриархат. Лез в Энгельса...

Всякая утренняя процедура у Ромэна носила прерывистый характер, и мешать в этом случае ему не полагалось. Для того, чтобы одеться, умыться, причесаться — требовалось минимум час.

Не мигая, медлительно чавкая — опять с паузами — другой час просиживал над полдюжиной яиц, фунтом хлеба и стаканом кофе собственного приготовления: полстакана кофе в порошке, полстакана кипятка и пять чайных ложек верхом сахарного песка. Заряд рассчитывался до 6-7 часов вечера, а то и до ночи, — бывало и так.

— Я, Рома, — говорила ему боявшаяся двигаться жена, — я, Рома, пойду на базар, пожалуй...

Из пространства переводил на нее неподвижный взор, прерывал работу челюстей, осознавал, говорил:

— Посиди здесь. Сядь около меня. Мне нужно у тебя что-то спросить.

Садилась покорно, сдерживая вздох, и сидела пятнадцать минут, ожидая вопроса. Ромэн снова впадал в каталепсию; из хаоса декретов, циркуляров, протоколов, вопросов дня безмолвно вытягивал нужное, обсасывал добросовестно и крепко прикалывал к памяти. И чавкал.

— Рома, ты пока думай, а я займусь чем-нибудь... Я здесь буду...

Вспыхивал сразу, как спичка, и так же недолго горел, кривя набитые гущей кофейной губы, шипел, выбрасывая брызги и крошки:

— Посидеть пяти минут не можешь! Вот уйду, до ночи свободна. Жди, пожалуйста, дойдет и до тебя очередь.

— Ты спроси сейчас, Рома.

— Ах, только у меня и забот — спрашивать тебя. Сядь и сиди. Что за суетливость, не понимаю.

Успокоился, принимаясь за последнее яйцо и подбирая пальцем крошки хлеба. Зачавкал ожесточенно, концентрируя разбежавшиеся мысли. Время от времени нет-нет да и вздуется пузырь на мертвой зыби тяжелого настроения. Вздуется и лопнет, обдав жену холодной изморозью:

— Сама знаешь, как дорого мне время, а егозишь. Сиди, сиди, сейчас спрошу...

С убитым видом сидела жена, изводясь, глядела на остеклившиеся глаза супруга. Сидела еще полчаса. Видела, как шельма-кот озоровал на плите, но боялась пошевелиться.

Наконец, вскакивал Ромэн, сердито засовывая в карман недоеденную корку, смотрел на часы:

— Вот опять опоздал! Все из-за тебя. Где фуражка?

— Рома, а... поговорить?..

— «Поговорить».. А время где?.. Где фуражка, говорю?

— Вот она... Рома.

Сердитое сопенье.

— Рома... деньги на обед?..

— Что? Битый час сидела, только глазами хлопала и не нашла минуты спросить о деньгах!..

— Рома, ты же сам говорил, чтобы о деньгах... когда кончишь завтрак...

— Ну да, ну да, а ты не видишь, я опаздываю. Нужно догадываться...

— Но ведь в последнее время ты постоянно опаздываешь. Когда же? Вечером ты будешь браниться, что я не настояла на деньгах. Дай, пожалуйста...

— Нужно брать деньги, когда я спать ложусь... Где ка-лоши? Не видишь: дождь?

— Но вечером тебя не дождешься... Я никогда по-человечески спать не ложусь...

— Скажите, пожалуйста, я, что ли, по-человечески!..

Ромэн вылетал, надвинув картуз на глаза и подволакивая сильно изношенные галоши. Потом оборачивался вдруг и сообщал хмуро в открытую дверь:

— О чем разговор? Какие могут быть деньги, когда я без гроша? Займи...

День

На комиссии встречали зло:

— Опять, товарищ Ромэн, на час с лишним опоздали...

Мужественно глядя в злые глаза, отвечал твердо:

— Да. Опоздал. Только не на час с лишним, а... ровно на 59 минут.

— Ах, какая большая разница. Смотрите, мы уже все давно в сборе.

— Разница большая. Я вчера лег в четыре часа утра. Я завален работой. И притом сомневаюсь сильно, чтобы вы все пришли к сроку...

Взглянув на воспаленные и упорством блиставшие глаза Ромэна, на изнуренное, желтое и упрямое лицо, все вздыхали, глуша возражение: «Знаем, тебя не переспоришь!» и принимались за работу.

Председатель говорил:

— Вот здесь пустяковое дело. Оно нас не задержит. Один товарищ должен ехать в Москву, но у него пропала пишущая машинка. Документы все. Следственные. Свидетельские. Есть его показание — искреннее, простое. Конечно, он не виноват. Отпустим его с миром. Подписывайтесь.

Члены комиссии радостно заскрипели перьями. Дошла очередь до Романа. Все сразу померкли.

Ромэн, конечно, был верен себе. Минут десять рассматривал он исписанную вдоль и поперек пачку бумаг, отдуваясь, сосредоточенно и редко мигая красными веками. Наконец, проговорил:

— Не все бумаги. Смотрите, — нумерация: 1, 2, 3,.. 5 и 6. Где четыре?

Досадливо замахали члены комиссии и вперебой:

— Конечно, недоразумение! По смыслу все бумаги налицо! Не придирайтесь к букве!.. Подписывайте, товарищ Ромэн, не задерживайте... Эх, тут черт знает сколько еще работы!..

— Не подпишу. Надо запросить о недостающем номере. Пошлите курьера, это недалеко. Лучше подождем...

Вид Ромэна изображал скалу, и волны возражений рассыпались от нее пылью. Но один беспокойный, сдерживая раздражение, заворковал с мягкой убедительностью:

— Но, дорогой товарищ Ромэн, мы же все знаем этого человека. Это — честный работник, зарекомендовавший себя с самой лучшей стороны. Неужели вы думаете?..

— Позвольте. Я тоже знаю его за честного и добросовестного работника, зарекомендовавшего себя как следует, однако... — он задвигал челюстями.

— Что «однако»?

— ...меня смущает немного одно место. Это из показания уборщика Чапыгина. Желаете?

— Ах, да, коне-эчно...

Ромэн читал, и снисходительные, иронические мины таяли на лицах сотрудников.

— Что вы скажете? — Ромэн поочередно уколол жестким взглядом каждого из поставивших свои подписи.

— Позвольте, позвольте... — пролепетал председатель, — там разве есть такое место?

Ромэн холодно:

— Я не сочиняю.

— Ну, что вы?! Как вам не совестно...

Все сгрудились вокруг бумажки.

— Это же подсудное дело! — сообразил, наконец, один.

Ромэн бесстрастно жевал корку хлеба, наткнувшись на нее в кармане. Председатель и члены комиссии старательно вымарывали свои подписи.

Собственно в комиссии работы было не так-то много. Каких-нибудь пять-шесть дел. Смело можно было прикончить их за час-два. Но Ромэн с прежней методичностью изучал каждую бумажку, а сотрудники, потухшие и потерявшие интерес к стенным часам, более возражать не пытались. Комиссия закончила работу в два часа дня.

В половине третьего присутствие Ромэна было необходимо в управлении. Однако по дороге ему предстояло забежать в три места. В одном он просидел двадцать минут и не дождался некоего Зайцева, с которым должно было выяснить вопрос об отчислениях в пользу пострадавших от землетрясения японцев. Соответствующие директивы требовали срочно организовать помощь. Ушел, мрачно негодуя.

В другом месте минут двадцать пять ушло на горячую дискуссию с предбумтреста. Управление нуждалось в бумаге, но не имело достаточно средств для этого. Его устраивала большая скидка и годовая рассрочка платежа: дело,

почти неосуществимое в условиях общей зависимости от оборотных средств. Единственный человек, способный что-либо сделать здесь, был Ромэн, и он за аргументами в карман не лазил: они у него сидели в голове, приведенные в стройный порядок, еще со времени утреннего завтрака. Спокойно и тяжело долбил ими мокрого от потения предбума и получил ордер на 80 пудов бумаги.

В третьем месте огромное количество времени увязло в «оросительной системе местечка Кара-су». Строго послушный наказу пославшего его, Ромэн и здесь добился своего: поддержка в оборудовании системы была обещана.

— Только вы не думайте, — крикнул ему вслед взлохмаченный от аргументов старший инженер, — это будет не так-то много!..

Ромэн остановился, пожевал губами. И медленно вернулся.

— Вы говорите: немного. А сколько же, примерно? Нам нужно 2.000 червонных рублей...

— Ой, что вы!.. — шарахнулся инженер. — Самое большее мы можем дать 500 рублей, и то...

— Н-да-а, это действительно немного! — Ромэн вернулся, сел, поднял взор, и инженер с отчаянием убедился в холодной решимости просителя продолжать аргументацию.

Помирились на 1.500. Это была как раз та сумма, в которой нуждалось управление. Ромэн немного запросил, зная скверную привычку человеческую — всегда оспаривать первую цифру.

Совсем разлохмаченный инженер проводил посетителя до дверей и долго смотрел за ним в окно, ероша волосы.

Улица проглотила Ромэна переулочком, инженер, качая головой, сел за прерванную работу.

— Опять с опозданием! — укоризненно заметили в управлении. На говорившего Ромэн поднял черные с поволокой хронической усталости глаза, но объясняться не хотелось.

На столе Ромэна лежала груда бумаг. Кто-то сердито перерыл ее, вспахал. Регистраторов и машинисток сократили, предстояло самому груду разнять на пласты, самому

написать ответ в десятки мест, снести на подпись, сдать рассылному, проставить исходящие номера на оригиналах и на копиях, копии подшить к делу... Зарегистрировать почту, доложить о «срочном и важном», поймать нача, получить резолюции и исполнить. Кроме всего, уже сидели, тоскливо маяча и порываясь то и дело встать, два лектора. Нужно было удостоверить их работу, провести через входящий журнал, переговорить с казначеем о дне оплаты, отметить в лекционном деле проделанную работу, дать некоторые указания и изменить план лекций.

Лекторы хорошо знали Ромэна, знали, что пока он не покончит с бумажным морем, им надеяться на аудиенцию нечего. И все же оба враз поднялись и враз заговорили. Ромэн посадил их на место одним взглядом.

Входящий журнал. №. Краткое содержание бумаги. Резолюция. Отметка исполнения. Ответ. Исходящий №. Копия. Росла горка исполненных. Работая, как автомат, Ромэн чутко прислушивался к шагам: «не упустить нача». Вдруг сорвался и поймал у выхода пома. Передал ему под расписку «срочное и важное». Пом пытался отбояриться: «снесите сами, мне некогда», но от Ромэна отделаться трудно, пом это знал и сопротивлялся слабо, — в силу традиций.

Когда между лекторами и лицом Ромэна лег свежий пласт «обработанных» к подписи, Ромэн посмотрел на часы и задумался: стало ясно, что сегодня он не очистит стола. Явилось показание к ночной работе. Снес исполненные номера начу, сдал рассылному. Принял лекторов.

— Товарищ Ромэн, — сказал один из них, теребя затасканную фуражку, — вот когда я соглашался читать, вы обещали четыре рубля за лекционный час, а сейчас даете только три. Как же так?..

— Ничего не могу сказать, — отвечал Ромэн, стараясь глядеть твердо. — Не от меня зависит, сами знаете... Распоряжение... Недостаток средств... Экономия, экономия во всем...

— Согласен, товарищ Ромэн, но не на наших тощих животах...

Ромэн вспомнил, что через пять минут нужно быть в горькоме, но лектор в самом деле был тощ и жалок.

— Товарищ Ромэн, — продолжал тот вяло и неотвязно, как отравленная муха, — вы должны войти в мое положение. Я бы не просил, сами знаете: пять человек детишек, жена, мать-старуха. Экономия, о которой вы говорите... Эх, да что там! Вот, смотрите... — лектор стал загибать худые нервные пальцы, откладывая на них что-то.

Ромэн следил за ним строго-внимательно, но думал о постороннем.

— Я, товарищ Ромэн, наверное не стал бы вам надоедать, — тосковал лектор, — но посудите сами: фунт мяса — шесть миллионов рублей, фунт хлеба — один миллион, фунт картошки...

«Когда он замолчит? Ну, что я могу сделать?» — раздражаясь понемногу, но еще владея собой, думал Ромэн и, чтобы подавить злые чувства к несчастному лектору, припоминал дальнейшую программу дня. Сейчас — в горьком, к четверем с половиной — на собрание по поводу событий в Германии, в шесть — лекция на курсах, в семь... что такое в семь? — Кажется, политпроверка. А там еще попутно нужно исполнить пять-шесть дел, из них два свои, личные. Нужно забежать в редакцию получить гонорар. Ах, черт, редакция только до четырех. Опоздал, опоздал...»

А лектор тосковал, ломая пальцы:

— Я вот ставлю в отчетах «два часа», на самом же деле каждая лекция отнимает у меня больше трех часов времени. Вы этого не принимаете во внимание. Тогда я буду представлять «три часа». Время — те же деньги. Каждый лишний час — лишний заработок... У меня пять человек детей, а жена, извините, может быть, вам не интересно, уже опять... значит, еще один рот и тоже, небось, кушать будет просить.

Ромэн решил поставить точку:

— Что вы, собственно, хотите сказать? — спросил он мрачно-официально. — Чего вы хотите от меня?

Лектор оробел:

— Я же говорил... оплата...

— Напишите заявление, подайте в общую канцелярию, за ответом приходите завтра... — и уткнулся в бумаги.

С настойчивостью гибнущей мухи лектор сел писать заявление.

В горьком предложили выступить вечером на спичечной фабрике.

Беспокойно объяснял измотанный завагитом:

— Непременно прибудьте раньше. Лучше к семи часам уже быть там. Ничего не понимаю, что там творится... До собрания необходимо сговориться с ячейкой. Да что я вам объясняю! Вы это знаете лучше меня. В семь вы должны быть на месте.

— В семь я не могу. У меня в семь политпроверка.

— Бросьте ее к черту!

— Этого я не могу сделать.

— Почему не можете?

— Я и так два раза... бросал ее к черту.

— Бросьте в третий раз. Где проверка? Мы пошлем на нее вместо вас.

— В восемь у меня политграмма...

— К черту политграмму!

Ромэн пожевал губами, силясь вспомнить, что у него в девять. Не вспомнил. Побежал в редакцию, не надеясь ни на что.

Кассира не оказалось. Ушел в казначейство за деньгами. Ромэн с жадностью пробывшего два года на необитаемом острове накинудся на газеты. Поглощал «события в Германии». Ныли виски, во рту было скверно от частого курения, желудок перекачивал пустоту.

Кассир пришел двадцать пять минут пятого и, конечно, отказался платить: «потому что, сами видите, занятия кончились, не понимаю, чего вы ждали?»

— Вы мне все-таки заплатите, я вас ждал полчаса, — Ромэн невольно вспомнил лектора.

— Разве я просил вас ждать? — по трафарету спросил кассир.

— Все равно. Я уже третий раз хожу, вчера два раза, и не застаю вас...

— Вольно ж вам заходить после занятий. Но даже если бы вы пришли в четыре, я не заплатил бы вам.

— Почему?

— Потому, что с трех до четырех я подвожу итоги.

— Сейчас вы не будете подводить их?

— Сейчас не буду. Сейчас поздно, я не обедал.

— Я тоже не обедал. А если вы мне не уплатите, я совсем не буду обедать, не буду ужинать и утром не буду завтракать.

— Ничем не могу помочь... — кассир смотрел пусто мимо Ромэна и выстукивал пальцами по столу: три-та-та-та, три-та-та-та.

— Товарищ кассир, я не уйду, пока вы мне не уплатите.

— Товарищ Ромэн, вы уйдете, потому что я ухожу.

Кассир собирал ведомости со стола, и не оставалось сомнения, что, покончив с этим делом, он не замедлит сбежать из редакции.

— Товарищ кассир, я требую свои деньги, а не милостыню прошу.

— Товарищ Ромэн, вы что угодно можете требовать и... — кассир вдруг просиял, вспомнив: — к тому же у меня нет ключей от кассы. Совершенно забыл об этом...

Узел затянулся намертво. Положение безысходное. Но из суровой практики жизни Ромэн знал, что нет такого положения, из которого нельзя найти лазейки. Он напрягся и нашел ее.

— Товарищ кассир, я прошу у вас взаймы ту сумму, которая мне следует. Я очень прошу.

Кассир подумал.

— Если вы мне отдадите в червонных рублях, по курсу дня, то... пожалуй. Пишите расписку.

* * *

«События в Германии» протекали благополучно. В конце подали одну, грамотно написанную записку:

«Вот в Германии льется рабочая кровь. Монархисты торжествуют. Почему же мы смотрим на это сложа руки? Почему бы нам не послать одну-другую красную дивизию для действительной помощи германскому пролетариату?»

Ромэн вызвался ответить. Огласив записку, он прежде всего спросил:

— Тот, кто задал этот вопрос, пойдет ли он драться с германскими капиталистами, если бы его сейчас немедленно послали?

Молчание.

Сидевший на передней скамье молодой рабочий с досадой оглянулся назад:

— Ну же, ну? Кто подал записку? Шкура какая-нибудь?

Никто не отвечал. И вдруг собрание заволновалось, сразу несколько человек закричали, закричал и молодой рабочий:

— Конечно, пойдем! О чем разговор! Только рано еще! Надо выждать!..

— Записку подал шкурник, — констатировал Ромэн, прислушиваясь к нарастающему протесту пустого желудка, — и подал не потому, что ему очень жаль крови германского рабочего, а лишь затем, чтобы сделать неудачную попытку подковырнуть хоть чем-нибудь советскую власть. Ему ответили товарищи. Я, с своей стороны, скажу, что пока не выясилось полностью отношение германского пролетариата к событиям в Германии, и пока никто не просит нашей помощи в живой силе, мы не имеем права посылать своих дивизий. Все же мы и теперь оказываем ему большую поддержку, а не сидим, сложа руки...

* * *

По дороге на курсы Ромэн забежал в съестную лавку, купил фунт колбасы и булку, чем подавил ропот слабого тела. В общем, опоздал на четверть часа.

Начал лекцию в приподнятом настроении. Говорил о матриархате с таким теплым чувством, будто сам был не-

когда матерью древнего рода. О гибели первобытного коммунизма скорбел душой...

Неожиданно дали себя знать колбаса и усталость. Закренило в сон. По телу расползлась предательская истома. Голова с трудом удерживала равновесие. Веки хлопали, как незакрепленные ставни. Дал задания на дом, простился и вылетел с курсов.

С трудом кончил лекцию.

Мимо, к счастью, проходил трамвай. Вскочил на ходу. Когда брал билет:

— Товарищ кондуктор, разбудите меня у спичечной фабрики.

Публика весело переглянулась.

— На трамвае, товарищ, спать не полагается, — ответил кондуктор, пряча в усах улыбку.

— Но что делать, друг, когда дома спать некогда...

И, конечно, заснул, поместившись в уголке на задней скамейке.

* * *

Зал собраний спичечной фабрики горел огнями. Через открытые окна наружу вырывались крики, шиканье, свист. Летели горящими зигзагами окурки папирос.

— Я, кажется, в самый раз, — не без иронии отметил Ромэн, пробираясь за проклинавшим все на свете членом фабкома.

— Мы вас ждали, ждали и принуждены были начать. Разошлось собрание, ничего слушать не хотят... И все один конторщик, проклятый, пришепнуть бы его из нагана... Да оно, положим, и председатель наш не без греха. Тоже — фортелист...

Президиум заседал на сцене. За кулисами Ромэна встретил председатель фабричного комитета. Горячей рукой крепко поздоровался с ним, но он не был взволнован, он был во всех своих пяти чувствах, этот маленький лобастый че-

ловек с большими очками на носу, — фортелист, как его нарек встретивший Ромэна член фабкома.

— Воюем, — проговорил он, благодушно и доброжелательно взглянул на Ромэна, примите, мол, и вы посильное участие.

— Ну, расскажите, в чем здесь дело?

— Э... чего там! Пойдемте. Я сейчас выступлю, и вы все поймете. Если нужно будет... наверно, нужно... — он взглянул поверх очков с комично-горькой миной, — выступайте после меня. Сейчас там ораторствует ба-альшой прохвост. Слышите, пожинает лавры...

Разгоряченные потные лица. Гул роящегося гигантского улья. Духота и завесы табачного дыма. На трибуне жестикулировал горячо и бросал в публику злобные обвинения против администрации, фабкома и поставивших их человек с длинными волосами, зачесанными назад, с изрытым оспой лицом и с папироской за ухом.

— Конторщик наш... прохвост... — повторил предфабкома, светясь улыбкой.

Ромэн сел за длинный стол на сцене, где уже сидели пять человек, и сейчас же почувствовал, что он снова голоден, голоден, как после длительной острой болезни. «Глупость сделал.... Нужно было купить больше колбасы и не спать в трамвае, не спать, а есть...»

Стараясь вникнуть в смысл обвинений оратора, бессознательно уперся в изъеденный профиль его неподвижным взглядом черных навывкате глаз. Оратор, вздрогнув, обернулся, скривил побледневшее лицо и сразу поплел невесть что о чеке, о кожаных куртках с наганами, о невинных жертвах.

— Вот прохвост! — шептал на ухо предфабкома, поместившийся рядом.

Несколько раз оратор делал движение рукой, словно желал стереть с лица своего примерзший взгляд Ромэна. Наконец, смешался и кончил под значительно меньший гул одобрения.

У Ромэна кружилась голова от духоты и обострившегося голода. Несмотря на это, он еще до выступления пред-

фабкома понял всю несложную подоплеку, на которой беззастенчиво базировался в своей демагогии конторщик. Дело касалось нескольких пар обуви, которую должны были получить рабочие и которую, вот уже три месяца, почему-то не получили. Конторщик имел сильное влечение в фабричный комитет, не брезговал средствами и для своего выступления выбрал удачный момент. Но Ромэн заметил, что большая часть собрания не выражала восторгов во время его демагогической речи и лишь изредка мрачно гудела, отзываясь исключительно на слова, посвященные злобе вечера.

«Ерунда, — решил Ромэн, вспоминая обеспокоенное лицо завагитом горкома, — дело не стоит больших хлопот».

В следующие минуты ему пришлось изменить свое мнение.

Выступил «фортелист» — улыбающийся человек, и зал с первых же его спотыкающихся слов загорелся огнем обструкции. Председатель собрания с трудом восстанавливал тишину.

Добродушно и нескладно предфабкома объяснял причины неполучения обуви. В общем — очень неубедительно. Выходило, что обувь и получена и не получена, — своеобразная фортелистская диалектика. Конторщик, укрывшийся в задних рядах и поддерживаемый кучкой единомышленников, выкрикивал ядовито:

— Представитель советской власти! Долой! Вон!.. Семейку свою обуваешь!..

Улыбающемуся оратору не дали договорить, смяв слабый огонек его красноречия смерчем негодования.

Подошел к пюпитру, заменявшему трибуну, Ромэн. Выждал, когда зал утихомирится; это он делал лучше, чем говорил. Затем выпил воды, потому что внезапно поднялась икота.

Говорил с усилием, будто ворочал глыбы, а не слова. Все время боялся предательства со стороны желудка. Разделался при помощи увесистых корявых слов с конторщиком. Вывел его на свежую воду. Затем обратился к аудитории. Не стыдя, не увещевая, спокойно, с паузами рисовал ей

картину, как из-за жалкой пары обуви громадный коллектив, целая фабрика получает дурную славу на всю Республику, на весь Союз, быть может. Как злобно-радостно и жадно подхватывают враги советской власти каждое недоразумение, каждую размолвку в среде рабочих, и из глупого недоразумения растет и ширится чудовищная сплетня, дурманящая головы европейских рабочих.

Через полчаса в зале слышно короткое, сдерживаемое дыхание сотен грудей. Но стоило Ромэну упомянуть имя предфабкома, буря разражалась с новой силой.

«Кажется, здесь два прохвоста, — подумал Ромэн, — один — громкий, другой — тихий». И обещал собранию завтра же разобраться в личности «благодарного» лобастого человечка.

Закончил под дружные аплодисменты, — бледный, едва держась на ногах.

Но этим его испытания не исчерпались. Захотел реабилитировать свою личность конторщик. Взял слово:

— Товарищи, меня здесь обозвали чуть ли не контр-революционером... Товарищи, вы знаете меня... Я, который... — и пошел распинаться.

Собрание внимало рассеянno и равнодушно. Позевывали и посмеивались. Конторщик сообразил, наконец, что автобиография его успеха не будет иметь, и круто повернул к новым обвинениям против злосчастного предфабкома. Через пять минут зал бушевал.

Еще и еще раз потребовалось выступление Романа. Закрыли собрание очень поздно. Давно смолк звон трамваев. Моросил дождь. Ромэну пришлось на усталых ногах резать город из края в край до своей квартиры.

Шел, тяжело переставляя ноги, с распухшей головой, с разбитым телом. Лишь желудок теперь молчал, израсходовав всю свою моторную энергию. Хотелось свалиться кулем где-нибудь в подъезде, закрыть глаза и отдаться мертвому сну. Остановился, выбирая место, но, одумавшись, напряг волю и заставил себя продолжать путь.

Вечер

— Ну вот, я освободился... — потный, с прилипшими ко лбу волосами, похудевший так, что заострились скулы и вокруг рта легла мученическая складка.

— Да, ты, наконец, освободился... — эхом отозвалась жена. — Обедать будешь?

Ромэн в шинели стоял посреди комнаты, сгорбившись, маленький, выжатый.

— Обедать, Рома, будешь? — голос жены дрогнул и сорвался.

— ...обедать?

— Да, обедать, говорю, будешь?

— ...обедать?

Жена всхлипнула, схватила за горло и стала собирать на стол.

Ромэн продолжал стоять в той же позе: руки глубоко в карманах, голова на тонкой, почти детской шее вытянута вперед, и лицо с мучительной маскообразной гримасой. Свинцом налитые мозги отказывались что-либо воспринимать. Вертелись хвосты фраз, изводя своей навязчивостью. Пестрым калейдоскопом с сумасшедшей быстротой носились лица и куски событий. «Товарищи, я, который! Товарищи, я, который! — дико вопил конторщик, потрясая намасленными лохмами. — Но не на наших тощих животах, не на наших, не на наших!..» — перебивал его, тоскуя и перегибаясь пополам, длинный и худой лектор. «Это будет не так-то много, нет, нет!» — говорил взволнованно инженер. Всех их сметало землетрясение (Ромэн шире расставлял ноги); кавардак, туман... Из тумана оформлялись чьи-то желтые лица, раскосые глаза, и глаза эти с немой тоской и укоризной безмолвно жалили, жалили, жалили... «К черту», шептал безжизненно Ромэн. Появлялась рука и размашисто чертила по лицам резолюцию красными чернилами: «Принять к сведению и исполнению». Поджимал губы нач: «Опять с опозданием, ой, ой!..» Исходящие №№ выбрасывались картечью из жерла таинственной пушки,

но то не пушка — черный, круглый провал, пустое место, пустые глаза кассира: «Ничем не могу помочь. Ничем не могу помочь. Я сейчас уйду, и вы уйдете...» «Воюем, воюем», хитренько усмехался тихий прохвост с большими очками на носу. «Матриархат, — далее говорил он, обращаясь к курсантам проникновенно и невежественно, — есть некая форма семьи, существующая и поныне на спичечной фабрике...» «Шкура какая-нибудь», — ввертывал негодуя молодец рабочий. И всех покрывало: «Товарищи, я, который, я, который!..» Уже не было видно конторщика — конторщика, как такового; кипела каша: головы, глаза, глаза, глаза, лес рук, носы; прыгали номера, слова, все ворочалось, переплеталось, как клубок червей. И поверх каши откуда-то из воздуха: «Товарищи, я который! Я, который!..»

— Уф... — тяжело выдохнул Ромэн и с удивлением, с испугом оглянулся.

— Иди обедать, Рома, — робко предложила жена, заметив признаки жизни в безжизненном лице супруга.

— Обедать? Я, кажется, уже где-то обедал...

— Ну, а есть-то ты хочешь?

— Есть? Н-не знаю...

— Ну, садись, все равно.

Автоматически заработали челюсти. Остеклялся взор. Сизая муть опустилась на мозг. Расширились пределы комнаты, ушли в бесконечность... На солнце сверкнула янтарем узкая полоска ржи, дохнул теплый ветерок, насыщенный запахом цветов и полыни... Ромэн замер с ложкой у рта, маска лица тронулась детской улыбкой.

Жена сидела рядом, с грустью наблюдая, потом осторожно поднялась, вспомнив что-то.

— Рома, с тобой можно говорить?

— Садись, Нюрка, поговорим.

Покорно подошла жена и задрожала, увидя в глазах мужа ласку и извинение.

— Ты опять заговоришься, а потом будешь меня бранить, — сказала, прижимаясь к нему и удерживая слезы радости.

— Ну-ну, ты остановишь меня вовремя... Сегодня был интересный случай...

Разговор незаметно затянулся. За день и на той и на другой стороне скопилось многое, о чем беседовать было приятно и интересно. Несмотря на это, жена два раза напоминала о времени и каждый раз получала энергичный отпор:

— Что я вол, что ли, какой? И поговорить не могу, когда хочется? Все дела да бумаги, лекции да собрания, этак и ноги протянешь... Как тебе не совестно напоминать мне о деле, разве я мало работаю?..

Разговор продолжался...

Наконец, нечаянно взглянув на часы, Ромэн резко оборвал начатую фразу жены:

— Ой! Уже три часа! Вечно ты с разговорами лезешь, а у меня дело стоит...

Жена побледнела от несправедливого упрека, вытянулась и напрягла всю свою волю, чтобы не разрыдаться.

— Ты должен взять отпуск, — сказала неестественно громко и по слогам, — ты стал ненормальным...

Ромэн с удивлением взглянул на нее, будто впервые увидал. Нахмурился.

— Глупости! Глупости все! И нечего говорить! Кто за меня работать станет?

— Но почему Иванов уже был в отпуску, и Гогия и Карпенко были? Почему тебе нельзя? Кто же за них работает?

Сжал Ромэн челюсти и лаконически — от стола:

— Не знаю. Не мое дело. Не мешай!

Поплакала жена и в слезах уснула. Через полчаса сдался и Ромэн: сон сразил его у стола с карандашом в руке.

В окно брезжил новый день.

А. Шерман

ЗАГАДКА ВИКТОРА ГОНЧАРОВА

Ранняя советская фантастика во многом остается *terra incognita*. За сухими строками все еще неполных библиографий часто нет биографий; мы мало или совсем ничего не знаем об авторах целого ряда ярких и примечательных романов, повестей и рассказов. Однако и на таком фоне случай Виктора Алексеевича Гончарова представляется исключительным – неизвестны даже даты его жизни, а ведь речь идет об одном из основоположников советской фантастики и весьма заметном авторе фантастической и авантюрной прозы 1920-х годов.

Гончаров, как блуждающая комета, явился буквально из ниоткуда и за три года (1924-1926) успел выпустить в центральных издательствах пять романов и повесть. Совокупный тираж его произведений достиг внушительной по тем временам цифры (более 55 тысяч экз.). Наряду с определенной безыскусностью и неотшлифованностью, его книги поражают изобретательностью, богатством фантазии, тематическим разнообразием – писатель пробовал свои силы в таких поджанрах, которые определили бы сегодня как «космическая опера», палеофантастика, приключенческо-детективный триллер, фантастика микромира и т. д. В нем ощущался бесспорный талант и большой нереализованный потенциал; он мог бы стать классиком НФ-литературы, если бы жил в другом месте или хотя бы в другое время.

Но Гончаров жил в Советском Союзе в двадцатых годах, когда фантастам и «приключенцам» выпал лишь глоток свободы. Его недолгий взлет сменился долгим забвением. Не добившись славы куда менее одаренных современников, Гончаров десятилетиями оставался практически неизвестен читателям. Причина этого, безусловно, состояла в насильственном изъятии писателя из литературы – с конца 1920-х гг. произведения Гончарова в СССР не переиздавались, а все книги его, несмотря на относительно приличные тиражи, стали библиографическими редкостями.

О жизни Гончарова известно крайне мало. Возможно, он был уроженцем Украины, где начинается действие «Психо-машины», первого романа его космической дилогии. В ранних текстах Гончарова изредка встречаются украинские обороты, а в «Межпланетном путешественнике» главный герой узнает в окуляре родные края, в «порыве внезапной нежности» восклицает «Украина!» и обнимает трубу телескопа.

Проза Гончарова не свидетельствует об особой литературной изощренности и начитанности. Его источниками часто выступают бульварные «сыщицкие» и псевдо-«оккультные» романы, фан-

тастические произведения предшественников и научно-популярные книги. Вероятно, у него не было высшего образования. Не исключено, что Гончаров, как и его любимые герои – комсомольцы и «фабзавуки» – был во многом автодидактом; с другой стороны, в чем-то он мог и приспособливаться к аудитории.

Считается установленным, что в начале 1920-х гг. Гончаров жил в Тифлисе. Возможно, он имел какое-то отношение к системе образования и воспитания молодежи – но все это не более чем догадки. Именно в Тифлисе обитает еще один герой «Межпланетного путешественника», профессор Зэнэль. И именно в Тифлисе в январском номере журнала Закавказского крайкома РКСМ *Красные восходы* за 1923 г. было опубликовано первое известное произведение Гончарова, «Жизнь невидимая» – бесхитростный и назидательный, однако не лишенный юмора фантастический рассказ о «конференции» микробов.

В феврале-марте 1924 г. в том же журнале начала печататься повесть «Ком-са», ставшая затем второй частью «Межпланетного путешественника». Год этот выдался весьма «урожайным» для Гончарова: в издательстве «Молодая гвардия» одна за другой выходят обе книги космической дилогии, «Психо-машина» и «Межпланетный путешественник», в ЗИФе – «Приключения доктора Скальпеля и фабзавука Николки в мире малых величин», первая часть дилогии о докторе Скальпеле.

Очевидно, писательский успех побудил Гончарова в середине двадцатых годов перебраться в Москву. В справочнике «Вся Москва» на 1927 г. мы находим литератора Виктора Алексеевича Гончарова, проживающего на Большой Грузинской, д. 16, кв. 9.

В 1925 г. Гончаров выпускает в ленинградском издательстве «Прибой» авантюрно-фантастический и крайне «игровой» роман «Долина Смерти (Искатели детрюита)», а в ЗИФе – палеофантастический роман «Век гигантов», продолжение похождений доктора Скальпеля и его спутника Николки. Книга вышла с посвящением «пионерам, фабзайчатам и комсомольцам».

В 1926 г. «Молодая гвардия» публикует приключенческий роман Гончарова «Под солнцем тропиков», авантюрно-просветительское повествование в духе Ж. Верна, но со свойственным Гончарову иронически-пародийным переосмыслением канонов жанра.

Критика Гончарова не жаловала, времена же становились все более суровыми. Случайно или нет, но закат Гончарова совпал с падением Л. Троцкого. Быть может, Гончарову запомнили «завет товарища Троцкого» в самом начале «Малых величин»....

Писатель делает попытку отойти от фантастическо-приключенческой литературы, после и вовсе исчезает с литературного горизонта. В 1927 г. в «Молодой гвардии» еще выходит переиздание «Малых величин», в январской книжке журнала *Октябрь* – реалистический и несколько кафкианский рассказ «День Ромэна». Далее – провал, молчание.

В 1930 г., согласно справочнику «Вся Москва», «литератор» Гончаров еще проживал на Большой Грузинской, а значит, литературой занимался. Работал ли он в какой-либо редакции, публиковался под псевдонимом (если псевдонимом не был «Вик. Гончаров»), писал скетчи и репризы? Оказался ли в конце концов в сталинских застенках? Этого мы не знаем. Последним «литературным приветом» от Виктора Гончарова стала необычная публикация в киевском журнале *Знання та праця*, где некий Илья Китаевич напечатал в №№ 7-8 за 1931 г. повесть «Доброго здоров'я: (З В. Гончарова)», представлявшую собой сокращенную переработку «Малых величин». Не стоял ли за этой публикацией сам Гончаров? Еще одна загадка...

Возвращение Гончарова к читателям оказалось сложным и растянулось на многие годы. Библиограф фантастики В. Бугров заметил в свое время, что книги Гончарова, «написанные вроде бы вполне “в духе эпохи”, однако ж – совершенно без оглядки на официальную идеологию, эти книги таили в себе то самое инакомыслие, борьба с которым становилась едва ли не главной заботой утверждавшегося тоталитаризма». Это преувеличение: книги Гончарова идеологически выдержаны, их главный стержень – борьба с внешними и внутренними врагами, «последний бой» с капиталом, революционные перемены, будь то на других планетах или в первобытном обществе; в них (при всей иронии) воспеваются шпиономания и коммунистическая экспансия, последовательно проводится мысль о духовном, моральном и интеллектуальном превосходстве молодого племени «комсы» над расхлябанной и рефлектирующей интеллигенцией.

Однако в каждой из них действительно можно было найти нечто идеологически неприемлемое: космическая диалогия – махровый идеализм, чуть ли не «Люмен» К. Фламариона (не говоря уже о бесполом размножении коммунистов будущего и «атавистических» пережитках сексуальности); доктор Скальпель и Николка ведут сомнительные беседы и предаются канибализму, пожирая человеческий жир; «Долина Смерти» взрывает изнутри все штампы и каноны столь важных для режима «милицейских» и шпионских романов и т. п. Поэтому даже в эпоху

«оттепели» трудно было помыслить о переиздании книг Гончарова.

О писателе, тем не менее, начали осторожно напоминать фантастоведа. В известной статье «Фантастика, рожденная революцией» (сб. «Фантастика 1966», вып. 3) Р. Нудельман кратко упомянул о нескольких произведениях Гончарова, заметив:

Беда Гончарова, писателя, несомненно, талантливого, одаренного живым юмором, состояла в том, что у него было слишком буйное воображение и слишком сильное пристрастие к приключениям при полном или почти полном отсутствии серьезных научных и социальных идей; поэтому он широко использовал чужие идеи и сюжеты.

Более подробно писал о Гончарове А. Бритиков в книге «Русский советский научно-фантастический роман» (Л., 1970), выделяя в его произведениях пародийное начало:

Прослеживается связь «Двенадцати стульев» и с другим авантюрным романом 20-х годов – «Долиной смерти» (1924) В. Гончарова. Эпопея отца Федора в поисках зашитого в стул клада очень похожа на злоключения гончаровского дьякона Ипостасина с таинственным детрюитом. Спасаясь от чекистов, дьякон скрылся в неприступных кавказских скалах и тихо спятил в обществе шакалов, как отец Федор в соседстве с орлом в аналогичном кавказском эпизоде. Любопытно, однако, что как раз гончаровский персонаж кажется списанным с отца Федора, а не наоборот. Ничего похожего на социально-бытовой подтекст сатиры Ильфа и Петрова у Гончарова нет. Искры дарования (они, по-видимому, и остановили внимание авторов «Двенадцати стульев») поглотила модная авантюрно-пародийная волна.

Между упомогающими приключениями Гончаров иногда довольно толково описывает (по книгам), например, лучевую болезнь и даже прорицает, что когда-нибудь «появится на свет божий» атомная взрывчатка. Но когда сам начинает фантазировать и сообщает, например, что радиоактивные металлы добываются выплавкой из руд или что пучок радиоактивного излучения режет материальные тела (да еще «со свистом»!), вспоминается одна реплика в романе Гончарова: «Это или абсолютное незнакомство с физикой, или вообще дурость». <...>

Разумеется, это было эпатированием: передразнивалась лихость, с какой авторы «красного Пинкертона» кинулись изобре-

тать разную техническую невидаль. Но и Катаев, высмеивавший советский авантюрный роман, и М. Шагинян (Джим Доллар), пародировавшая буржуазный, и Гончаров, передразнивавший всех и самого себя, превращали научно-фантастические мотивы в предмет литературной игры. <...>

Для откровенных халтурщиков авантюренность и пародийность «красного Пинкертона» была находкой. Спецификой жанра оправдывалось все, что угодно. В «Долине смерти» Гончарова студент-химик изобретает детрюит – вещество огромной разрушительной силы. Детрюит похищают. Агент ГПУ, спасенный «исторически закономерной» подружкой, расследует пропажу и обнаруживает контрреволюционный заговор. На конспиративном сборище выжившие из ума старцы и дегенераты (прообраз «Союза меча и орала» в «Двенадцати стульях») выкрикивают: «К чертовой бабушке взорвем Кремль, передадим большевиков...!»

Служка, аресты, ловушки, прыжки с пятого этажа, таинственные подземелья... Как писал Катаев: «Василий Блаженный... Индия... Подземный Кремль... Библиотека Ивана Грозного... Да, да. Я чувствую, что между этим существует какая-то связь» <...>

Когда, наконец, детрюит возвращается в те руки, в которых должен быть, он перестает действовать. С некоторой растерянностью критик-современник писал, что эпопея детрюита напомнила ему ирландскую сказку, в которой коты дрались так отчаянно, что остались одни хвосты... Кстати, в романе «Межпланетный путешественник» (1924) у Гончарова как раз такая ассоциация: «Мирно обнявшись, словно наигравшиеся котята, спали там (во вражеском воздушном корабле! – А. Б.) мои верные спутники... Вот что значит простая здоровая натура! Вот что значит не иметь интеллигентской расхлябанности!».

Критик не подозревал, что автор иронизирует, что «статная красивая фигура, обнаруживающая необыкновенную силищу; юное мужественное с открытым большим лбом лицо; энергические движения; смелый пронизывающий взгляд цвета стали глаз» положительного героя – литературная ирония, а отрицательный персонаж, в одном романе выступающий «безобразным павианом, которому только что отрубили хвост», в другом отвратительно цикающий слюной в собственную «ноздрю вместо окна», – пародийный гротеск.

В «Долине смерти» «котята» погибают, воскресают, совещаются с автором, что бы такое вытворить, и вновь принимаются валить дурака. Начальник ГПУ, изловив дьякона, опять полез в скалы, «привычным глазом предварительно выследа толстый зад гру-

зинского меньшевика». Английский авантюрист, не выдержав навязанной автором гнусной роли, вдруг потребовал реабилитации, «сел на гоночный самолет и умчался»... на съезд компартии. (Последнее, должно быть, означало насмешку над немыслимыми переплоскостями персонажей в «Месс-Менд», например).

На конференции автора с героями выяснилось, что история с детрюитом дьякону просто примерещилась. Несчастный, оказывается, страдал летаргией, «осложненной истерической болтливостью». Одобрительно похлопывая автора по плечу, воскрешенные и реабилитированные персонажи выразили уверенность, что дьяконы галлюцинации «дадут нашему уважаемому литератору т. Гончарову приличный заработок... Как, Гончарка, дадут?...»

С рассуждениями Нудельмана и Бритикова невозможно полностью согласиться: к примеру, такого писателя, как Гончаров, едва ли серьезно беспокоила научная обоснованность фантастических предпосылок. Его литература – чистейший *fun*, развлечение (не лишенное, как советская фантастика в целом, идеологической подоплеки). Но есть в этих рассуждениях и глубоко здоровое зерно: сама «специфика жанра», установка на тотальную пародийность и головокружительную смену приключений помешала Гончарову вырваться за пределы однажды избранной жанровой колеи, усовершенствовать писательскую технику, стать вровень, скажем, хотя бы с А. Беляевым.

Противоречивые оценки сопутствовали Гончарову и в будущем – от безапелляционного и откровенно глупого заявления фантаста К. Булычева («Книги-однодневки Гончарова написаны плохо, но залихватски. Настолько, что когда о нем упоминают критики, то уверяют, что Гончаров писал пародии. Но пародировать ему в середине двадцатых годов было некого. Наоборот, он ковал книжки для умственно неразвитых комсомольцев») до полных нелепостей, неточностей и натяжек утверждений высоко ценящего Гончарова критика и писателя А. Первушина. Последний «вписывает» в роман Гончарова «первую межвселенскую экспедицию» и в статье «Кто начал “Звездные войны”?»: Виктор Гончаров как первопроходец жанра» (*Библиотечное дело*, 2013, № 16) уверяет, что

...за советским фантастом можно зарегистрировать сразу несколько нововведений в научной фантастике: описание первого межзвездного и межвселенского перелета, описание параллельных миров, в которых время течет по-разному, описание аст-

роинженерных сооружений, описание последствий применения психотронных генераторов. Более чем достаточно!

Словно и не было ни упоминавшегося Фламмариона, ни Ш. Дефонте, ни Р. Коула и многих, многих других... Гончаров, фантаст незаурядный и нередко оригинальный, в подобной «патриотической» защите менее всего нуждается.

В бурные «перестроечные» годы, на волне возвращения имен забытых, опальных или репрессированных писателей, о Гончарове, как ни странно, так и не вспомнили. Лишь в 1994 г. стараниями В. Бугрова в Екатеринбурге громадным (75000) тиражом вышла книга «Долина смерти», включившая титульный роман и «Век гигантов». После этого... о Гончарове благополучно забыли еще на полтора десятка лет.

Систематическое переиздание книг Гончарова началось в 2010 г. К сожалению, занимались им в основном мелкие издательства, беззастенчиво спекулировавшие «раритетной» фантастикой; ничтожные тиражи и умопомрачительные цены этих книг были изначально рассчитаны на фанатов-коллекционеров. Только с появлением общедоступных сканов ряда первоизданий, выполненных сперва энтузиастами фантастики (в том числе и А. Первушиным), а затем и государственными библиотеками России, и публикацией произведений В. Гончарова в издательстве Salamandra P.V.V. (2014-2016), книги писателя действительно вернулись к широкому кругу читателей.

По всем жанровым канонам, которые так осмеивал Виктор Гончаров, в настоящей статье должны были появиться пространные изложения фабулы его книг, глубокомысленные замечания и веские толкования. Но это ни к чему: произведения Гончарова теперь доступны всем, и каждый волен интерпретировать их по-своему. В них можно увидеть многое – и уродливую идеологию, что в новом воплощении вновь поднимает голову в наши дни, и насмешку над нею, и наивное «ретро», и безудержный полет фантазии... Нет в них только одного: решения загадки Виктора Гончарова.

Примечания

Под солнцем тропиков

Роман «Под солнцем тропиков» впервые вышел в свет в изд-ве «Молодая гвардия» (М.-Л., 1926) тиражом в 7000 экз. В СССР не переиздавался. Переизд.: Витебск, без указ. изд., 2010; Б.м.: Salamandra P.V.V., 2015.

Текст публикуется по первому изданию с исправлением ряда очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

День Ромэна

Рассказ был впервые напечатан в журн. *Октябрь* (1927, кн. первая, январь). В СССР не переиздавался. Переизд.: Витебск, без указ. изд., 2010 (в сост. сб. «Межпланетный путешественник»).

Текст публикуется по первому изданию с исправлением ряда очевидных опечаток и некоторых устаревших особенностей орфографии и пунктуации.

Этот рассказ об одном дне из жизни «горящего на работе» советского бюрократа-общественника начала 1920-х гг. мало напоминает произведения фантаста Гончарова; если бы не определенные стилистические особенности, его можно было бы счесть произведением однофамильца. Трудно судить, означал ли «День Ромэна» безуспешную попытку Гончарова обратиться к реалистическому письму; во всяком случае, рассказ стал его последним известным произведением.

Оглавление

ПОД СОЛНЦЕМ ТРОПИКОВ

Присказка	7
-----------	---

Часть первая. Из Крапивецка к тропику Козерога

1. Человек, снимающий квартиру в бане, странный человек	12
2. В полетах важно учитывать воздушные течения	17
3. Странный человек-техник теряет голову	23
4. Пионер Петька кроет по воздушному океану	27
5. Встреча с представителями Великой Британии	33
6. Электрический револьвер техника Лялюшкина действует превосходно	39
7. В Австралии водятся утконосы	44
8. Бой Петьки с чертом	51
9. «Смеющийся Джек» и капустная пальма	58
10. Попугаи и люди – Ковровые Змеи	65
11. Волшебный тоннель, исполинский змей и Петька в плену	71

Часть вторая. Жизнь и смерть чародея Инта-тир-каки

1. Ветрогон Бамбар-биу – человек достаточно странный	79
--	----

2. Ковровый удав спасает жизнь пионеру	87
3. Петька в роли следопыта, но...	97
4. Быт людей – Ковровых Змей	103
5. Балия Инта-тир-кака священнодействует	114

Часть третья. Новая эра в общине Ковровых Змей

1. Бамбар-биу объявляет войну духам	124
2. Пионер Петька пионерит	132
3. Унгунья – клуб чернокожих пионеров	142
4. Об эоценовых предках австралийцев	147
5. В пути по красным пескам	157
6. Священная местность – обитель змей и ящеров	168
7. Как насаждалась европейская культура в Австралии	179

Часть четвертая. Гигант Бамбар-биу в действии

1. В долине Ковровых Змей	190
2. Электрифицированные тартарары	201
3. Из-под тропика Козерога – в Крапивецк за пять минут	211
4. Перевалив хребет Мак-Доннеля и тропик Козерога...	215
5. Петька на собрании ист-элиссских пионеров	224
6. Бамбар-биу расправляется с ист-элиссским чудовищем	232
7. Карлик маки-домовой с Малайских островов	241

8. Последний подвиг героя без почвы, Бамбар-биу	249
Посказие	258
ДЕНЬ РОМЭНА	261
<i>А. Шерман. Загадка Виктора Гончарова</i>	280
П р и м е ч а н и я	288

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.